

Лечебное дело

2(85) ИЮНЬ
2023

Научно-практический терапевтический журнал
www.lech-delo.by

МАГНЕРОТ®

магний + оротовая кислота

Больше,
чем просто магний

magnerot.by

**ЛЕКАРСТВЕННЫЙ ПРЕПАРАТ. ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ
СЛЕДУЕТ ОЗНАКОМИТЬСЯ С ИНСТРУКЦИЕЙ.**

Имеются медицинские противопоказания и нежелательные реакции. Магнерот может применяться в терапевтических дозах при соответствующих показаниях во время беременности.
Вөрваг Фарма ГмбХ и Ко. КГ, Германия. Произведено Мауерманн Арцнайmittel КГ, Германия.
На правах рекламы.

Экватор®

лизиноприл/амлодипин

Оригинальная фиксированная комбинация

- ✓ Подтвержденная эффективность*
- ✓ Отличная переносимость*
- ✓ Доказанная органопротекция*

* Павлова О.С. и соав. // Кардиология в Беларуси. – 2009. – №3. – С. 67–73.

Широко применяется в лечении АГ

- ✓ Независимо от пола и возраста
- ✓ Как начальная терапия или при недостаточной эффективности предыдущей терапии
- ✓ В качестве единственного препарата или в составе многокомпонентных комбинаций
- ✓ При сопутствующих заболеваниях:

ИБС

ЦВБ

ХСН

Атеросклероз
периферических
сосудов

МС

СД

ХОБЛ

Нефропатия

Удобен для индивидуального подбора терапии АГ**

- Стартовая и поддерживающая терапия
- Уровень АД >140/90 <160/100 мм рт. ст. на фоне проводимой терапии
- Защита органов-мишеней

- Максимальный гипотензивный эффект
- При неэффективности проводимой терапии и/или сохраняющемся АД $\geq 160/100$ мм рт. ст.
- Усиленное органопротективное действие
- Усиленное антиангинальное действие

** Рекомендации ESH/ESC по лечению АГ 2018 г.

Применение: 1 таблетка 1 раз в сутки независимо от приема пищи

ЛЕКАРСТВЕННЫЕ ПРЕПАРАТЫ.

Имеются противопоказания и нежелательные реакции. Не следует применять во время беременности. Реклама.

Лечебное дело

ИЮНЬ
2(85)/2023

Научно-практический терапевтический журнал

Издается с 2008 года

Периодичность издания: один раз в квартал

Входит в перечень научных изданий, рекомендованных ВАК Республики Беларусь для публикации материалов диссертационных исследований (научное направление – терапия)

Включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (eLibrary.ru)

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор:

А.В. Хапалюк

Заместители главного редактора:

Т.А. Нечесова, Н.Н. Силивончик

Литературный редактор:

И.Г. Давыдик

Дизайн и верстка:

Ю.Л. Бурак

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гастроэнтерология и гепатология

Ю.Х. Мараховский, С.И. Пиманов

Инфекционные болезни

И.А. Карпов

Кардиология

*А.Г. Булгак, Н.П. Митковская, А.Г. Мрочек,
А.М. Пристром, М.С. Пристром,
В.М. Пырочкин, В.А. Снежицкий, М.В. Штонда*

Неврология

В.В. Евстигнеев, В.В. Пономарев, Э.К. Сидорович

Общая и клиническая фармакология

Н.А. Бизунок, А.Г. Захаренко, М.Р. Конорев

Общественное здоровье и здравоохранение

Т.П. Павлович, Т.М. Шаршакова, М.В. Щавелева

Психосоматическая медицина

С.А. Игумнов, А.В. Копытов, О.А. Скугаревский

Пульмонология и фтизиатрия

*С.Е. Алексейчик, Г.Л. Гуревич, Е.А. Лаптева,
А.Э. Макаревич, Е.М. Скрыгина*

Ревматология

Е.В. Кундер, Н.А. Мартусевич, Т.Д. Тябут

Эндокринология

Л.И. Данилова, Т.В. Мохорт, А.П. Шепелькевич

Учредитель и издатель: ООО «Медицинские знания»

Адрес редакции: 220103, г. Минск, ул. Кнорина, д. 55, пом. 1, к. 52

E-mail: akhapa@tut.by

Свидетельство о регистрации № 673 от 18.09.2009 г.

Выдано Министерством информации Республики Беларусь

Подписные индексы журнала

по каталогу РУП «Белпочта»:

01048 (инд.), 010482 (вед.)

Тел. главного редактора:

+375 29 778 97 74; +375 29 674 97 74

Полиграфическое исполнение: Государственное предприятие

«СтройМедиаПроект». ЛП № 02330/71 от 23.01.2014 г.

Ул. Веры Хоружей, 13/61, 220123, г. Минск.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. . Заказ № . Тираж 200 экз.

С информацией о правилах оформления статей

можно ознакомиться на сайте

www.lech-delo.by в рубрике «О журналах».

Мнение авторов не всегда отражает точку зрения редакции.

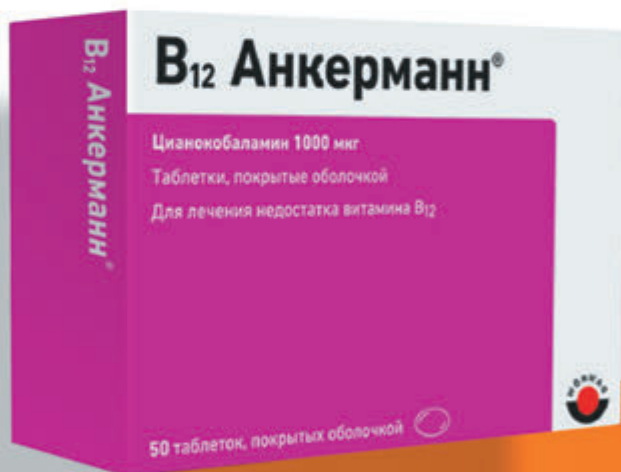
При использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

B12 АНКЕРМАНН®

цианокобаламин

Энергия, память, настроение!

woerwagpharma.by

Проявления дефицита B12:

Ухудшение памяти,
концентрации
внимания

Снижение
мотивации

Парестезии и
онемение в
конечностях,
слабость

Мегалобластная
анемия

ЛЕКАРСТВЕННЫЙ ПРЕПАРАТ. ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ СЛЕДУЕТ ОЗНАКОМИТЬСЯ С ИНСТРУКЦИЕЙ.

Имеются медицинские противопоказания и нежелательные реакции. Длительность приема определяется лечащим врачом (обычно 4 недели). При беременности и лактации рекомендуемая суточная доза витамина B12 составляет 4 мкг. Накопленный в настоящее время опыт не свидетельствует о развитии неблагоприятных эффектов при приеме более высоких доз B12 на плод и вскармливание грудью ребенка.

Вёрваг Фарма ГмбХ и Ко. КГ, Германия. Произведено Артезан Фарма ГмбХ и Ко. КГ, Германия.

На правах рекламы.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ / EDITORIAL

- Лечение обострений хронической обструктивной болезни легких / Treatment of exacerbations of chronic obstructive pulmonary disease**
 А.Э. Макаревич / A.E. Makarevich 7

В МИРЕ ЛЕКАРСТВ / AMONG ALL DRUGS

- Дефицит витамина В₁₂, старение и когнитивные нарушения / Vitamin В₁₂ deficiency, aging and cognitive impairment**
 А.В. Хапалюк / A.V. Khapaliuk 20

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ / SCIENTIFIC PUBLICATIONS

- Влияние боли на качество жизни пациентов с миофасциальным синдромом / Effect of pain on quality of life patients with myofascial syndrome**
 Ю.Ч. Сирицына, А.П. Сиваков / Yu.Ch. Siritsyna, A.P. Sivakov 26
- Антиатерогенное действие рапсового масла в рационе пациентов с избыточной массой тела / Antiatherogenic effect of rapeseed oil in the diet of overweight patients**
 Е.М. Моргунова, Т.А. Нечесова, Н.И. Белякова, В.Н. Бабодей, А.В. Пчельникова, Т.В. Окулова, А.А. Журня, С.В. Черняк / E.M. Morgunova, T.A. Netchessova, N.I. Belikova, V.N. Babodey, A.V. Pchelnikova, T.V. Okulova, A.A. Zhurnya, S.V. Charnyak 32

ОБЗОРЫ И ЛЕКЦИИ / REVIEWS & LECTURES

- Пост-COVID-19-синдром: актуальность, множественность клинических и лабораторных проявлений, возможности диагностики и патогенетической коррекции / Post-COVID-19-syndrome: relevance, multiple clinical and laboratory manifestations, possibilities of diagnosis and pathogenetic correction**
 Л.В. Якубова, Л.В. Кежун, Н.В. Буквальная, Ю.И. Белоус / L.V. Yakubova, L.V. Kezhun, N.V. Bukval'naja, Ju.I. Belous 38
- Полиморбидность: значимость в работе врача общей практики / Polymorbidity: significance in the practice of general physician**
 А.И. Близнюк, В.Э. Сушинский, Н.Н. Мороз-Водолажская / A.I. Blizniuk, V.E. Sushynski, N.N. Maroz-Vadalazhskaya 46
- Диета с низким содержанием FODMAP / Low-FODMAP diet**
 М.В. Штонда, Н.Н. Силивончик, Ж.Л. Сухих, А.Н. Семененко / M.V. Shtonda, N.N. Silivontchik, Z.L. Sukhikh, A.N. Semenenko 52

КОНСЕНСУСЫ, КЛИНИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ И АЛГОРИТМЫ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ / CONSENSUS, CLINICAL RECOMMENDATIONS AND ALGORITHMS FOR PROVIDING MEDICAL CARE

- Рекомендации Маастрихт VI/Флорентийского консенсуса по лечению хеликобактерной инфекции: новые положения и уточнения / Recommendations of the Maastricht VI/Florentine consensus for the treatment of helicobacter infection: new provisions and clarifications**
 С.И. Пиманов, Е.В. Макаренко / S.I. Pimanov, E.V. Makarenko 59

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭТЮДЫ О МЕДИЦИНЕ / LITERARY ETUDES ABOUT MEDICINE

- Радость жизни / La joie de vivre**
 Эмиль Золя / Emile Zola 71

ГАБАГАММА®

габапентин

Безопасный контроль боли!

woerwagpharma.by

Спектр применения:

Нейропатический
болевой
синдром

Терапия
эпилепсии

**ЛЕКАРСТВЕННЫЙ ПРЕПАРАТ. ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ
СЛЕДУЕТ ОЗНАКОМИТЬСЯ С ИНСТРУКЦИЕЙ.**

Имеются медицинские противопоказания и нежелательные реакции. Применение при беременности и в период лактации возможно, если потенциальная польза для матери превышает возможный риск для плода и ребёнка, только по рекомендации и под наблюдением врача.

Вёрваг Фарма ГмбХ и Ко. КГ, Германия. Произведено Драгенофарм Апотекар Пюшль ГмбХ, Германия.
На правах рекламы.

**О сюжете картины Г. Семирадского (1843–1902)
«Доверие А. Македонского врачу Филиппу»
(комментарий кандидата юридических наук, доцента В.М. Ерчака)**

Что означает название картины? Оно означает не просто доверие к своему врачу. Если Вы присмотритесь к выражению лица врача Филиппа, то увидите крайнее удивление, смешанное с возмущением и страхом. Чем вызвана такая гамма чувств? Оказывается, врач Филипп читает донос... на самого себя! В нем «доброжелатель» сообщает Александру Македонскому, что «врач преподнесет ему чашу с ядом, выпив которую, Александр умрет». Можете себе представить чувства молодого повелителя Вселенной после прочтения этого доноса! Но страх перед

Г. Семирадский. Доверие А. Македонского врачу Филиппу

смертью уступил доверию к своему лечащему врачу. И на картине мы видим, как, выпив чашу из рук Филиппа, Александр дает ему прочесть состряпанный на него донос. Этот момент величайшего душевного накала как врача, так и его могущественного пациента изображен на картине.

Полотно несет в себе мощнейший нравственный заряд: человек – образ и подобие Божие. В человеке, по выражению Ф.М. Достоевского, «...борется дьявол с Богом, а поле битвы – сердце человека...». На чью сторону стать – доносчика или А. Македонского – и есть смысл бытия.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

- *Восстановление фертильности у лиц мужского пола при гипогонадотропном гипогонадизме (С.В. Тишковский, Л.В. Никонова)*
- *Кардиомиопатия такоцубо в практике врача-кардиолога (А.А. Клименко, Т.К. Логинова, Г.М. Вердиева и др.)*
- *Механизмы респираторных нарушений после COVID-19 и возможности их коррекции (Ж.В. Антонович)*
- *Раздумья о лечении пациентов с COVID-19 (С.А. Петров, Е.М. Банькова)*

ОДНА ТАБЛЕТКА В ДЕНЬ

ОБЛЕГЧАЕТ ДЫХАНИЕ

**ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ БРОНХИАЛЬНОЙ АСТМЫ
И СИМПТОМОВ АЛЛЕРГИЧЕСКОГО РИНИТА У ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ**

ЛЕКАРСТВЕННЫЙ ПРЕПАРАТ

На правах рекламы. Имеются медицинские противопоказания и нежелательные или побочные реакции.
Применение во время беременности и лактации только в случае явной необходимости.

Перед применением ознакомьтесь с инструкцией

12^{RG} ЛЕТ

ГЕДЕОН РИХТЕР ОАО

ЛЕЧЕНИЕ ОБОСТРЕНИЙ ХРОНИЧЕСКОЙ ОБСТРУКТИВНОЙ БОЛЕЗНИ ЛЕГКИХ

А.Э. Макаревич*

Белорусский государственный медицинский университет, Минск

*Контактная информация. Тел.: +375 17 340 19 11, e-mail: makae.bsmu@gmail.com

TREATMENT OF EXACERBATIONS OF CHRONIC OBSTRUCTIVE PULMONARY DISEASE

A.E. Makarevich*

Belarusian State Medical University, Minsk

*Corresponding author. Tel.: +375 17 340 19 11, e-mail: makae.bsmu@gmail.com

Появление обострений хронической обструктивной болезни легких – частые эпизоды в эволюции болезни, несмотря на современную фармакотерапию заболевания в стабильной фазе. Этот обзор сфокусирован на менеджменте обострений хронической обструктивной болезни легких посредством комбинированной терапии (бронходилататоры, кортикостероиды, антибиотиков и др.) с легочной реабилитацией, которые могут существенно улучшить клинический статус этих пациентов.

KEYWORDS

chronic obstructive pulmonary disease, exacerbation, therapy, bronchodilators, antibiotics, corticosteroids, ventilator's support, profilactice

A development an acute exacerbations of chronic obstructive pulmonary disease are common events in it's evolution despite of optimal using the currently avaiable pharmacotherapy of the disease stable phase. This review focuses on the clinical approach to managment of acute exacerbations of this disease by combined treatment (bronchodilators, systemic corticosteroids, antibiotics etc) with pulmonary rehabilitation. Such therapy can significantly improve a clinical status of these patients.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

хроническая обструктивная болезнь легких, обострение, терапия, бронходилататоры, антибиотики, кортикостероиды, вентиляторная поддержка, реабилитация, профилактика

Цели лечения обострения хронической обструктивной болезни легких (ХОБЛ) – минимизация его влияния на пациента (на его активность, клинический статус и качество жизни – КЖ), а также снижение числа и тяжести обострений болезни в будущем. Обострение определяется как острое ухудшение респираторной симптоматики, что вынуждает усиливать исходную терапию. Предотвращение обострения – существенная терапевтическая цель, которая не всегда достигается в ходе лечения. Ранняя диагностика обострения (в течение первых 2 дней) снижает риск госпитализации и повышает вероятность его купирования. Отмечена четкая связь между задержкой начала лечения обострения заболевания и временем выздоровления. Большая часть пациентов, имеющих легкое-умеренное обострение болезни, могут лечиться амбулаторно по общепринятым схемам, и только некоторым требуется стационарное лечение.

После купирования обострения ХОБЛ часто выясняется, что у пациента, кроме этой болезни, имеется и другая патология. Так, сочетание ХОБЛ с ИБС отмечено более чем у трети больных, причем $\approx 70\%$ случаев ИБС при этом не диагностирова-

лась. Наличие существенной коморбидности при ХОБЛ повышало частоту неэффективного лечения обострения, способствуя ухудшению состояния пациента, а также негативно влияло на его выживаемость. Например, пожилые пациенты с ХОБЛ, имеющие выраженную коморбидность, подвержены риску развития жизнеугрожающего обострения, приводящего к срочной госпитализации или даже смерти. Отмечено, что кардиальная коморбидность (ИБС, ХСН и др.) – фактор риска (ФР) плохого исхода ХОБЛ, особенно при ее выраженной форме. Но когда болезнь очень тяжелая, то недостаточность легочной функции превалирует над кардиальной патологией. В целом тяжелые обострения ХОБЛ и сопутствующая патология составляют «летальный коктейль», с которым часто встречается лечащий врач.

Опции фармакологического лечения обострения ХОБЛ базируются на тяжести симптоматики, месте лечения и включают (табл. 1 и 2): бронходилататоры короткого и длительного действия (β_2 -агонисты с/без антихолинергиков), кортикостероиды (КС) и антибиотики (АБ) при бактериальном обострении, а также по показаниям кислородоте-

рапию (O₂T) и вентиляторную поддержку дыхания [1–3]. Многие из использованных схем по предотвращению обострения ХОБЛ оказались недостаточно эффективными вследствие применения не

тех лекарственных средств (ЛС) или их мало эффективных форм, кроме того, только фармакологическое лечение такого гетерогенного заболевания, как ХОБЛ, не всегда эффективно.

Таблица 1

Терапевтические опции лечения обострения ХОБЛ		
Медикаменты или методы	Лечебный эффект	Потенциальное побочное действие
Короткого действия: β ₂ -агонисты (SABA – сальбутамол), или антагонисты мускариновых рецепторов короткого действия (SAMA – ипратропиум), или их комбинация. Использование небулайзера	Уменьшение одышки посредством снижения динамической гиперинфляции легких	Сальбутамол – тремор, дрожание, тахикардия, гипокалиемия (при хроническом приеме)
Системные СС (sCS) кортикостероиды при неэффективности ингаляционных бронхолитиков	Укорочение времени выздоровления после обострения; улучшение функции легких; снижение выраженности одышки и периода стационарного лечения	Повышение уровня глюкозы, ухудшение контроля газов крови, задержка жидкости, угнетение настроения, кровоподтеки
Антибиотикотерапия (АБт) по показаниям	Антимикробное действие	Диарея, кандидоз, резистентность к АБ при их длительном назначении
Кислородотерапия (O ₂ T)	Улучшение газообмена	Риск задержки CO ₂ , сухость полости носа
Неинвазивная вентиляция легких (NIV)	Уменьшает: дыхательный ацидоз, частоту дыхания (ЧД) и тяжесть одышки, частоту осложнений (вентилятор-ассоциированная пневмония – ВАП) и время лечения в стационаре	Клаустрофобия, раздражение кожи в месте прилегания маски, расширение желудка, пневмония
Инвазивная механическая вентиляция легких (ИВЛ)	Поддержка пациента с наличием тяжелой дыхательной недостаточности (ДН) в случае неэффективности NIV или наличия противопоказаний к ее использованию	ВАП, баротравма легких, неспособность к самостоятельному дыханию после «снятия» с ИВЛ

Таблица 2

Виды обострений и тактика их лечения	
Обострение	Все пациенты
Легкое	Необходимо усилить схему применяемого лечения – повысить дозировку SABA или SAMA или использовать их комбинацию (беродуал). Нет необходимости в применении sCS, АБт и госпитализации пациента
Умеренное	Амбулаторное лечение с помощью SABA или SAMA или их комбинации, АБ и sCS (эти ЛС – главные в купировании обострения)
Тяжелое	Необходима госпитализация, высокие дозы SABA или SAMA или их комбинация в небулайзере, внутривенно (в/в) эуфиллин, sCS, АБт, часто требуется проведение NIV или ИВЛ

Своевременное купирование обострений и их профилактика выходят на первый план при ведении больного, страдающего ХОБЛ. Обострение болезни (особенно тяжелое) – медицинское

состояние, требующее немедленных врачебных действий. Начальный менеджмент такого пациента включает: детальную анамнестическую оценку предшествующих обострений (как индикатора

начальной терапии) и тяжести клинических симптомов, повышение дозировок и частоты приема ингаляционных бронхолитиков, назначение sCS, АБ (при наличии признаков бактериальной инфекции) и O_2 . Адекватное фармакологическое лечение среднетяжелого обострения ХОБЛ заметно уменьшает: его тяжесть (прежде всего, снижает выраженность одышки при физической нагрузке) и в меньшей степени – последующую частоту обострений. Отмечено [4, 5], что до половины пациентов с обострением ХОБЛ не отвечают адекватно на проводимое начальное лечение с дополнительным назначением sCS и АБт. Долговременный прогноз заболевания после госпитализации вследствие выраженного обострения, особенно у пациентов с наличием дополнительных ФР (пожилой возраст, коморбидность, низкий индекс массы тела и др.) – плохой.

Как видно из табл. 2, обострения ХОБЛ разделяют на три вида по тяжести, от которой зависят место и схемы лечения пациентов.

Пациенты с тяжелым обострением ХОБЛ на фоне ДН, особенно с высоким риском летальности, для ее предотвращения должны лечиться в стационаре. Обычно необходимость в госпитализации пациента, страдающего ХОБЛ, указывает на неудовлетворительный мониторинг его клинического статуса и наличие существенной коморбидности.

Пациенты, требующие срочной госпитализации, делятся на тех, кому необходимо лечение в терапевтическом (пульмонологическом) отделении, и тех, кто должен лечиться в ОИТР (с последующей частой необходимостью проведения интубации и ИВЛ).

Выделяют три общих критерия госпитализации:

- наличие тяжелой симптоматики ХОБЛ – выраженные: одышка ($ЧД > 25/мин$) и тахикардия ($ЧСС > 100/мин$), гипоксемия ($раO_2 < 60$ мм рт. ст., $SaO_2 < 90$ % или снижение > 5 % от исходного уровня);
- появление новых и важных клинических симптомов – внезапного развития одышки в покое, центрального цианоза, признаков утомления дыхательных мышц, периферических отеков, или легочных осложнений – выраженной легочной гипертензии, задержки CO_2 (гиперкапнии), респираторного ацидоза, гемодинамической нестабильности, «свежей» аритмии, патологии на рентгенографии легких, серьезной коморбидности, повышения уровней тропонина и D-димера (в этом случае необходимо исключать ТЭЛА), а также предшествующее длительное применение sCS;
- неэффективное начальное лечение пациента в амбулаторных условиях на фоне имеющихся ФР – пожилого возраста, выраженной коморбидности или отсутствия домашнего ухода, или неясного диагноза, требующего проведения детального обследования для его постановки. Также должны учитываться психосоциальные факторы, например способность пациента обслуживать себя дома, что зависит от его возраста, ментального статуса

и обеспечения ухода за ним окружающих его лиц.

Прогноз стационарного пациента, страдающего тяжелым обострением ХОБЛ, часто неопределенный. К сожалению, смерть – не редкий исход такого госпитализированного пациента. Летальность колеблется от 5 до 15 % и заметно выше при госпитализации сразу в ОИТР.

Многим бактериальным обострениям ХОБЛ предшествует вирусная инфекция, которая определяется у трети больных с обострением болезни. Противовирусное лечение (в течение 5 дней) включает ингибиторы M_2 -каналов (ремантадин, амантадин) и нейраминидазы (озельтамивир, занамивир). В амбулаторных условиях клинический диагноз ОРВИ устанавливается без этиологической расшифровки, поэтому при разных ОРВИ (грипп, парагрипп, аденовирусная инфекция, респираторно-синтициальная и риновирусная инфекции) используются разные эффективные ЛС. Согласно GOLD, эмпирическое противовирусное лечение не рекомендуется при обострении ХОБЛ. Однако при высоком риске его развития или в сезон гриппа в случае подозрения на наличие вирусной инфекции или у пациентов с ее типичными проявлениями (лихорадка, мышечные боли, слабость, респираторная симптоматика) необходимо назначение противовирусных ЛС. Антивирусное лечение должно быть начато рано, поскольку вирусная нагрузка остается высокой в первые 7 дней после появления симптоматики [6].

Для купирования обострения ХОБЛ чаще применяют следующие ЛС (табл. 1, 2): SABA (сальбутамол, фенотерол), SAMA (ипратропиум); длительного действия β_2 -агонисты (LABA – сальметерол, формотерол и др.) и антагонисты мускариновых рецепторов (LAMA – тиотропиум и др.), их комбинации, sCS, а также иногда в/в инфузии эуфиллина (как ЛС 2-й линии) и ингаляционные CS (ICS) в высоких дозах [7]. Такое фармакологическое лечение способствует купированию симптоматики, снижению частоты обострений, повышению толерантности к физической нагрузке (ТФН) и улучшению самочувствия пациента. Также показано, что адекватная терапия бронходилататорами длительного действия (БДД) снижает частоту обострений в будущем и их тяжесть.

В опции купирования обострения ХОБЛ дополнительно входят: оценка тяжести обострения по данным кислотно-щелочного состояния крови (КЩС), пульсоксиметрии (SaO_2), спирометрии и рентгенографии грудной клетки (для исключения пневмонии); проведение дифференциального диагноза (при необходимости); длительное клиническое наблюдение за пациентом (спирометрическое обследование во время стационарного лечения и через 4–6 недель после выписки) и его просвещение в плане данного заболевания.

Выбор бронхолитика при обострении болезни зависит от его доступности, удобства, ответа на лечение, правильности пользования, предпочтений

пациента и его возможностей. Интенсификация применения SABA пациентом для уменьшения выраженности одышки и стеснения в груди является частым начальным признаком надвигающегося обострения, причем выраженность одышки может быть предиктором неэффективного лечения и коррелирует с высокой частотой повторных госпитализаций [5].

Бронхолитики 1-й линии – SABA и/или SAMA (лучше в небулайзере) – краеугольный камень купирования обострения: быстрого уменьшения симптоматики и бронхобструкции [8]. Эффективность SABA и SAMA («срочных облегчителей» дыхания) похожа, но SABA имеют быстрое начало действия, тогда как SAMA хорошо переносятся и более безопасны. SABA или SAMA назначают с большей частотой (в более высокой дозе), чем в ходе поддерживающей терапии. Их лучше комбинировать, что обеспечивает лучшую бронходилатацию и в большей степени облегчает тяжесть состояния.

Пока нет четкой клинической оценки полезности применения LABA, LAMA при обострении ХОБЛ. Ряд авторов [8] рекомендуют продолжить лечение ими в этот период или назначить их перед выпиской пациента из стационара. Терапия новыми формами БДДД (индакатерол, олодатерол, гликопирониум, умеклидиниум, аклидиниум и их комбинациями), повышающими доставку ЛС в бронхи, позволяет улучшить контроль одышки (за счет уменьшения гиперинфляции легких) и снизить частоту применения SABA или SAMA в период обострения. Подробности применения БДДД у пациентов с обострением ХОБЛ разной степени выраженности описаны нами ранее [9].

Частота назначения бронхолитиков во Франции для лечения внебольничного обострения ХОБЛ была следующей: SABA – в 92 % случаев; SAMA, LABA или LAMA (или их комбинация) – в 58 %; ICS + LABA – в 38 % [10], тогда как при купировании обострения в стационаре они назначались реже (LAMA + LABA – в 36 % случаев, LABA – в 33 % и ICS + LABA – в 21 %), а чаще применялись sCS (как часть комплексного лечения). Отмечено [5], что если пациенты исходно лечились LABA, LAMA, ICS и их комбинациями, то в последующем при возникновении обострения ХОБЛ у них был значительно меньше шанс вероятности неэффективной терапии.

После начальной терапии обострения необходимо следовать целям лечения, и, если нужно, проводить его коррекцию. Так, если ответ на начальное лечение не получен (или он недостаточный), важно выявить, являются ли данные симптомы обострения доминирующими проявлениями ХОБЛ или коморбидности, а затем применить необходимый терапевтический подход. Возможные потенциальные неудачи в лечении обострений можно предвидеть на основе детальной оценки симптоматики у пациентов (по визуально-аналоговой шкале Флетчера). К сожалению, ни один из методов фармакотерапии не позволяет избавить пациента,

страдающего ХОБЛ, от появления ее обострений. Так, эффективность различных схем терапии, направленных на снижение числа обострений в будущем в разных исследованиях, составила < 50 % [11].

Причины ряда обострений ХОБЛ остаются нераспознанными, но респираторная инфекция при этом играет важную роль. Так, микробная инфекция выявляется более чем у половины пациентов с обострением болезни. Антибиотикотерапия, направленная на подавление хронического бактериального воспаления в дыхательных путях при ХОБЛ, существенно влияет на микробиому (комбинацию микробов, находящихся в дыхательных путях и паренхиме легкого). Изменения в микробиоме возникают рано, а ее динамические изменения связаны с повторными обострениями, лечением АБ и sCS.

Обоснование АБт инфекционных обострений вытекает из понимания того, что в их развитии основная роль принадлежит повышению бактериальной нагрузки на слизистую бронхов (в ней накапливается большее количество этиологически значимых микроорганизмов), что в конечном счете приводит к клинической манифестации обострения. При всех обострениях ХОБЛ проведение АБт не показано, поскольку ее применение без необходимых показаний способствует развитию резистентной микрофлоры и осложнений, связанных с необоснованной АБт. Кроме того, у многих пациентов легкое обострение ХОБЛ может быть обусловлено небактериальной инфекцией.

Основной целью лечения инфекционных обострений ХОБЛ является эрадикация этиологически значимых микроорганизмов. Этот подход (при условии выбора оптимальной АБт) обеспечивает максимально бактериологический и клинический эффект. При полной эрадикации возбудителя удлинняется период, требующийся для достижения в дальнейшем количества микробов, превышающего порог клинической манифестации, что обеспечивает более продолжительную ремиссию. В случаях неполной эрадикации микробов АБт лишь уменьшает микробную нагрузку на дыхательные пути (она становится ниже порога клинической манифестации болезни), поэтому в этих случаях отмечаются нестойкие и непродолжительные ремиссии.

Показаны [12, 13] преимущества применения АБт при инфекционных обострениях ХОБЛ, особенно при тяжелом обострении, леченном в ОИТР [8]. Так, адекватная АБт способствует снижению риска неудачного лечения, длительности стационарного лечения и кратковременной летальности, причем даже при амбулаторных обострениях [14].

Алгоритм GOLD рекомендует подход к назначению АБт, основанный на симптоматике (согласно критериям Антонинсена). Так, цвет мокроты от белого до желто-зеленого является индикатором плотности нейтрофилов в отхаркиваемой мокроте (вследствие наличия миелопероксидазы в грану-

лах нейтрофилов). Появление гнойной мокроты – высокоспецифичный параметр, указывающий на повышение бактериальной нагрузки на дыхательные пути и высокую вероятность положительного бактериального культурального теста. Поэтому желто-зеленый цвет мокроты может быть биомаркером, говорящим о необходимости АБт (но она не показана, если нет гнойной мокроты). Большая эффективность АБт отмечалась в клинических ситуациях у пациентов, имеющих минимум два симптома из следующих: появление слизисто-гнойной мокроты (что отражало повышение микробной нагрузки) и увеличение объема ее отхаркивания, а также усиление одышки.

Верификация инфекционного характера обострения ХОБЛ, наряду с оценкой его тяжести и ряда прогностических факторов (пожилой возраст, низкая ОФВ₁, коморбидность, частые обострения в анамнезе и предшествующее применение АБт), являются основанием для принятия решения о назначении соответствующей АБт [15]. Основные этиологически значимые микроорганизмы инфекционных обострений ХОБЛ: *Streptococcus (Str.) pneumoniae*, *Haemophilus (H.) influenzae*, *Moraxella (M.) catarrhalis*, реже – *Staphylococcus (S.) aureus*, *Pseudomonas aeruginosa (PA)* и бактерии семейства *Enterobacteriaceae*. С учетом этого выбранный для лечения обострения АБ должен обладать достаточной активностью против вышеуказанных возбудителей. Дополнительно различные бактерии могут попадать в дыхательные пути из ЖКТ посредством многих механизмов (например, при аспирации желудочного содержимого, наличии ГЭРБ или хронического периодонтита).

Поскольку АБт обострений ХОБЛ носит эмпирический характер (без идентификации возбудителя), то при выборе оптимального АБ возможно ориентировочное определение микробного спектра на основании определенной клинической ситуации, т. е. целесообразна стратификация пациентов в зависимости от тяжести обострения и наличия ФР [16–18]. Так, при легком обострении наиболее распространенными и клинически значимыми микроорганизмами являются: *H. influenzae*, *S. pneumoniae* и *M. catarrhalis*. При тяжелых обострениях болезни и наличии неблагоприятных ФР (выраженные бронхиальная обструкция с ОФВ₁ < 50 % и ДН, декомпенсация сопутствующей патологии и др.), требующих госпитализации пациента сразу в ОИТР, удельный вес вышеуказанных микроорганизмов снижается, а увеличивается доля *H. influenzae* (продуцирующую β-лактамазы), грамотрицательных бактерий и различных представителей семейства *Enterobacteriaceae*. Наиболее частые патогены, выявляемые при обострении ХОБЛ посредством бронхоскопии, были следующие: *H. influenzae*, *S. pneumoniae*, *M. catarrhalis* [19], а при тяжелом обострении нередко определялась *PA* [20].

Для лечения инфекционного обострения у амбулаторных и стационарных пациентов АБ вы-

бирают из трех групп (β-лактамы, макролиды и респираторные фторхинолоны – рФХ), активных против наиболее вероятных микробных возбудителей обострения ХОБЛ и имеющих сравнимую эффективность. Этот выбор базируется на следующих рекомендациях (с учетом наличия ряда прогностических факторов и вероятности этиологического патогена):

- если ОФВ₁ > 50 %, отмечено < 3 обострений за год, нет сопутствующих заболеваний, а возбудителями являются *H. influenzae*, *S. pneumoniae*, *M. catarrhalis*, то АБ первой линии – макролиды и амоксициллин (в обычных дозах в течение 5–7 дней), а альтернативные АБ – амоксиклав (амоксициллин + клавулановая кислота), цефалоспорины III поколения (ЦефЗ), а также рФХ (левофлоксацин, моксифлоксацин, спарфлоксацин). Последние рекомендуются применять, если имеются данные о наличии резистентной микрофлоры;

- если ОФВ₁ < 50 %, имеются > 3 обострений в год и тяжелые сопутствующие заболевания, а возбудителями являются: *H. influenzae* (чаще резистентные штаммы), *S. pneumoniae*, *M. catarrhalis* и *Enterobacteriaceae*, то АБ выбора – амоксиклав, ампициллин/сульбактам, ЦефЗ и рФХ.

В настоящее время нередко отмечают, что многие нетяжелые обострения ХОБЛ (не требующие госпитализации и назначения дополнительной терапии) стихают и без проведения АБт (так как бактерии не всегда являются причиной обострений, а последние часто являются гетерогенными). Поэтому возникает резонный вопрос: надо ли лечить такое легкое обострение АБ или нет? Как показывает реальная практика, при большинстве таких амбулаторных обострений врачи все же назначают оральные АБ (амоксициллин или макролиды). Вероятно, в ряде случаев такая схема лечения была некорректной.

При лечении амбулаторного бактериального обострения ХОБЛ обосновано назначение оральных АБ пациентам (особенно старше 65 лет), дополнительно имеющим нейтрофильное воспаление в крови и дыхательной системе. Парентерально АБ применяют у больных с тяжелым обострением и усилением имеющейся ДН, выявленной вторичной пневмонией, имеющимися нарушениями глотания или ментального статуса, а также у всех пациентов, требующих вспомогательной вентиляции. АБт снижала риск неудачи лечения обострения у госпитализированных пациентов, а у больных, доставленных сразу в ОИТР (с необходимостью проведения ИВЛ), АБт достоверно уменьшала риск развития вторичной пневмонии и летальности, хотя у амбулаторных пациентов этот факт не доказан [16, 18]. Кроме того, АБт (с включением sCS) удлиняла время до следующего обострения ХОБЛ и уменьшала риск смерти. С учетом вышеизложенного назначение адекватной АБт расценивается не только как способ купирования текущего обострения, но и как профилактика последующих обострений.

Верифицирована роль прокальцитонина (ПКТ) и С-реактивного белка (СРБ) как биомаркеров наличия бактериальной инфекции и оптимизации АБт обострения [8]. Так, она была показана, если уровни ПКТ и СРБ превышали 0,25 мг/л и 15 мг/л соответственно. В этом случае величины СРБ и ПКТ будут выше, чем у пациентов с небактериальным воспалением. Таким образом, ориентировочное знание этиологии обострения ХОБЛ имеет важное значение для контроля за патогеном, вызвавшим обострение путем выбора адекватной АБт и предотвращения ее чрезмерной длительности. Ведение пациента по динамике этих маркеров помогает снизить время лечения (при сохранении той же клинической эффективности) и побочные эффекты АБт.

Выбор оптимального АБ среди широкого арсенала современных АБ (имеющих разные антимикробную активность, фармакокинетические свойства, переносимость, стоимость) является актуальной проблемой. С учетом данного обстоятельства следует придерживаться определенных критериев выбора, которым должен отвечать АБ, назначаемый больному с инфекционным обострением ХОБЛ. Основными ориентирами при выборе оптимального АБ являются: спектр его антимикробной активности; фармакокинетика и фармакодинамика; уровень региональной чувствительности и резистентности микробов, а также тяжесть обострения.

Важное требование к АБ, назначаемому больным при обострении, – минимальный уровень резистентности к нему основных этиологических микроорганизмов. Особое значение микробная резистентность приобретает у больных с наличием ФР (пожилой возраст, предшествующая АБт и тяжелая сопутствующая патология). Существенная клиническая проблема – резистентность *S. pneumoniae* к пенициллинам и макролидам (имеется перекрестная резистентность) и рост частоты штаммов *H. influenzae* и *M. catarrhalis*, продуцирующих β-лактамазу.

Среди фармакокинетических параметров АБ особое практическое значение приобретают его биодоступность при оральном применении, накопление в слизистой бронхов, период полувыведения и минимальное взаимодействие с другими ЛС. При ведении больных с обострением важную роль также играет оценка эффективности проводимой АБт, которая обычно проводится на основании динамики основных клинических симптомов заболевания (интенсивности одышки, кашля, объема отделяемой мокроты и ее гнойности). Более важный результат адекватной АБт не столько время наступления ремиссии (она может возникать и спонтанно при обострениях), сколько ее полноценность и продолжительность, обеспечивающие достижение исходного клинического статуса и КЖ пациента. Результаты АБт также зависят (при прочих равных условиях) от ее своевременности: чем раньше она начата, тем быстрее купируется обострение и снижается риск повторной госпитализации.

Эффективность АБт при обострении ХОБЛ также определяется ее эрадикационной способностью. Имеется четкая зависимость между степенью микробной эрадикации и длительностью безрецидивного периода заболевания. Основные критерии эффективности АБт – сроки наступления, частота и тяжесть последующих обострений (с учетом декомпенсации сопутствующей патологии, появления тяжелой ДН и необходимости госпитализации и т. д.); потребность в назначении АБ и уровень КЖ после купирования обострения. Реальную эффективность АБт при обострении ХОБЛ можно определить только в ходе длительного мониторинга за состоянием пациентов после купирования обострения.

Поскольку в большинстве случаев лечение нетяжелых обострений ХОБЛ проводится амбулаторно, то предпочтительнее назначать следующие оральные АБ (с высокой биодоступностью): макролиды, защищенные пенициллины и рФХ. Так, АБ выбора при простом и неосложненном обострении – амоксициллин (альтернатива – амоксиклав), назначаемый в обычной дозировке в течение 5–7 дней. В случае аллергической реакции 1-го типа показаны макролиды (азитромицин 0,5 г 1 р/сут или кларитромицин в течение 5 дней) или рФХ (левофлоксацин 0,5 г 1 р/сут или моксифлоксацин 0,4 г 1 р/сут в течение 5–7 дней). Не отмечено существенной разницы по эффективности АБт между курсами разной длительности: ≤ 5 дней или > 5 дней (цефалоспорины, макролидами или рФХ) легкого-умеренного обострения ХОБЛ. Длительность АБт зависит и от конкретно применяемого АБ. Избыточное применение АБ приводит к устойчивости микробов. Отмечено, что прием амоксиклава сопровождался более высокой частотой побочного действия по сравнению с другими АБ.

При многих хронических болезнях легких со структурными изменениями показана [21] эффективность лечения макролидами, которые, помимо антимикробного действия (снижение бактериальной нагрузки и вирулентности флоры), обладают определенным противовоспалительным эффектом, уменьшают бронхиальную секрецию и облегчают мукоцилиарный транспорт, снижают риск неэффективного лечения, удлиняют время до появления следующего обострения, а также предотвращают рецидивы обострений после выписки пациента из стационара.

Макролиды рекомендуют [22, 23] назначать длительно (с учетом баланса плюсов и минусов такой АБт) следующим категориям больных ХОБЛ: с умеренной или выраженной бронхообструкцией, частыми обострениями (особенно при наличии вторичных бронхоэктазов), требующими лечения разными АБ, или имеющих высокий риск повторных обострений. Так, длительное профилактическое лечение макролидами (в случае их приемлемой переносимости) в низких дозах (0,25 г) на протя-

жении 12 месяцев достоверно снижало частоту будущих обострений, число нейтрофилов в мокроте и бактериальную нагрузку на дыхательные пути и удлиняло время до появления следующего обострения [24, 25]. В исследовании COLUMBUS [26], где азитромицин применялся в течение года (0,5 г/сут), выявлено еще большее снижение числа обострений ХОБЛ (на 42 %).

Однако длительный прием макролидов может вызывать появление резистентности к ним микробов (увеличение назофарингеальной колонизации макролид-резистентной флорой), кардиоваскулярной патологии (связанной с удлинением интервала QT у ряда пациентов с конкурентными ФР) и ухудшение слуха [25]. Дополнительная длительная терапия макролидами бывает часто недостаточно эффективной у курильщиков.

На практике в зимние месяцы часто назначают азитромицин для снижения риска обострений ХОБЛ [26], причем для получения выраженного противовоспалительного эффекта требуется проводить лечение азитромицином в течение предшествующих нескольких недель, поэтому он должен назначаться еще до начала зимы. В летнее время терапию им нередко отменяют, хотя другие авторы рекомендуют проводить такую АБт в течение года (при отсутствии появления побочных эффектов). В целом, если у пациента имеются постоянные инфекционные обострения, несмотря на оптимальную дозировку БДДД, необходимо подумать о длительном применении макролидов. В этих случаях плюсы такой длительной АБт перевешивают ее риски, но при этом следует тщательно мониторировать клинический статус больного.

Если разрушительное действие β -лактамазы преодолевается назначением защищенных пенициллинов (амоксиклав), то резистентные штаммы *S. pneumoniae* часто оказываются нечувствительными к ним. Амоксиклав оказался достаточно эффективным в отношении *S. pneumoniae* с низкой чувствительностью к пенициллину за счет создаваемой им высокой минимально подавляющей концентрацией для этого микроба. Большая клиническая эффективность амоксициллага и рФХ при обострениях ХОБЛ также связана с их более высокой эрадикационной способностью и антимикробной активностью, а также с меньшей частотой рецидивов обострений по сравнению с макролидами.

При выраженных обострениях ХОБЛ также оправданно назначение рФХ, поскольку они имеют существенную микробиологическую активность и к ним не регистрируется высокая резистентность респираторных микробов [27]. Показано, что терапия рФХ улучшала долговременный прогноз болезни и увеличивала длительность безрецидивного периода относительно применяемых макролидов. Верифицирована похожая эффективность 5- и 7-дневных курсов лечения левофлоксацином (0,5 г/сут однократно) вне зависимости от возраста пациента, частоты обострений, наличия других

хронических болезней легких и сопутствующей кардиальной патологии.

Согласно триалу PULSE [27], длительная терапия моксифлоксацином (0,4 г/сут в течение 5 дней; всего 6 курсов с интервалом 8 недель) также снизила (на 25 %) число обострений против плацебо, причем такое снижение не зависело от тяжести ХОБЛ, статуса пациента и вида бронхолитической терапии. Также отмечено, что назначение моксифлоксацина имело больший клинический эффект (в том числе у больных с наличием неблагоприятных прогностических факторов) и большую микробную эрадикацию, по сравнению со стандартными дозами амоксициллага. Дополнительно выявлено удлинение ремиссий после лечения моксифлоксацином, а также меньшая потребность в назначении АБ при последующих обострениях. Анализ отдаленных результатов (мониторинг больных в течение года) эффективности лечения обострений ХОБЛ левофлоксацином и кларитромицином показал в обоих случаях одинаковую продолжительность безрецидивного периода (независимо от наличия у этих пациентов прогностических факторов).

Выявлена также высокая (≈ 85 %) клиническая эффективность лечения спарфлоксацином (в течение 7–10 дней) инфекций дыхательных путей, включая пожилых пациентов (> 65 лет) с наличием сопутствующих заболеваний и госпитализированных в связи с неэффективностью предшествующей терапии обострения. При инфекции дыхательных путей, вызванной *H. influenzae*, показано применение спарфлоксацина из-за его меньших суточных доз, длительного полупериода действия (~ 20 ч), удобства назначения (1 р/сут) и сопоставимости с АБ сравнения при инфекции *S. pneumoniae*. Поэтому спарфлоксацин целесообразно применять в форме эмпирической АБт при внебольничных и больничных обострениях ХОБЛ.

Пациентам с тяжелой ХОБЛ в фазу обострения и с возможной колонизацией дыхательных путей РА (микроб резистентен к традиционно применяемому АБ) необходимо назначать соответствующую АБт. Так, если РА чувствительна к ФХ, назначают ципрофлоксацин в высокой дозе (0,75 г 2 р/сут орально или в/в) или левофлоксацин в течение 2–3 недель. Парентеральное (в/в) введение АБ с антипсевдомонадной активностью (цефепим, цефтазидим, пиперацилин-тазобактам) резервируется для очень тяжелых пациентов или для тех, у кого ранее проводимая АБт не дала эффекта.

У ряда пациентов с ХОБЛ применение ингаляционных АБ в фазу обострения – удобная терапевтическая опция, так как они проникают в высоких концентрациях в дыхательные пути, имеют низкое системное и побочное действие (визинг и локальное раздражение бронхов), а также хорошо переносятся. АБ в ингаляциях широко назначают при муковисцидозе и бронхоэктазах, но относительно их применения при ХОБЛ имеются разные

данные. Так, показан [28] положительный эффект (снижалось воспаление и бактериальная нагрузка) ингаляций в небулайзере тобрамицина у больных тяжелой ХОБЛ с колонизацией дыхательных путей мультирезистентной РА. В других исследованиях отмечено [29], что лечение небулизированным колимицином также существенно снижало частоту обострений и срочного лечения в стационаре при тяжелой ХОБЛ и высоком риске появления обострений. К сожалению, ингаляционная АБт пока широко не применяется при обострениях ХОБЛ из-за отсутствия явных доказательств ее эффективности [3].

Системные кортикостероиды являются весьма важным фактором быстрого купирования обострения ХОБЛ [12]. Они оказывают выраженное противовоспалительное действие, уменьшая выраженность симптоматики (особенно в первые 6–72 ч), длительность стационарного лечения; риски развития ДН, рецидивов обострения и последующих госпитализаций, неэффективного лечения и улучшают легочную функцию (снижая гипоксемию, увеличивая SaO_2 и ОФВ₁) [30–33]. Плюсы терапии sCS у пациентов с очень тяжелым обострением менее очевидны. Учитывая, что ХОБЛ гетерогенное заболевание, необходимо подходить индивидуально к назначению sCS и выявлять больных, у которых будет больший эффект от их применения (например, при наличии эозинофилии).

В настоящее время нет консенсуса по стандартному (оптимальному) режиму применения sCS (дозы, пути введения и длительность применения) в период умеренного обострения ХОБЛ, которое лечится амбулаторно или в больнице [34, 35]. Эффективная опция в лечении таких обострений – назначение повышенных доз sCS оптимальным по длительности курсом на фоне принимаемых бронхолитиков.

Полагают, что применение оральных CS в низкой дозе будет иметь минимальный риск развития побочного действия (их плюсы будут перевешивать минусы). Длительного лечения sCS следует избегать, поскольку оно может ухудшить отдаленный прогноз (повышался в 1,5 раза риск летального исхода). Показано, что при назначении высокой оральной дозы CS (> 30 мг/сут) заметно улучшается функция легких и снижается частота госпитализаций, но нет данных о пользе их длительного приема. Кроме того, длительная терапия sCS имеет существенные побочные эффекты (иммуносупрессия, гипергликемия, стимуляция бактериального роста и развитие сепсиса, грибковая инфекция, утончение кожи, стероидная миопатия с мышечной слабостью и снижением ТФН, остеопения) вследствие аккумуляции дозы и рецидивного характера течения ХОБЛ [12].

Согласно рекомендациям GOLD, sCS следует назначать немедленно при всех обострениях, кроме легких. Так, при амбулаторном лечении умеренного обострения назначают преднизолон (орально

по 30–40 мг/сут), но коротким курсом (5–7 дней) с последующей быстрой или медленной отменой. Показано [33, 34], что 5-дневный курс оральных CS был не хуже 14-дневного курса в плане уменьшения рецидивов обострения, но с меньшим количеством дней госпитализации. Так, удлинение лечения оральными CS на 2 недели не давало преимуществ в плане повышения эффективности лечения или снижения частоты повторных госпитализаций. Предпочтительнее назначать sCS орально (если нет патологии ЖКТ), так как в/в путь их введения имеет больший риск развития побочного действия. Альтернатива оральному приему CS – внутривенное введение метилпреднизолона в дозе 60–500 мг (0,5 мг/кг) каждые 6 ч в течение 3 дней с последующим снижением дозы [34]. Так, 90 % американских врачей предпочитают в/в путь введения sCS.

Анализ базы Кохрана [36] выявил, что короткий курс (5–7 дней) применения sCS не приводил к ухудшению результатов лечения обострения или увеличению риска их рецидивов. ERS/ATS также рекомендуют применение оральных CS у госпитализированных пациентов с выраженным обострением (если нет противопоказаний со стороны ЖКТ) как ЛС первой линии, а второй – в/в [37]. Во многих работах показано, что применение оральных CS, как и вводимых в/в, оказалось одинаково эффективными по конечному лечебному действию у госпитализированных пациентов по поводу обострения ХОБЛ.

Для купирования тяжелого обострения у пациентов с наличием ОДН и доставленных сразу в ОИТР CS обычно применяются в высоких дозах (в/в метилпреднизолон ≈240 мг/сут). Отмечено [38], что в этих случаях такие дозы sCS были более эффективными, чем дозы >240 мг/сут, причем последние ассоциировали с удлинением времени наибольшей госпитализации и пребывания в ОИТР, а также большим количеством побочных эффектов, по сравнению с пациентами, получавшими низкие дозы. Так, показано [39], что у пациентов, получавших в/в CS в высоких дозах, чаще отмечались гипергликемия, рецидивы обострений, требующих госпитализации, и ухудшение КЩС. В целом длительное лечение sCS в высоких дозах не рекомендуется из-за повышенного риска развития побочных эффектов и летальности, а также из-за отсутствия доказательств преимущества такого лечения [37]. Нет необходимости постепенного снижения дозы sCS перед их отменой. К сожалению, лечение sCS пациентов с тяжелым обострением ХОБЛ, требующих вспомогательной вентиляции, не влияло на продолжительность обострения и пребывания в ОИТР, а также и на летальность.

Лечение ICS (обладающих достаточно высокой противовоспалительной активностью на локальном уровне) в период обострения не столь эффективно вследствие их недостаточного проникновения в мелкие бронхи (из-за отека их слизистой

и гиперпродукции мокроты), меньшего влияния на функцию легких и одышку, а также из-за применяемой более низкой дозировки, по сравнению с sCS. На практике ряд пациентов на фоне назначенных sCS принимают и ICS. Некоторые клиницисты [3] предлагают пациенту, требующему назначения sCS, применять в высокой дозе ICS (особенно перед отменой sCS) для предотвращения будущих обострений ХОБЛ. Показано [40], что прерывание приема ICS у пациентов умеренной-тяжелой ХОБЛ может ускорять рецидивы обострений и повышать скорость снижения $ОФВ_1$, приводя к значительному ухудшению КЖ. В то же время другие авторы [41] не отметили роста риска обострения ХОБЛ после прекращения лечения ICS на фоне принимаемых БДДД.

Согласно GOLD, у госпитализированных пациентов по поводу умеренного обострения в качестве альтернативы sCS (при их непереносимости) используют будезонид в небулайзере в высокой дозе. Он обладает меньшими активностью, биодоступностью, системной абсорбцией и риском развития гипергликемии, чем у орального преднизолона [34, 42]. В целом ICS могут быть вариантом лечения для больных с более легким обострением, отсутствием доступа к sCS или плохой их переносимостью. Вероятно, еще необходимо провести долгосрочные исследования по оценке клинической эффективности применения ICS (в плане выбора препарата и его дозы) в период обострения ХОБЛ на фоне терапии sCS.

ICS не назначают больным ХОБЛ без обострений в анамнезе, хотя у них имеется хроническое локальное воспаление (даже в стабильном клиническом статусе), сопровождающееся постепенным снижением легочной функции. Вместе с тем показано, что пациенты, имеющие постоянное воспаление дыхательных путей, теряют легочную функцию после прекращения приема ICS. Длительная противовоспалительная терапия ICS (лучше в небулайзере) в комбинации БДДД может быть полезной при частых обострениях ХОБЛ в анамнезе (снижает их частоту), но в высоких дозах она может вызывать иммуносупрессию и стимулировать бактериальный рост [43].

Снижение объема терапии при обострении ХОБЛ в ряде случаев проводят за счет отмены ICS у пациентов, которым они не показаны (у них нет указаний в анамнезе на повторные обострения, а $ОФВ_1 > 50\%$), при сохранении приема БДДД. Так, если у больного не верифицированы сопутствующая бронхиальная астма (или синдром «перекреста» – ACOS), повторные обострения и эозинофилия в крови (< 300 клеток в 1 мкл), а также появились нежелательные эффекты ICS, то они могут быть отменены, но на фоне лечения БДДД, тогда как у больных с $ОФВ_1 < 50\%$ и получающих трехкомпонентную бронхолитическую терапию рекомендуется постепенно снижать (или отменить) ICS в течение 3 месяцев. Основываясь на

доказанной эффективности ICS в плане снижения частоты обострений ХОБЛ, решение о прекращении приема ICS в период обострения должно быть индивидуальным, после уточнения риска развития пневмонии и других побочных эффектов, а также возможной потери легочной функции [44].

Ранее довольно часто в схемы лечения умеренно-тяжелого обострения ХОБЛ в стационаре добавляли в/в введение эуфиллина. Сейчас его использование ограничено из-за небольшой эффективности, это терапия второй линии у пациентов с плохим начальным ответом на применение SABA и SAMA в небулайзере. Выявлено [45], что добавление эуфиллина к высоким дозам бронходилататоров и sCS заметно улучшало клинический статус пациента за счет наличия небронхолитических свойств эуфиллина: уменьшения «воздушной ловушки» и диспноэ, улучшения газообмена и силы дыхательных мышц. При этом следует учитывать узкий терапевтический диапазон эуфиллина и высокий риск его побочного кардиотоксического действия, особенно на фоне приема SABA и LABA в высоких дозах в период обострения болезни.

Для лечения пациентов с тяжелой ХОБЛ и частыми обострениями показано назначение рофлумиласта, обладающего противовоспалительным эффектом, снижающего частоту тяжелых обострений, потребовавших госпитализации больных, исходно получавших двойную терапию (LABA + ICS) или даже тройную [46]. Применение рофлумиласта на фоне лечения БДДД снижало выраженность воспалительных реакций посредством ингибирования фермента фосфодиэстеразы-4 и повышало внутриклеточный уровень цАМФ. Рофлумиласт показан пациентам, имеющим тяжелую обструкцию и частые обострения в анамнезе, несмотря на максимальное базисное лечение БДДД. Так, его прием на фоне двойной или тройной бронхолитической терапии достоверно снижал число тяжелых обострений и удлинял период до развития следующего обострения [47, 48].

К сожалению, на практике лечение рофлумиластом часто плохо переносится пациентом с тяжелой ХОБЛ из-за его побочного действия (ЖКТ нарушения, головная боль и потеря веса), несмотря на постепенное снижение его дозы или прекращение приема [48]. Однако если пациент хорошо переносит рофлумиласт и получает пользу, то его назначение снижает число обострений и несколько улучшает дыхательную функцию.

Хроническая гиперпродукция вязкой мокроты в дыхательных путях при обострении ХОБЛ ассоциирована с повышенным риском обострений и госпитализаций, а также ускоренным снижением легочной функции. Так, избыточная мокрота способна: увеличивать обструкцию мелких бронхов (посредством снижения площади их просвета), стимулировать ухудшение течения болезни и склонность пациента к развитию инфицирования дыхательных путей (т. е. к появлению обострений).

В клинической практике для лечения обострений средней тяжести ХОБЛ широко применяются следующие мукоактивные ЛС [49]: муколитики (ацетилцистеин, эрдостеин), разрушающие полимерные связи в мокроте; мукокинетики (амбраксол), повышающие мукоцилиарное очищение и мукорегуляторы (карбоцистеин), регулирующие метаболизм компонентов мокроты. Эти мукоактивные ЛС действуют не только на компоненты мокроты, но и некоторые из них (ацетилцистеин, карбоцистеин) обладают противовоспалительным и антиоксидантным действием [50]. Вместе с тем с точки зрения доказательной медицины применение мукоактивных ЛС существенно не влияет на эволюцию неосложненной ХОБЛ и течение обострений [12, 51].

ERS/ATS рекомендуют применение оральных муколитиков с антиоксидантным эффектом у пациентов с ХОБЛ (с умеренно-тяжелой бронхообструкцией на фоне имеющихся обострений), несмотря на оптимальное лечение БДД, для предотвращения будущих эпизодов обострений и снижения частоты госпитализаций. Показана [52, 53] клиническая эффективность длительного приема ацетилцистеина в высоких дозах (1,2 г/сут) для ускорения разрешения обострений, уменьшения их частоты и госпитализаций, причем защитный эффект ацетилцистеина был более выражен при наличии большей бронхообструкции. Но такой зависимости не выявлено в группе пациентов, не имевших обострения заболевания.

В условиях стационара для удаления избыточного бронхиального секрета применяют высокочастотную перкуссионную вентиляцию легких [1]. Во время ее проведения небольшой объем воздуха подается больному с высокой частотой (> 100 циклов/мин). Этот пульсирующий поток создает в дыхательных путях колебания, способные перемещать мокроту в проксимальные отделы бронхов, заметно облегчая их очищение. В другой методике высокочастотные колебания грудной клетки (иницированные с помощью надувного жилета) передаются на дыхательные пути, что улучшает отделение мокроты.

В начале обострения (особенно тяжелого) усиливаются имеющиеся бронхообструкция, гиперинфляция легких и нарушения газообмена (соотношение вентиляция/перфузия), которые являются ключевыми факторами, определяющими респираторную симптоматику [54, 55]. Нередко при этом развивается выраженная гипоксия (с формированием гипоксемической ОДН и резким снижением paO_2), приводящая к системной гипоксемии и плохой оксигенации крови, возвращающейся к левому предсердию [56]. Показано [57], что половина больных, леченных в ОИТР из-за тяжелого обострения, имела тяжелую гипоксемию ($SaO_2 < 90\%$), причем после купированного тяжелого обострения ХОБЛ, отягощенного ОДН, необходимо еще 3–4 недели для восстановления исходного газообмена и кислородного транспорта.

Кислородотерапия – важный дополнительный компонент лечения пациентов с тяжелым обострением в стационаре или ОИТР [18]. В этот период резко ухудшаются ОФВ₁ и оксигенация тканей, появляется тахипноэ, что приводит к динамической гиперинфляции легких и нарушению нормального дыхания. Если при стабильном состоянии пациенты могут отчасти поддерживать альвеолярную вентиляцию на приемлемом уровне (за счет увеличения стимуляции дыхания и роста минутного объема дыхания), то при обострении эти адаптивные механизмы не срабатывают. Наличие декомпенсированной гиперкапнии приводит к респираторному ацидозу, который может нормализоваться в течение нескольких часов или дней посредством буферного действия ионов бикарбоната, выделяемого почками. Появление гиперкапнии при тяжелом обострении негативно влияет на функционирование миокарда, головного мозга и дыхательных мышц, являясь маркером низкого резерва вентиляции и предиктором летального исхода. Дисфункция (и усталость) респираторных мышц на фоне роста эластической резистивности легочной ткани и пороговой нагрузки на аппарат дыхания еще больше усиливает гиперкапнию.

Разные варианты ответа пациентов на проводимую O_2 (особенно неконтролируемую) могут привести к появлению гиперкапнии ($paCO_2 > 45$ мм рт. ст.) вследствие несоответствия вентиляция/перфузия (В/П). При этом O_2 уменьшает гипоксическую легочную вазоконстрикцию, стремящуюся минимизировать несоответствие В/П и ацидоз. Согласно указаниям GOLD, рекомендуется применять O_2 (путем титрования) для достижения целевого насыщения $O_2 \geq 90\%$. Эффективная O_2 коррелировала с уменьшением риска развития ацидоза, потребности в ИВЛ и летальности. Для контроля за ретенцией CO_2 и/или усилением ацидоза необходим частый контроль газов крови (КЩС). Для доставки кислорода применяют носовые катетеры (скорость потока 1–2 л/мин) или маску Вентури, которая лучше обеспечивает доставку кислорода в необходимой концентрации (так как не зависит от легочной вентиляции и инспираторного потока пациента).

Перед назначением длительной оксигенотерапии (ДОТ) необходимо верифицировать, что возможности фармакологического лечения пациента исчерпаны, оно не способно повысить paO_2 более пограничных величин. ДОТ уменьшает имеющуюся хроническую гипоксемию, укорачивающую время жизни больного (за счет развития вторичного эритроцитоза, легочной гипертензии и опасных аритмий), и риск летального исхода. Для лечения тяжелого обострения, осложненного появлением ОДН, применяют ДОТ с целевыми $paO_2 > 60$ мм рт. ст. и $SaO_2 \geq 90\%$ (под контролем SaO_2 и КЩС), чтобы избежать нежелательных последствий (гипоксемии и гипероксемии). Показания к ДОТ следующие: абсолютные $paO_2 < 55$ мм рт. ст. и $SaO_2 < 88\%$; относительные $paO_2 < 59$ мм рт. ст. на фоне нали-

чия хронического легочного сердца, отеков или не уменьшающейся одышки на фоне проводимой ДОТ. Последняя не показана при нормальных значениях paO_2 (>60 мм рт. ст.) и SaO_2 ($> 92\%$). Частые легочные осложнения, возникающие в период обострения, и опции их коррекции при помощи O_2 т и вентиляторной поддержки приведены в табл. 3.

Проведение ДОТ посредством кислородоконцентратора в домашних условиях показано пациентам, имеющим тяжелую одышку, проявления ХДН, выраженную слабость, утреннюю головную боль, $paCO_2 > 55$ мм рт. ст., а также частые госпита-

лизации. Домашняя ДОТ способствует позитивной динамике газообмена (повышается paO_2 и снижается $paCO_2$), уменьшению легочной гиперинфляции, улучшению функционирования дыхательных мышц, ТФН и выживаемости пациентов. Обычно ДОТ проводят длительно (>15 ч/сут) с перерывом ≈ 2 ч и с потоком $\approx 1-2$ л/мин (его можно увеличить до 5 л/мин у тяжелых больных).

Вентиляторная поддержка при лечении тяжелой ДН может проводиться неинвазивным или инвазивным методом (для тех, кто не переносит

Таблица 3

Частые легочные осложнения, возникающие в период обострения ХОБЛ, и способы их коррекции

Легочные осложнения	Маркеры	Терапевтические опции
ОДН на фоне ХДН		
Доминирует гипоксемия	$paO_2 < 55$ мм рт. ст.	ДОТ
Доминирует гиперкапния	$paCO_2 > 45$ мм рт. ст.	NIV
Инфекция дыхательных путей	Цвет и динамика объема мокроты, уровни ПКТ и СРБ	АБ
Гиперинфляция легких	Снижение емкости вдоха и повышение общей емкости легких	Бронходилататоры, легочная реабилитация
Легочная гипертензия	ЭхоКГ, замер давления в легочной артерии в ходе ее катетеризации	O_2 т, неинвазивная вентиляция
Десатурация, вызванная физической нагрузкой	Снижение $SaO_2 > 4\%$ и $SaO_2 < 90\%$ во время проведения 6-минутного теста ходьбы	Домашняя ДОТ (если от нее есть польза)

маску). В настоящее время в период тяжелого обострения широко применяется неинвазивная вентиляция (NIV) с положительным давлением в дыхательных путях (являясь стандартом лечения гиперкапнической ДН), которая снижает летальность (на 40%), неудачи в лечении, время пребывания в стационаре, осложнения и необходимость применения интубации с ИВЛ [58]. NIV – безопасный метод вентиляции в тяжелых случаях, который разгружает дыхательные мышцы (облегчая их работу), улучшает газообмен (повышает альвеолярную вентиляцию), а также снижает выраженность диспноэ при ОДН (уменьшая легочную гиперинфляцию и «ловушку воздуха»), частоту интубаций, развитие осложнений (связанных с применением ИВЛ) и общую летальность (вследствие развития жизнеугрожающей ОДН) [59–61].

Показания к максимально быстрому применению NIV (предпочтительнее в ночное время для коррекции эпизодов десатурации) следующие: ОДН с выраженной одышкой в покое с ЧД > 24 /мин на фоне участия вспомогательных респираторных мышц в акте дыхания (или появления клинически значимой их усталости), персистирующая гипоксемия несмотря на проводимую оптимальную O_2 т,

гиперкапническая ОДН ($paCO_2 > 50$ мм рт. ст., $SaO_2 < 88\%$), респираторный ацидоз ($pH < 7,35$) и торакоабдоминальная асинхрония (парадоксальные движения живота) [62, 63]. Противопоказания к NIV следующие: остановка дыхания, нестабильность гемодинамики (падение АД, появление аритмий или ишемии миокарда), избыточная бронхиальная секреция, нарушение сознания (угнетение), а также неспособность пациента сотрудничать с медицинским персоналом.

Если NIV проводится длительно (несколько дней) на фоне эффективного фармакологического лечения, то многие пациенты способны «выйти» из тяжелого обострения и дышать без помощи NIV [64, 65]. Ее нередкий побочный эффект – развитие вторичной пневмонии (хотя ее частота меньше, чем при проведении ИВЛ).

Если ответ на применение NIV негативный – пациент переводится на ИВЛ. Показано [66], что у пациентов, не способных переносить NIV или с отсутствием эффекта от ее применения и последующей необходимостью перевода на ИВЛ, имеется более высокая летальность, чем у тех, у кого сразу начали применять ИВЛ. Показания для начала интубации пациентов, требующих интенсивного

лечения и проведения ИВЛ, на фоне обострения следующие: остановка дыхания или сердечной деятельности, длительные периоды остановки дыхания с потерей сознания, прогрессирование ОДН с «хватанием ртом воздуха» ($\text{ЧД} > 35/\text{мин}$, $\text{раO}_2 < 45$ мм рт. ст., или $\text{раCO}_2 > 60$ мм рт. ст., или $\text{pH} < 7,25$, несмотря на максимальную O_2T), гиперкапническая кома, тяжелая желудочковая аритмия, гемодинамическая нестабильность ($\text{САД} < 70$ мм рт. ст.; $\text{ЧСС} > 150/\text{мин}$ или $< 45/\text{мин}$), а также неспособность пациента отделять мокроту.

Дополнительно в период тяжелого обострения ХОБЛ рекомендуются выявление и коррекция сопутствующей патологии (ХСН, ИБС, аритмии и др.), подкожное введение гепарина (по показаниям), мониторинг водного и питательного баланса.

Период выздоровления после перенесенного обострения ХОБЛ – время высокого риска, так как возвращение к исходному состоянию идет медленно [12]. Так, у 25 % пациентов отмечалось неполное возвращение к исходной ОФВ₁, у 15 % – симптоматика сохранялась в течение 5 недель, а в 27 % случаев возникало повторное обострение в течение последующих 30 дней. Вероятно, оно было вызвано имеющейся в дыхательных путях инфекцией вследствие недостаточной АБт. 3-месячное лечение азитромицином после перенесенного обострения оказывало существенное позитивное влияние на его исход (снижая количество повторных госпитализаций).

Пациент, пролеченный в стационаре по поводу обострения ХОБЛ, при выписке должен иметь письменный план своих действий в домашних условиях. Так, после легкого обострения пациент должен повторно осматриваться через 3 месяца с проведением спирометрии и переоценкой степени тяжести болезни по классификации GOLD [8]. При выписке после купированного умеренного обострения должна быть оптимизирована дозировка бронходилататоров, сделана вакцинация против пневмококка и начата легочная реабилитация, а после пролеченного тяжелого обострения перед выпиской необходимо оценить КЩС и назначить домой LABA, LAMA, ICS и их комбинации. Пациентам с наличием преходящих эпизодов ДН дополнительно показано мониторинг газового обмена по данным пульсоксиметрии.

Для профилактики обострений ХОБЛ важно выявить и контролировать (уменьшить) имеющиеся ФР. Так, отказ от курения – ключевой способ профилактики заболевания. Лечение табакозависимости включает применение (при отсутствии противопоказаний): варениклина (постоянно высвобождающего биопропин), нортриптилина, никотиновых жвачек, никотиновых ингаляторов или назальных спреев и никотиновых пластырей, помогающих бросить курить. Дополнительно необходимо снижение воздействия поллютантов в помещении и вне его (включая биомассы, содер-

жащиеся в топливе, и промышленные поллютанты), что часто требует изменений в законодательстве страны, а также соблюдения защитных мер самим пациентом.

Согласно рекомендациям GOLD, для профилактики обострений ХОБЛ длительно назначают разные формы БДДД, другие оральные или парентеральные ЛС. Так, регулярное применение LABA с/без ICS, LAMA, а также рофлумиласта и ацетилцистеина существенно снижало частоту обострений. Различные схемы лечения обострения также влияют и на его выраженность. Так, рациональный выбор АБт в период обострения ХОБЛ позволял улучшить эффективность лечения и снизить риск обострений в будущем.

Ежегодная вакцинация против пневмококка и гриппа показана всем пациентам, страдающим ХОБЛ. Так, вакцинация против гриппа существенно помогает снизить появление обострений (на треть) в зимний период и частоту госпитализаций по сравнению с непривитыми больными. Профилактика усиливается добавлением противопневмококковой вакцинации. Так, пожилые больные ХОБЛ, получившие такую вакцинацию, имели меньший (на 50 %) риск развития пневмонии и летальности. Кроме того, у пациентов, имеющих дефицит витамина D (< 20 нг/мл), показано его восполнение [4].

Важным аспектом интегрированного менеджмента больного ХОБЛ является легочная реабилитация (адаптированная к индивидуальным потребностям) в комбинации с фармакологическим лечением. Цель реабилитации – восстановить функциональный статус пациента, имевшийся до обострения, повысить ТФН и КЖ, а также снизить риск повторных обострений [18, 67]. Так, легочная реабилитация, начатая в период госпитализации, повышает ТФН и КЖ, а также снижает частоту повторных госпитализаций. Она показана малоподвижным пациентам с наличием постоянной тяжелой одышки (несмотря на лечение БДДД), плохой переносимостью ФН (ее отсутствие является индикатором риска высокой летальности) и частыми обострениями. Персональные программы поведения этих пациентов (обучение пониманию болезни, технике правильного кашля и диафрагмального дыхания, сохранения энергии во время ежедневной активности, релаксационные упражнения, контроль симптоматики, наличие плана мероприятий при появлении обострения и коррекция образа жизни, включая характер питания и адекватные нагрузки) помогают существенно снизить частоту госпитализаций (из-за обострений), по сравнению с обычным менеджментом больного [68, 69]. Так, отмечено, что больные, поддерживающие оптимальную регулярную физическую активность, имели меньшие риск обострений и стационарного лечения, а также летальность.

Показано [70], что адекватная легочная реабилитация уменьшала выраженность одышки и усталости, улучшала ТФН, КЖ и эмоциональный фон,

а также повышала значимость контроля своего состояния самим пациентом. Обучение пациентов, страдающих ХОБЛ, помогает им справиться со своей болезнью и может быть эффективным в плане

коррекции их образа жизни и достижения целей лечения.

Со списком литературы (70 источников) можно ознакомиться в редакции.

Поступила 26.12.2022

ДЕФИЦИТ ВИТАМИНА В₁₂, СТАРЕНИЕ И КОГНИТИВНЫЕ НАРУШЕНИЯ

А.В. Хапалюк*

Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

*Контактная информация. Тел.: +375 29 674 97 74, e-mail: akhapa@tut.by

VITAMIN B₁₂ DEFICIENCY, AGING AND COGNITIVE IMPAIRMENT

A.V. Khapaliuk*

Belarusian Medical Academy of Postgraduate Education, Minsk

*Corresponding author. Tel.: +375 29 674 97 74, e-mail: akhapa@tut.by

В статье приводятся сведения о фармакокинетике цианокобаламина, поступающего с пищей, о возраст-ассоциированных рисках его дефицита, обсуждаются механизмы участия коферментных форм цианокобаламина в процессах миелинизации нервной ткани и гемопоэза, нарушение которых приводит к развитию неврологических и когнитивных расстройств, а также злокачественной анемии. Рассмотрен механизм вовлеченности метилкобаламина в поддержании стабильности теломер, длина которых является биологическим маркером процесса старения.

KEYWORDS

vitamin B₁₂, cyanocobalamin, biological role, demyelination, methylation of telomeres, aging, cognitive disorders.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

витамин В₁₂, цианокобаламин, биологическая роль, демиелинизация, метилирование теломер, старение, когнитивные нарушения

The article provides information about the pharmacokinetics of dietary cyanocobalamin, about the age-associated risks of its deficiency, discusses the mechanisms of participation of coenzyme forms of cyanocobalamin in the processes of myelination of the nervous tissue and hematopoiesis, the violation of which leads to the development of neurological and cognitive disorders, pernicious anemia. The mechanism of involvement of methylcobalamin in maintaining the stability of telomeres, the length of which is a biological marker of the aging process, is considered.

Краткие сведения о витамине В₁₂. Витамин В₁₂ – это общее название двух химических вариантов молекулы кобаламина, обладающих витаминной активностью, – цианокобаламина и гидроксикобаламина. Они представляют собой витаминеры – сходные по структуре и биохимическим функциям соединения, обладающие витаминной активностью. По сути это разновидности одного и того же вещества, отличающиеся друг от друга пространственной ориентацией и присутствием циано- либо гидроксильной группы. Обе формы в организме превращаются в активные соединения – метилкобаламин и аденозилкобаламин [1]. Иногда под витамином В₁₂ понимают совокупность всех четырех форм химических разновидностей кобаламина – цианокобаламина, гидроксикобаламина, метилкобаламина и аденозилкобаламина, т. е. всех наиболее известных и изученных соединений, содержащих кобальт. В настоящее время для обозначения витамина В₁₂ часто используется еще и понятие «цианокобаламин», поскольку именно в этой форме в организм человека поступает основная часть витамина В₁₂. Однако следует учитывать,

что «цианокобаламин» и «витамин В₁₂» не являются синонимами, так как и другие соединения кобаламина обладают В₁₂-витаминной активностью [2].

В организм человека витамин В₁₂ попадает, как правило, в форме цианокобаламина с пищей животного происхождения [3]. В желудке, благодаря активности соляной кислоты и пепсина, витамин В₁₂ высвобождается из связанного с пищевыми белками состояния и соединяется с R-протеином, или гаптокоррином, – белком слюны и желудочного сока. В двенадцатиперстной кишке гаптокоррин расщепляется панкреатическими протеазами, после чего свободный цианокобаламин образует комплекс с внутренним фактором Кастаны – гликопротеином, секретлируемым париетальными клетками желудка. Внутренний фактор – это белок, необходимый для процесса активного всасывания цианокобаламина, который обеспечивает поступление кобаламина в системный кровоток [4]. В желудке витамин В₁₂ не может связаться с внутренним фактором, так как эта связь возможна лишь в щелочной среде. Образовавшийся комплекс цианокобаламин – внутренний фактор Кастаны распоз-

нается рецепторами энтероцитов и адсорбируется эпителиальными клетками дистального отдела подвздошной кишки. Внутренний фактор Кастла связывает более 70 % поступающего с пищей цианокобаламина. Активный транспорт способен обеспечить поступление в организм не более 2 мкг кобаламина в сутки [5].

Существует также независимый от внутреннего фактора Кастла механизм всасывания V_{12} – путь пассивной диффузии, посредством которого в толстом кишечнике всасывается около 1 % поступившего с пищей цианокобаламина [6].

После того как комплекс V_{12} – внутренний фактор Кастла распознан рецепторами энтероцитов подвздошной кишки, он превращается в оксикобаламин и поступает в порталный и далее в системный кровоток.

В плазме оксикобаламин связывается с транскобаламином II, образуя голотранскобаламин, а также с транскобаламином I и III с образованием гологаптокоррина. Комплекс оксикобаламин – транскобаламин II (голотранскобаламин) осуществляет транспорт кобаламина в печень и другие ткани. Это единственное соединение кобаламина, которое усваивается клетками. Гологаптокоррин, на долю которого приходится 70–90 % всего поступившего в кровоток витамина V_{12} , биологически инертен [7, 8].

В лизосомах клеток голотранскобаламин гидролизуются с образованием транскобаламина и свободного кобаламина [7]. Перед поступлением в митохондрии содержащийся в молекуле витамина V_{12} кобальт восстанавливается и из трехвалентного переходит в двухвалентный. В митохондриях происходит дальнейшее восстановление кобаламина, после чего последний взаимодействует с аденозином, образуя аденозилкобаламин (кофермент метилмалонил-КоА-мутаза). Наряду с данными превращениями, свободный кобаламин подвергается в цитозоле серии пока недостаточно изученных ферментативных реакций, в результате которых образуется метилкобаламин – кофермент метионинсинтазы. После выполнения своих коферментных функций активные формы витамина V_{12} вновь переносятся в кровь и доставляются в печень и почки, откуда выводятся наружу с мочой и калом. Из печени витамин V_{12} выводится с желчью в кишечник (до 3–7 мкг/сут), где снова всасывается (энтерогепатическая циркуляция). При этом в день теряется примерно 0,1 % от всего количества, поступившего с желчью в кишечник витамина. Основная же его часть реабсорбируется. С мочой из организма выводится только следовое количество витамина. Таким образом, благодаря чрезвычайно эффективной энтерогепатической циркуляции, печень может хранить запас V_{12} в течение 3–5 лет [9–11], поэтому выраженный недостаток этого витамина встречается редко.

Биологическая роль коферментных форм витамина V_{12} в организме человека. В организме человека витамин V_{12} принимает участие в разно-

образных биологических процессах: он вовлечен в синтез нуклеиновых кислот, ДНК и РНК, обмен белков, жиров и углеводов, участвует в процессах гемопоза и миелинизации нервной ткани, что и преопределяет клиническую картину его дефицита в виде гематологических, неврологических и психических нарушений. Кобаламин в качестве кофакторов вовлечен в две ферментативные реакции [12]. Первая реакция связана с трансформацией гомоцистеина в метионин под действием метионинсинтазы и заключается в переносе метильной группы ($-CH_3$) с метилтетрагидрофолатом на гомоцистеин с образованием тетрагидрофолатом и метионина. В качестве кофактора метионинсинтазы выступает метилкобаламин, активная форма витамина V_{12} [13]. Данная реакция необходима для синтеза дезокситимидинмонофосфата и последующего образования ДНК [14]. Дефицит витамина V_{12} и фолиевой кислоты ведет к повышению уровня гомоцистеина.

Вторая ферментативная реакция при участии другой коферментной формы витамина V_{12} – аденозилкобаламина – заключается в превращении метилмалонил-коэнзима А (КоА) в сукцинил-КоА. Данная реакция играет важную роль при синтезе миелина, нуклеиновых кислот, белковых и липидных структур миелиновой оболочки нервного волокна, холина и нейротрансмиттеров, а также дифференцировки шванновских клеток и развитии аксонов [14–16]. При ее нарушении отмечается накопление в организме избытка метилмалоновой кислоты, что коррелирует с более быстрыми темпами снижения познавательных способностей [20].

Основные группы риска развития дефицита витамина V_{12} . В связи со значительным депо витамина V_{12} признаки дефицита витамина V_{12} могут проявиться спустя годы после его формирования. Не существует ни одного патогномичного симптома, свидетельствующего о дефиците витамина V_{12} . Больше всего дефициту витамина V_{12} подвержены пожилые люди и строгие вегетарианцы [15]. Нарушение всасывания служит причиной развития дефицита витамина V_{12} у 87 % пациентов пожилого возраста, причем у 53–60 % из них вследствие синдрома мальабсорбции пищевого цианокобаламина [17–22]. Атрофический гастрит является возраст-зависимым заболеванием и встречается у 30 % людей старше 60 лет [23]. При атрофическом гастрите происходит атрофия слизистой оболочки желудка, что в свою очередь служит причиной снижения секреции соляной кислоты и пепсина и, следовательно, уменьшения утилизации витамина V_{12} , поскольку именно они способствуют освобождению витамина V_{12} из белков пищи. При атрофии слизистой желудка вследствие утраты значительного количества париетальных клеток, находящихся в теле и дне желудка, наблюдается значительное уменьшение или полная невозможность образования внутреннего фактора Кастла, что влечет за собой нарушение всасывания вита-

мина V_{12} . Кроме того, гипохлоргидрия может действовать избыточному бактериальному росту в желудке и тонкой кишке. В этой ситуации бактерии конкурентно поглощают некоторое количество витамина V_{12} , тем самым уменьшая количество цианокобаламина, доступного для всасывания. Доказательством этому является обнаруженная связь между *Helicobacter pylori*, развитием атрофического гастрита и низким уровнем витамина V_{12} [24]. Причиной неадекватного высвобождения витамина V_{12} из пищи может служить прием лекарственных средств, например ингибиторов протонной помпы, механизм действия которых основан на блокаде протонной помпы (H^+/K^+ -АТФазы), что приводит к снижению секреции желудочного сока. В итоге развивается ятрогенная гипохлоргидрия – состояние, клиническая картина которого идентична таковой при атрофическом гастрите. Показано, что антисекреторная терапия в течение двух и более лет достоверно дозозависимо ассоциируется с повышением риска V_{12} -дефицитного состояния. Аналогичная связь установлена в отношении H_2 -блокаторов [25, 26].

Стоит отметить, что V_{12} -дефицитные состояния достаточно часто ассоциируются с длительным приемом метформина. Показательным служит многоцентровое рандомизированное плацебо-контролируемое исследование, проведенное в Нидерландах, в котором приняли участие 390 пациентов с сахарным диабетом 2 типа [27]. Участники, наряду с инсулином, получали 850 мг метформина или плацебо 3 раза в день на протяжении 4,3 года. Установлено, что в среднем снижение концентрации витамина V_{12} в группе метформина, по сравнению с плацебо, наблюдалось у 19 %. В связи с этим авторы исследования предлагают проводить регулярное измерение концентрации витамина V_{12} при длительной терапии метформином.

Иногда встречаются V_{12} -дефицитные состояния, причиной которых явились хирургические операции на желудке, после которых наблюдается значительное уменьшение или полная невозможность образования внутреннего фактора Кастла, что влечет за собой нарушение всасывания витамина V_{12} . Экзокринная недостаточность поджелудочной железы также может служить причиной нарушения расщепления в двенадцатиперстной кишке комплекса R-протеин – витамин V_{12} .

Клинические проявления гиповитаминоза V_{12} . Классические клинические проявления дефицита витамина V_{12} – мегалобластная анемия и поражение периферической и центральной нервной системы, обусловленные демиелинизацией в веществе спинного и головного мозга, а также периферических нервов.

Демиелинизация – это патологический процесс, при котором разрушается миелиновая оболочка нервных волокон. При изолированной демиелинизации чувствительных нервных волокон в клинической картине превалируют симптомы

нарушения чувствительности (парестезии, гипестезии, гипестезии, анестезии, дизестезии). Изолированная демиелинизация двигательных нервов характеризуется двигательными нарушениями (парезами разной степени выраженности и параличами). Типичным следствием дефицита V_{12} является подострая дегенерация спинного мозга (фуникулярный миелоз), поражение зрительного нерва (в виде снижения остроты зрения, скотом и атрофии зрительных нервов). Разрушение миелина при дефиците витамина V_{12} в белом веществе головного мозга вызывает разнообразные клинические проявления энцефалопатии: хроническая усталость, повышенная утомляемость, упорные головные боли, головокружения, разнообразные клинические проявления когнитивных расстройств [28–34].

Мегалобластная анемия – самое «узнаваемое» проявление дефицита кобаламина. Мегалобластная анемия характеризуется наличием в костном мозге и периферической крови мегалобластов (измененные эритроциты, свойственные эмбриональному типу кроветворения). При дефиците V_{12} фермент метионинсинтаза теряет свою активность, нарушается синтез нуклеиновых кислот, ДНК, в меньшей степени РНК и белка. Нарушение деления клеток приводит к росту клетки, что проявляется макроцитозом. В мазке периферической крови обнаруживаются «осколки» ядер в эритроцитах (тельца Жолли и кольца Кебота), гиперхромия эритроцитов, гиперсегментированные нейтрофилы. Измененные эритроциты быстро разрушаются ретикулоэндотелиальной системой, развивается анемия [28].

Классическая пернициозная (злокачественная) анемия чаще встречается у пожилых людей. При этом четкая корреляция между уровнем витамина V_{12} в крови и степенью тяжести анемии отсутствует.

Первые связь между развитием нервно-психических нарушений и дефицитом витамина V_{12} была продемонстрирована более 100 лет назад.

Известно, что во многих случаях дефицит витамина V_{12} дебютирует психоэмоциональными нарушениями (утомляемость, сонливость, апатия, депрессия, эмоциональная лабильность, агрессивность, зрительные и слуховые галлюцинации, острые психотические реакции). Очаговые изменения белого вещества, обычно выявляемые в лобных и теменных долях головного мозга, мозолистом теле, могут приводить к снижению памяти и нарушению высших мозговых функций вплоть до развития деменции [35, 36]. Когнитивные нарушения, достигающие степени деменции, отмечаются у 4–16 % пациентов со злокачественной анемией [36]. В то же время примерно в 15 % случаев неврологические нарушения не сопровождаются характерными гематологическими изменениями [33].

Деменция, обусловленная дефицитом витамина V_{12} , не имеет специфических клинических проявлений. В большинстве случаев отмечается быстрое

прогрессирование когнитивных нарушений с проходящими эпизодами спутанности сознания, депрессией. На магнитно-резонансной томограмме – атрофия вещества больших полушарий, очаговые изменения в белом веществе – чаще полушарий, реже ствола головного мозга и мозжечка. Данные о возможной обратимости когнитивных нарушений, связанных с дефицитом витамина B_{12} , различны. В литературе описаны случаи практически полного восстановления когнитивных функций и регресса эмоциональных нарушений (чаще депрессии) при негрубой выраженности дефекта и продолжительности заболевания не более года. Вместе с тем в ряде случаев даже нормализация уровня витамина B_{12} в крови не улучшает когнитивных функций. Как правило, это наблюдается при значительной продолжительности заболевания, наличии конкурирующего нейродегенеративного заболевания (болезнь Альцгеймера и др.) [31, 35, 36].

Дефицит витамина B_{12} и фолиевой кислоты является основным фактором риска развития приобретенной гипергомоцистеинемии [37], что ассоциируется с более быстрым прогрессированием атеросклеротического поражения крупных артерий и с повышением риска ишемического инсульта и сердечно-сосудистой патологии атеротромботического генеза [38].

В ряде исследований показано, что гипергомоцистеинемия увеличивает риск развития как сосудистой деменции, так и болезни Альцгеймера, что может свидетельствовать об общих патогенетических механизмах данных заболеваний [39].

Таким образом, очевидно, что недостаточность витамина B_{12} , встречающаяся чаще у лиц пожилого возраста и обусловленная прежде всего ассоциированными с возрастом нарушением всасывания цианокобаламина, поступающего с пищей, может проявляться клинически манифестацией когнитивных расстройств, которые являются частым «спутником» процесса старения человека, встречаясь у 3–11,3 % лиц в возрасте 60 лет и старше [40].

Старение рассматривается как изменение во времени как живых, так и неживых систем в природе. Это универсальный процесс снижения уровня функционирования не полностью самообновляющихся систем во времени. Снижение функционирования органов и систем изначально присуще живому и не является периодом его развития; причины, запускающей процесс старения, не существует. Если рассуждать диалектически, то биологический процесс старения, который включает весь период постнатального онтогенеза, начинается с момента рождения и необратимо продолжается в течение всей жизни.

За всю историю человечества было предложено более 300 теорий старения, но все они могут быть сведены к двум основным: программированное старение, обусловленное генетически предопределенным дегенеративным процессом, связанным с возрастом (лимит Хейфлика), и про-

извольное старение, обусловленное эпигенетическими изменениями под влиянием внешних факторов на функционирование генома. На практике это означает, что наша социальная среда, режим дня и питания, физические нагрузки меняют то, как организм воспроизводит клетки, воздействующие на работу всех органов. Установлено, что под влиянием внешних факторов не все гены работают одинаково: некоторые включаются и выключаются под влиянием внешней среды.

В 1889 году немецкий зоолог Август Вейсман в своем труде «Эссе о вопросах наследственности и биологии родства» постулировал, что соматические клетки способны к ограниченному числу делений, и это обуславливает ограниченную продолжительность жизни. Различная продолжительность жизни животных объяснялась им различным числом возможных клеточных делений. В 1961 году американский геронтолог Леонард Хейфлик установил, что человеческие фибробласты *in vitro* могут делиться не более 50 раз. В честь первооткрывателя это явление назвали «лимитом (пределом) Хейфлика». Леонард Хейфлик предположил, что неспособность клеток делиться бесконечно (исчерпание лимита делений) служит причиной естественного старения организма. Этот процесс связан с функционированием теломер.

Теломеры представляют собой гетерохроматиновые структуры на концах хромосом (участки, в генетическом отношении являющиеся практически неактивными), состоящие из tandemных нуклеотидных повторов 5'-TTAGGG-3'.

У человека последовательность 5'-TTAGGG-3' повторяется 1000–2000 раз. На концах теломер находятся одноцепочечные участки 3'-цепи, образующей D-петлю, которая играет важную роль в защите концов хромосомы [41]. Формирование структуры теломерной петли обеспечивает белковый комплекс шелтерин, который состоит из шести основных белков, специфически связывающихся с теломерной последовательностью: TRF1, TRF2, TIN2, RAP1, TPP1 и POT1. Этот комплекс образует защитный «колпачок», предохраняющий хромосомы от действия нуклеаз и слипания.

У человека средняя длина теломер обычно составляет от 10 000 до 15 000 пар нуклеотидов и неизбежно сокращается со скоростью от 50 до 200 пар оснований при каждом акте клеточной репликации в результате недорепликации, а также действия нуклеаз [42].

Начиная с младенчества размеры теломер постепенно сокращаются: в среднем до двух раз к зрелому возрасту и до четырех – к пожилому. Считают, что это является одной из причин старения организма. Поскольку с возрастом увеличивается число соматических мутаций и других форм повреждения ДНК, потенциал репарации ДНК рассматривается в качестве важного фактора поддержания долголетия клеток [43].

Короткие теломеры являются отражением низкого уровня способности систем клетки к восста-

новлению повреждений ДНК, а их длина может выступать в качестве биомаркера старения. Процесс укорочения продолжается до тех пор, пока размер теломер не достигнет критической длины [43], что вызывает остановку клеточного цикла, приводящую к апоптозу – запрограммированной гибели клетки, которая после примерно 50 делений распадается на отдельные фрагменты и в итоге исчезает. Это позволяет рассматривать теломеры в качестве митотических часов, которые регулируют способность клетки к делению. Стареющие и старые клетки есть и в молодом организме. Разница в том, что с возрастом их становится все больше; накопление старых клеток вызывает дегенеративные процессы, которые, в свою очередь, приводят к возраст-ассоциированным заболеваниям.

Известно, что процесс старения зависит от адекватного метилирования ДНК и теломер. Так, определение эпигенетического старения по метилированию ДНК генов ITGA2B, ASPA и PDE4C позволяет оценить биологический возраст человека со средним отклонением от хронологического возраста, не превышающим 5 лет. Эта точность выше, чем возрастные прогнозы на основе длины теломер [44].

Витамин B₁₂ и фолиевая кислота вовлечены во многие механизмы, обеспечивающие стабильность теломер ДНК [45].

Важнейший механизм этой вовлеченности заключается в контроле процессов метилирования. Метилирование – это химический процесс, заключающийся в присоединении к нуклеиновому основанию ДНК метильной группы. Как уже указывалось, реакция переноса метильной группы осуществляется при участии метионинситазы, коферментом которой выступает метилкобаламин (активная форма витамина B₁₂).

Итак, проблема дефицита витамина B₁₂ в группе лиц пожилого и старческого возраста является весьма актуальной. Актуальность подчеркивается взаимосвязью данного состояния не только (а, возможно, и не столько) с пернициозной анемией, но и с развитием на фоне гиповитаминоза B₁₂ когнитивных расстройств и деменции. Более того, возникает патологически порочный круг: возраст-ассоциированный атрофический гастрит, являющийся основной причиной возникновения недостаточности витамина B₁₂, ведет, в свою очередь, к ускорению процесса старения вследствие недостаточного метилирования теломер и, соответственно, к их укорочению; укорочение же теломер рассматривается как отражение эпигенетического старения. Влияние на процесс старения, а также возможность эффективной своевременной коррекции цианокобаламином когнитивных расстройств, возникших вследствие дефицита витамина B₁₂, позволяет по-новому взглянуть на перспективы его клинического применения.

Для этого необходимо:

- шире использовать определение уровня голотранскобаламина в плазме крови, который наиболее информативно отражает содержание витамина B₁₂ в организме человека;

- внедрять в лечебную практику и изучать клиническую эффективность профилактического приема цианокобаламина у пациентов высокого риска дефицита витамина B₁₂.

Наиболее приемлемым способом коррекции и профилактики гиповитаминоза B₁₂ следует рассматривать длительный пероральный прием цианокобаламина в дозе не менее 1000 мкг 1 раз в сутки, что обеспечит гораздо большую приверженность пациентов к терапии по сравнению с парентеральным введением препарата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dali-Youcef N., Andres E. An update on cobalamin deficiency in adults // *QJM*. 2009; 102 (1): 17–28.
2. Herbert V. Vitamin B₁₂: plant sources, requirements, and assay // *Am. J. Clin. Nutr.* 1988; 48 (Suppl.): 852–858.
3. Керкешко Г.О., Дорофейков В.В., Патрухина Н.А. и др. Роль активного витамина B₁₂ (холотранскобаламина) в формировании анемии беременных // *Журн. акушерства и женских болезней*. 2015; 64 (5): 96–105.
4. Andres E., Loukili N.H., Noel E. et al. Vitamin (cobalamin) deficiency in elderly patients // *CMAJ*. 2004; 171 (3): 251–259.
5. Hunt A., Harrington D., Robinson S. Vitamin deficiency [Electronic resource] // *BMJ*. 2014; 349: g5226. URL: <https://doi.org/10.1136/bmj.g5226>
6. Allen L.H. How common is vitamin B-12 deficiency? // *Am. J. Clin. Nutr.* 2009; 89 (2): 693–696.
7. Nexo E., Hoffmann-Lucke E. Holotranscobalamin, a marker of vitamin B-12 status: analytical aspects and clinical utility // *Am. J. Clin. Nutr.* 2011; 94 (1): 359–365.
8. Дранкина О.М., Шепель Р.Н. Связь между дефицитом витамина B₁₂, риском развития сердечно-сосудистых заболеваний и процессами старения // *Рац. фармакогер. в кардиол.* 2017; 13 (1): 100–106.
9. Andres E., Zulfiqar A.A., Vogel T. State of the Art Review: Oral and nasal vitamin therapy in the elderly // *QJM*. 2020; 113: 5–15.
10. Горбачев В.В., Горбачева В.Н. Витамины, микро- и макроэлементы. Минск: Книж. дом, 2002. 544 с.
11. Carmel R. Cobalamin, the stomach, and aging // *Am. J. Clin. Nutr.* 1997; 66: 750–759.
12. Green R., Allen L.H., Bjorke-Monsen A.L. et al. Vitamin deficiency // *Nat. Rev. Dis. Primers*. 2017; 3: 17040.
13. Hvas A.M., Nexo E. Diagnosis and treatment of vitamin deficiency: an update // *Haematologica*. 2006; 91: 1506–1512.
14. Перекатова Т.Н., Остроумова М.Н. Еще раз о дефиците витамина B₁₂ // *Клин. онкогематология. Фундамент. иссл. и клин. практика*. 2009; 2 (1): 185–195.
15. Antony A.C. Vegetarianism and vitamin B₁₂ (cobalamin) deficiency // *Am. J. Clin. Nutr.* 2003; 78 (1): 3–6.
16. Nishimoto S., Tanaka H., Okamoto M. et al. Methylcobalamin promotes the differentiation of Schwann cells and remyelination in lysophosphatidylcholine – induced demyelination of the rat sciatic nerve // *Front. Cell. Neurosci.* 2015; 9: 298.
17. Herrmann W., Obeid R. Causes and early diagnosis of vitamin deficiency // *Dtsch. Arztebl. Int.* 2008; 105 (40): 680–685.
18. Clarke R. et al. Screening for vitamin B₁₂ and folate deficiency in older persons // *Am. J. Clin. Nutr.* 2003; 77: 1241–1247.
19. Andres E., Affenberger S., Vinzio S. et al. Food-cobalamin

- malabsorption in elderly patients: clinical manifestations and treatment // *Am. J. Med.* 2005; 118: 1154–1159.
20. Clarke R., Birks J., Nexo E. et al. Low vitamin B-12 status and risk of cognitive decline in older adults // *Am. J. Clin. Nutr.* 2007; 86 (5): 1384–1391.
21. Andres E., Affenberger S., Vinzio S. et al. Food-cobalamin malabsorption in elderly patients: clinical manifestations and treatment // *Am. J. Med.* 2005; 118: 1154–1159.
22. Finch S., Doyle W., Lowe C. et al. *National Diet and Nutrition Survey: people aged 65 years and over. Vol. 1: Report of the diet and nutrition survey.* London: TSO, 1998.
23. Carmel R. Cobalamin, the stomach, and aging // *Am. J. Clin. Nutr.* 1997; 66: 750–759.
24. Carmel R., Perez-Oerez G., Blaser M. *Helicobacter pylori* infection and food-cobalamin malabsorption // *Dig. Dis. Sci.* 1994; 39: 309–314.
25. Fried M., Siegrist H., Frei R. et al. Duodenal bacterial overgrowth during treatment in outpatients with omeprazole // *Gut.* 1994; 35: 23–26.
26. Lam J.R., Schneider J.L., Zhao W. et al. Proton pump inhibitor and histamine 2 receptor antagonist use and vitamin B₁₂ deficiency // *JAMA.* 2013; 310 (22): 2435–2442.
27. de Jager J., Kooy A., Leher P. et al. Long term treatment with metformin in patients with type 2 diabetes and risk of vitamin B₁₂ deficiency: randomised placebo controlled trial // *BMJ.* 2010; 340.
28. Lindenbaum J., Healton E.B., Savage D.G. et al. Neuropsychiatric disorders caused by cobalamin deficiency in the absence of anemia or macrocytosis // *N. Engl. J. Med.* 1988; 318: 1720–1728.
29. Healton E.B., Savage D.G., Brust J.C. Neurologic aspects of cobalamin deficiency // *Medicine (Baltimore).* 1991; 70 (4): 229–245.
30. Andres E., Loukili N.H., Noel E. et al. Vitamin (cobalamin) deficiency in elderly patients // *CMAJ.* 2004; 171 (3): 251–259.
31. Ford A.H., Almeida O.P. Effect of Vitamin B Supplementation on Cognitive Function in the Elderly: A Systematic Review and Meta-Analysis // *Drugs Aging.* 2019; 36 (5): 419–434.
32. Metz J. Cobalamin deficiency and the pathogenesis of nervous system disease // *Annu. Rev. Nutr.* 1992; 12: 59–79.
33. Камчатнов П.П., Дамулин И.В. Когнитивные нарушения при дефиците витамина B₁₂, фолиевой кислоты и гипергомоцистемии // *Клиницист.* 2015; 1: 18–23.
34. Rietsema W.J. Unexpected recovery of moderate cognitive impairment on treatment with oral methylcobalamin // *J. Am. Geriatr. Soc.* 2014; 62 (8): 1611–1612.
35. Huijts M., van Oostenbrugge R., Rouhl R.P. et al. Effects of vitamin B₁₂ supplementation on cognition, depression, and fatigue in patients with lacunar stroke // *Int. Psychogeriatr.* 2013; 25 (3): 508–510.
36. Abyad A. Prevalence of vitamin B₁₂ deficiency among demented patients and cognitive recovery with cobalamin replacement // *J. Nutr. Health Aging.* 2002; 6 (4): 254–260.
37. Garcia A., Zanihbi K. Homocysteine and cognitive function in elderly people // *CMAJ.* 2004; 171 (8): 897–904.
38. Remacha A.F., Souto J.C., Ymila R.T. et al. Enhanced risk of thrombotic disease in patients with acquired vitamin B12 and/or folate deficiency: role of hyperhomocysteinemia // *Ann. Hematol.* 2002; 81 (11): 616–621.
39. Калашникова Л.А., Добрынина Л.А., Устюжанина М.К. Гипергомоцистемия и поражение головного мозга // *Неврол. журн.* 2004; 9 (3): 48–54.
40. Wu Y.T., Beiser A.S., Breteler M.M.B. et al. The changing prevalence and incidence of dementia over time – current evidence // *Nat. Rev. Neurol.* 2017; 13 (6): 327–339.
41. Griffith J.D., Comeau L., Rosenfield S. et al. Mammalian telomeres end in a large duplex loop // *Cell.* 1999; 97: 503–514.
42. Zhao Y., Sfeir A.J., Zou Y. et al. Telomere extension occurs at most chromosome ends and is uncoupled from fill-in in human cancer cells // *Cell.* 2009; 138: 463–475.
43. Hayflick L. The Limited in Vitro Lifetime of Human Diploid Cell Strains // *Exp. Cell Res.* 1965; 37: 614–636.
44. Weidner C.I., Lin O., Koch C.M. et al. Aging of blood can be tracked by DNA methylation changes at just three CpG sites // *Genome Biology.* 2014; 15.
45. Genus S.J. What's out there making us sick? // *J. Environ. Public Health* // 2012; 10: 88–94.

Поступила 04.04.2023

ВЛИЯНИЕ БОЛИ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ПАЦИЕНТОВ С МИОФАСЦИАЛЬНЫМ СИНДРОМОМ

Ю.Ч. Сирицына*, А.П. Сиваков

Гродненский государственный медицинский университет
Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

*Контактная информация. Тел.: +375 29 881 14 57, e-mail: jula-57@mail.ru

EFFECT OF PAIN ON QUALITY OF LIFE PATIENTS WITH MYOFASCIAL SYNDROME

Yu.Ch. Siritsyna*, A.P. Sivakov

Grodno State Medical University
Belarusian Medical Academy of Postgraduate Education, Minsk

*Corresponding author. Tel.: +375 29 881 14 57, e-mail: jula-57@mail.ru

За последнее время накапливается все больше данных о влиянии боли на течение заболевания, работоспособность, социальную адаптацию, психику пациента, т. е. на качество его жизни. В статье представлены результаты исследования о влиянии степени выраженности болевого синдрома на качество жизни пациентов с миофасциальным синдромом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

качество жизни,
миофасциальный синдром,
боль, корреляционный
анализ

KEYWORDS

quality of life,
myofascial syndrome, pain,
correlation analysis

Recently, more and more data have been accumulated on the effect of pain on the course of the disease, performance, social adaptation, and the patient's psyche, i. e. on his quality of life. This study presents the results of the influence of the severity of pain syndrome on the quality of life of patients with myofascial syndrome.

Введение. В 2013 году проведено исследование «Глобальное бремя болезней 2013» (ГББ 2013), согласно которому установлены медицинские причины ухудшения качества жизни в разных странах мира. По результатам данного исследования болевые синдромы (БС) в структуре ГББ занимают лидирующие места по количеству лет, прожитых с нарушенным здоровьем в большинстве стран мира, и представляют прямую угрозу качеству жизни населения земного шара. Исследование проводилось в 188 странах, и в 86 из них данный показатель занял 1-е место, в 67 – 2-е или 3-е. В первую очередь это неспецифические скелетно-мышечные БС, такие как боль в верхней и нижней части спины, являющиеся причиной 20 % всех некачественно прожитых лет в мире [1].

Качество жизни (КЖ) – интегральная характеристика физического, психологического, эмоционального и социального функционирования пациента, основанная на его субъективном восприятии [2], т. е. данное понятие охватывает все стороны жизни пациента, а с медицинской точки зрения делается упор прежде всего на состояние здоровья и уро-

вень здравоохранения. В связи с этим КЖ – важный показатель состояния пациента и цель лечения.

Миофасциальный синдром (МФС) как представитель скелетно-мышечного БС обладает полиморфизмом клинических проявлений и представляет собой совокупность сенсорных, моторных и вегетативных симптомов. Можно предположить, что МФС оказывает выраженное влияние на ежедневное физическое и психоэмоциональное функционирование, поскольку пациенты страдают не только от боли и нарушения двигательной функции, расстройств эмоционально-волевой сферы, изменяющих их психику и поведение (у 60 % пациентов имеются признаки тревожно-депрессивных расстройств), социальной дезадаптации, но и от связанного с этим снижения КЖ [3–5].

Цель исследования – оценка и анализ влияния интенсивности боли на КЖ пациентов с МФС.

Материал и методы. Для изучения влияния боли при МФС на КЖ в исследование вошли 120 пациентов в возрасте от 18 до 60 лет (средний возраст – 37 лет), находившихся на лечении в отделении пограничных состояний Гродненского

областного клинического центра «Психиатрия-наркология» с расстройствами адаптации, недифференцированными соматоформными дисфункциями, тревожно-депрессивными расстройствами, рекуррентными депрессивными расстройствами, посттравматическим стрессовым расстройством с миофасциальной болью разной степени выраженности, которую испытывали в течение последних трех месяцев все обследуемые пациенты в виде цефалгий, цервикокраниалгий, цервикобрахиалгий с наличием активных и чаще латентных триггерных точек в трапецевидной мышце, грудино-ключично-сосцевидной, ромбовидных мышцах, мышце, поднимающей лопатку, ротаторах шеи и др., которые выявлялись при пальпации как болезненные уплотнения различных размеров в виде мышечных тяжей и валиков плотно-эластичной консистенции с характерной отраженной болью и вегетативной реакцией, иногда с сенестопатической окраской – жжение, мурашки, чувство холода, «ползание и шевеление под кожей», «ощущение волны жара по всему телу» [6]. Из них 66 пациентов (55 %) – пациенты женского пола и 54 (45 %) – мужского. Пациенты были разделены на три группы в зависимости от степени выраженности БС по визуально-аналоговой шкале (ВАШ): первая группа – 28 человек со слабовыраженной болью по ВАШ ($Me\ 3,4 \pm 0,7$), вторая – 61 человек с умеренно-выраженной болью ($Me\ 5,5 \pm 0,8$), третья – 31 пациент с интенсивным БС ($Me\ 7,3 \pm 0,6$).

Для оценки КЖ пациентов в зависимости от выраженности БС применяли наиболее используемый неспецифический опросник SF-36 (Item Short Health Status Survey), предназначенный для изучения всех компонентов КЖ, связанных со здоровьем, который обладает надежными психометрическими свойствами для проведения популяционных исследований в России, Беларуси и других странах (Санкт-Петербург, 1998). SF-36 состоит из 36 пунктов и позволяет оценить два интегральных показателя, характеризующих КЖ: «физический компонент здоровья» (Physical health – PH) и «психологический компонент здоровья» (Mental health – MH), измерение которых осуществляется по восьми шкалам в соответствии с балльной системой оценок таким образом, что более высокая оценка указывает на более высокий уровень КЖ.

PH характеризуют шкалы: физическое функционирование (Physical Functioning – PF), ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием (Role-Physical Functioning – RP), общее состояние здоровья (General Health – GH), интенсивность боли (Bodily Pain – BP). MH включает: жизненную активность (Vitality – VT), ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием (Role-Emotional – RE), социальное функционирование (Social Functioning – SF), психическое здоровье (Mental Health – MH). Для оценки боли использовали ВАШ, которая представляет прямую линию длиной 100 мм, на которой «0»

обозначает отсутствие боли, а «100» – невыносимую боль. Пациент отмечает интенсивность боли точкой на этой прямой. Анализ результатов лечения проводился с использованием лицензионного пакета прикладных программ Statistica 10. Количественные признаки описаны при помощи минимума, максимума, медианы с нижним и верхним квартилями (представленными как $Me\ (Q1; Q3)$). Сравнение трех групп по численным показателям выполнялось при помощи H -критерия Краскела-Уоллиса. Корреляционная связь между количественными признаками описывалась при помощи коэффициента корреляции r -Спирмена. Различия между группами и связи между признаками считались статистически значимыми при $p < 0,05$.

Результаты и обсуждение. Анализируя шкалы, характеризующие PH при межгрупповом сравнении пациентов всех трех групп, установлено, что у пациентов 2-й и 3-й групп с умеренно-выраженным ($5,5 \pm 0,8$) и интенсивным БС ($7,3 \pm 0,6$) все показатели PF, RP, DP, GH статистически значимо ниже аналогичных у пациентов 1-й группы со слабовыраженной болью ($3,4 \pm 0,7$) ($p < 0,001$), при этом показатель BP ($22,0 \pm 0,0$), характеризующий интенсивность боли, у пациентов 3-й группы в 2,6 раза ниже, чем у пациентов 1-й группы сравнения ($57,0 \pm 5,3$) и 1,9 раза меньше, чем у пациентов 2-й группы ($41,0 \pm 0,0$), что свидетельствует, что боль значительно ограничивает активность пациента с умеренно-выраженным и интенсивным БС, его способность заниматься повседневной деятельностью. Также показатели по шкале RP (0) (ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием) пациентов 2-й и 3-й групп сравнения демонстрируют, что и умеренно-выраженная, и интенсивная боль в равной степени значительно ограничивают физическое состояние пациента и его повседневную деятельность (затруднения при выполнении работы, сокращение ее объема, увеличение времени на ее выполнение и другой обычной повседневной деятельности) по сравнению с пациентами 1-й группы со слабовыраженной болью ($p > 0,05$). Однако оценка пациентами трех групп своего общего состояния здоровья и перспектив лечения остается на достаточно высоком уровне (шкала GH) (табл. 1, 2).

Проведя анализ шкал, характеризующих MH, установлено, что показатели по шкалам VT, SF, RE, MH у пациентов 2-й и 3-й групп с умеренно-выраженным и интенсивным БС статистически значимо ниже аналогичных показателей у пациентов 1-й группы ($p < 0,001$), причем у пациентов с интенсивным БС боль значительно влияет на психоэмоциональное состояние (шкала RE), ограничивая выполнение работы, повседневную деятельность, включая уменьшение объема работы, снижение ее качества. В равной степени умеренно-выраженный (SF $25,0 \pm 3,0$) и интенсивный (SF $25,0 \pm 0,0$) БС в 2 раза ограничивают социальную активность пациентов, снижают уровень общения и социаль-

Таблица 1

Значения шкал «физического компонента здоровья» от уровня боли

Шкалы	Группы сравнения			Статистика теста		
	1 (n = 28)	2 (n = 61)	3 (n = 31)	p_{1-2}	p_{1-3}	p_{2-3}
PH	85,0 ± 6,3	60,0 ± 5,0	40,0 ± 7,5	< 0,001	< 0,001	< 0,001
PF	50,0 ± 6,3	0,0	0,0	< 0,001	< 0,001	> 0,05
BP	57,0 ± 5,3	41,0 ± 0	22,0 ± 0	< 0,001	< 0,001	< 0,001
GH	67,0 ± 5,0	55,0 ± 2,5	50,0 ± 5,0	< 0,001	< 0,001	< 0,001

Примечание. p_{1-2} , p_{1-3} , p_{2-3} – уровень статистической значимости при сравнении 1-й и 2-й; 1-й и 3-й; 2-й и 3-й групп.

Таблица 2

Зависимость уровня «физического компонента здоровья» от выраженности болевого синдрома

x	y	Группа	Объем	мин	макс	Дов. инт. для медианы	Me (Q1; Q3)	Статистика теста	Различия между группами
PH	группа	1	28 (23,33 %)	31,6	52,3	46,3 ± 2,1	46,3 (41,7; 47,5)	H = 59,855, df = 2, p = 0,0000***, $\epsilon^2 = 0,503$	1-2 1-3 2-3
		2	61 (50,83 %)	30,6	47,5	36,4 ± 1,2	36,4 (33,5; 38,9)		
		3	31 (25,83 %)	22,6	39,1	29,9 ± 1,8	29,9 (28,3; 33,7)		
		всего	120 (100 %)	22,6	52,3	36,5 ± 1,4	36,4 (31,7; 41,8)		

***Уровень статистической значимости $p < 0,001$.

ных контактов в семье, коллективе по сравнению с пациентами 1-й группы (SF 50,0 ± 6,1). Отмечаются низкие баллы и по шкале МН, свидетельствующие о наличии более высокого уровня тревожно-депрессивной симптоматики [6], психоэмоциональ-

ном неблагополучии пациентов 2-й (МН 36,0 ± 3,0) и 3-й (МН 32,0 ± 2,0) групп соответственно, на этом фоне пациентами отмечается снижение жизненной активности, утомление, отсутствие энергии и сил (VT 35,0 ± 3,8), (VT 30,0 ± 1,3) (табл. 3, 4).

Таблица 3

Значения шкал «психологического компонента здоровья» от уровня боли

Шкалы	Группы сравнения			Статистика теста		
	1 (n = 28)	2 (n = 61)	3 (n = 31)	p_{1-2}	p_{1-3}	p_{2-3}
VT	52,5 ± 5,0	35,0 ± 3,8	30,0 ± 1,3	< 0,001	< 0,001	< 0,001
SF	50,0 ± 6,1	25,0 ± 3,0	25,0 ± 0,0	< 0,001	< 0,001	< 0,001
RE	66,6 ± 8,4	33,0 ± 0,1	0,0	< 0,001	< 0,001	< 0,001
МН	52,5 ± 5,0	36,0 ± 3,0	32,0 ± 2,0	< 0,001	< 0,001	< 0,001

Примечание. p_{1-2} , p_{1-3} , p_{2-3} – уровень статистической значимости при сравнении 1-й и 2-й; 1-й и 3-й; 2-й и 3-й групп.

Для наглядности приводим коробковые диаграммы зависимости показателей боли по ВАШ в трех группах сравнения и показателей, характеризующих КЖ: PH и МН (рис. 1, 2).

Для изучения взаимосвязи между значениями показателей шкал PH, МН и выраженности БС, оценки

уровня значимости связи данных значений использовался коэффициент корреляции Пирсона, ранговых корреляций Спирмена. При исследовании влияния уровня БС по шкале ВАШ на «физический компонент здоровья» имеет место сильная отрицательная корреляционная связь ($r = -0,737$, $p = -0,704$) и на «пси-

Зависимость уровня «психологического компонента здоровья» от выраженности болевого синдрома

x	y	Группа	Объем	мин	макс	Дов. инт. для медианы	Ме (Q1; Q3)	Статистика теста	Различия между группами
МН	группа	1	28 (23,33 %)	20,7	51,8	38,7 ± 3,0	38,6 (29,8; 41,5)	H = 40,17 df = 2, p = 0,0000*** ε² = 0,338	1-2 1-3 2-3
		2	61 (50,83 %)	13,3	47,6	27,9 ± 1,9	27,9 (23,2; 31,6)		
		3	31 (25,83 %)	16,3	34,3	22,9 ± 1,5	22,9 (22,1; 24,2)		
		всего	120 (100 %)	13,3	51,8	28,3 ± 1,9	28,2 (22,9; 33,4)		

***Уровень статистической значимости $p < 0,001$.

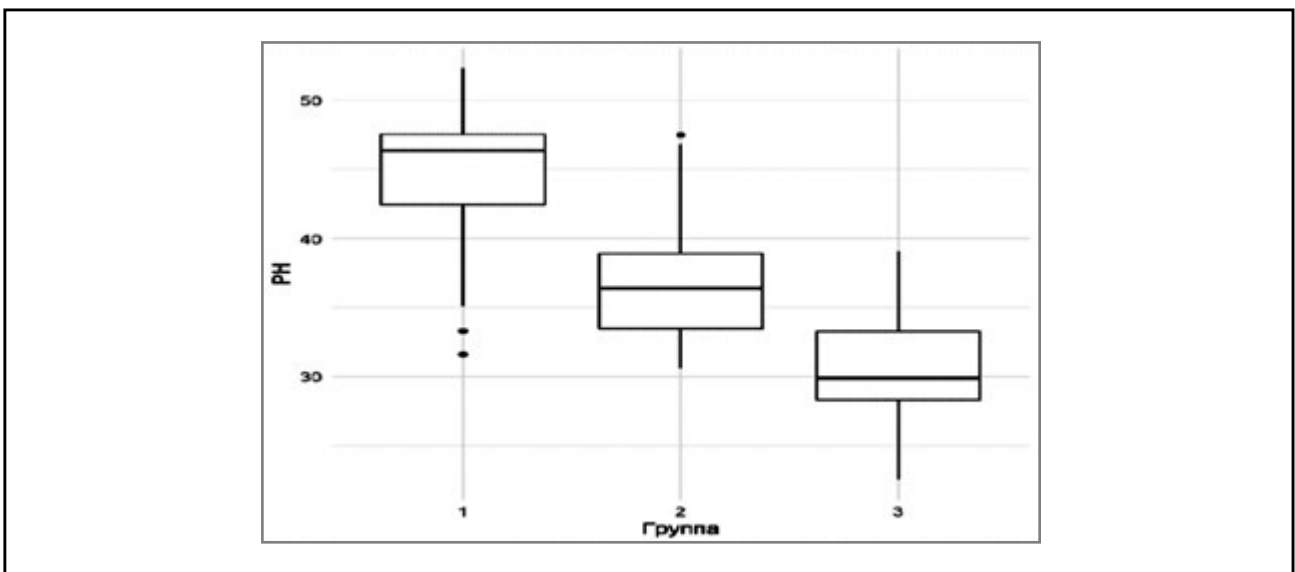

Рис. 1. Зависимость интенсивности боли и «физического компонента здоровья»: 1 – слабовыраженная боль; 2 – умеренно-выраженная боль; 3 – интенсивная боль

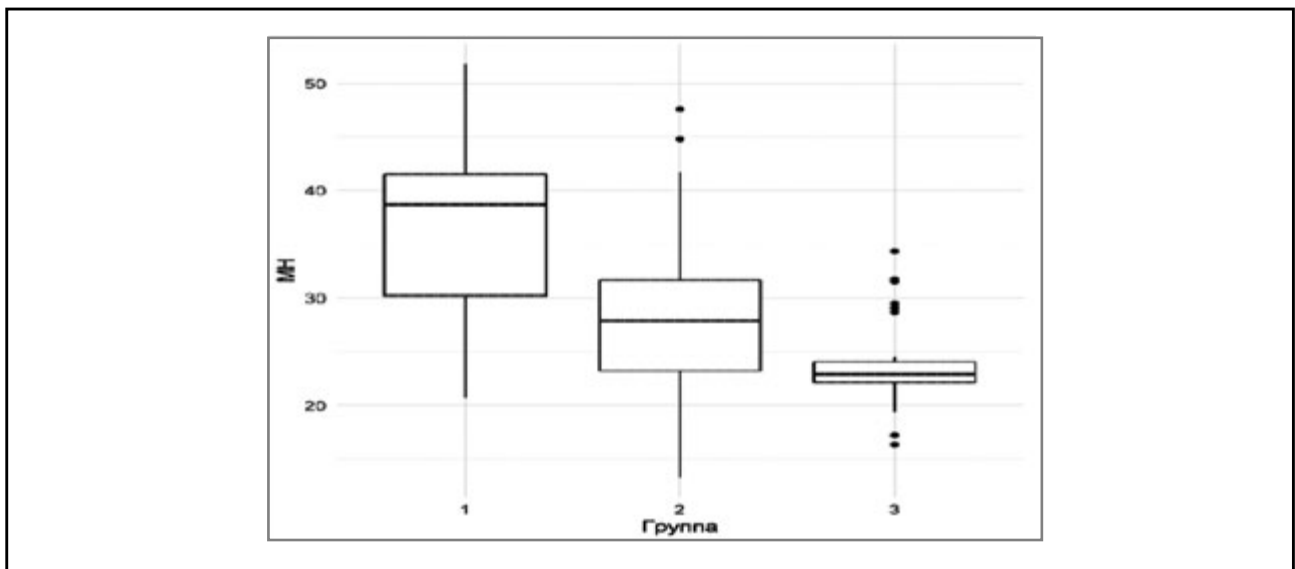

Рис. 2. Зависимость интенсивности боли и «психологического компонента здоровья»: 1 – слабовыраженная боль; 2 – умеренно-выраженная боль; 3 – интенсивная боль

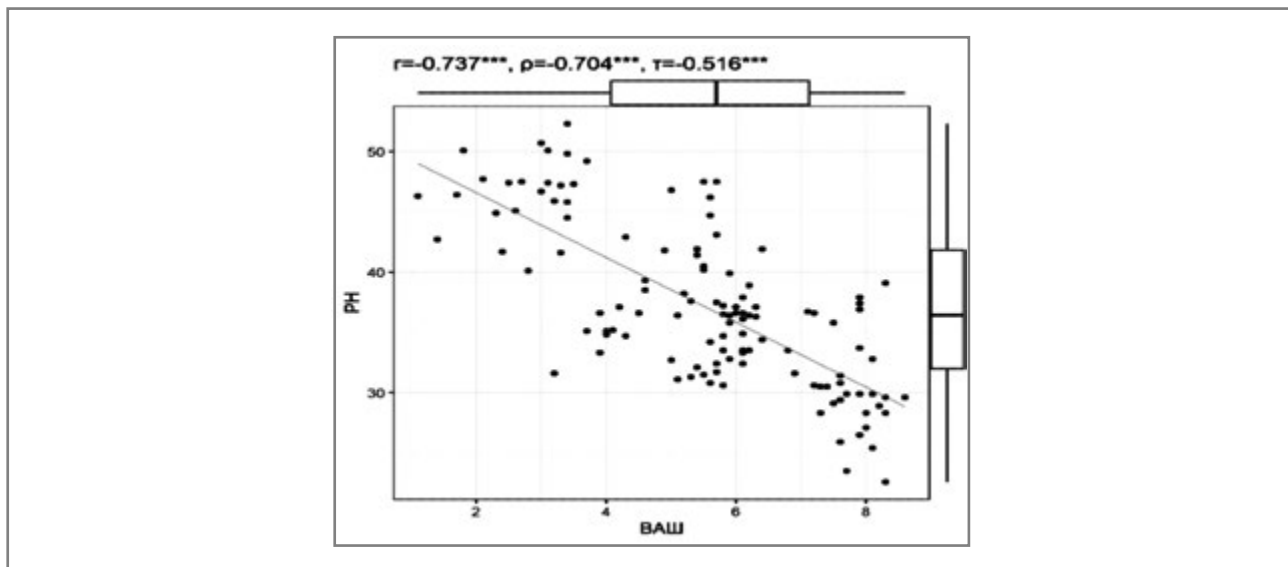

Рис. 3. Корреляция боли и «физического компонента здоровья»

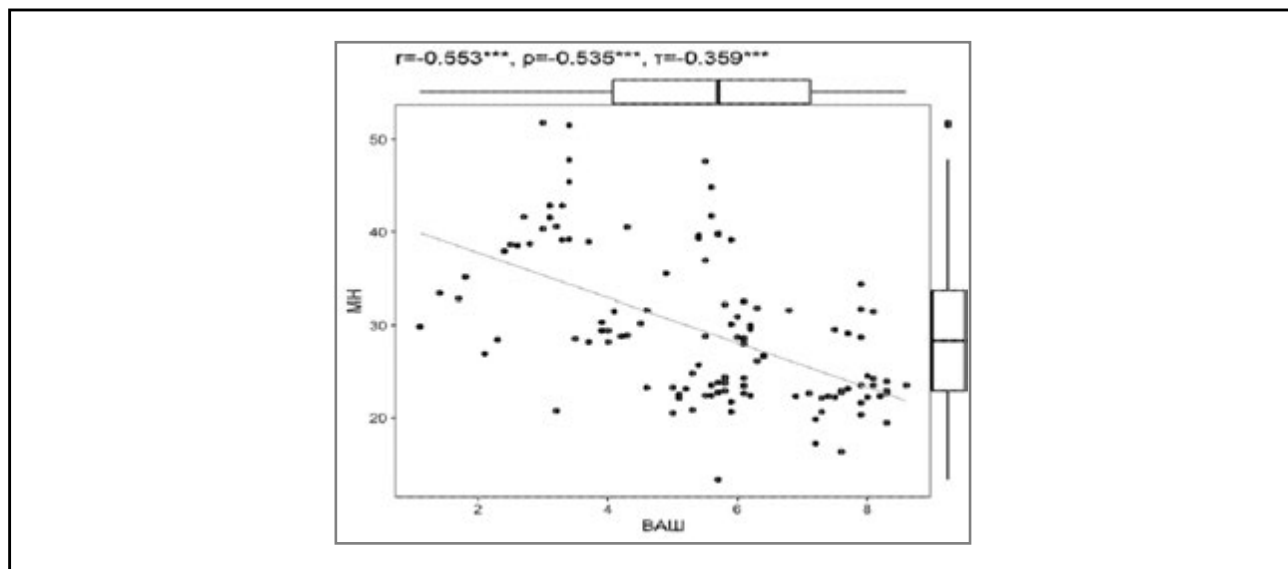

Рис. 4. Корреляция боли и «психологического компонента здоровья»

Таблица 5

Показатели уровней корреляции между выраженностью болевого синдрома и шкалами Physical Health и Mental Health

Компоненты здоровья	PH					MH		
	PF	RP	BP	GH	VT	SF	RE	MH
Коэффициент корреляции Spearman	-0,609***	-0,510***	-0,689***	-0,544***	-0,514***	-0,553***	-0,570***	-0,538***
Коэффициент корреляции Pearson	-0,633***	-0,528***	-0,665***	-0,545***	-0,496***	-0,543***	-0,547***	-0,515***

***Уровень статистической значимости $p < 0,001$.

психологический компонент здоровья» – умеренная отрицательная связь ($r = -0,553$, $p = -0,535$) с уровнем значимости ($p < 0,001$) соответственно (рис. 3, 4).

Проведя корреляционный анализ влияния боли по ВАШ на все показатели шкал PH и MH (табл. 5), выявлена умеренная отрицательная связь с уров-

нем значимости ($p < 0,001$).

Заключение. Проанализировав влияние уровня боли на КЖ пациентов, установлено, что достоверное снижение всех показателей КЖ, как «физического компонента здоровья» (РН), так и «психологического компонента здоровья» (МН), происходит с увеличением БС от слабовыраженной боли до интенсивной, причем снижение по шкалам МН более выражено в абсолютных цифрах по сравнению со шкалами РН. Это также может быть связано с высоким удельным весом встречаемости тревоги и депрессии у пациентов отделения пограничных состояний стационара, с клиническими проявлениями соответствующего патологического состояния, с их реакцией на болезнь, формированием «болевого поведения», а также с высокой тревожностью и депрессивным состояни-

ем как свойством личности [6]. При этом у пациентов с интенсивным БС показатели по всем шкалам статистически ниже, чем у пациентов со слабовыраженной и умеренно-выраженной болью, что вызвано дезадаптацией пациентов к боли, истощением их резервов и процессов компенсации. По результатам корреляционного анализа выявлены умеренно-выраженные отрицательные достоверные связи между интенсивностью БС и всеми показателями РН и МН, составляющими КЖ. Таким образом, боль значительно влияет на КЖ пациентов, снижая его уровень. Результаты проведенного исследования требуют более внимательного решения проблем, связанных с БС, и должны включать комплексные оптимальные программы лечения и реабилитации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдов О.С. Распространенность болевых синдромов и их влияние на качество жизни в мире и в России по данным исследования Глобального бремени болезней за период с 1990 по 2013 г. // Рос. журн. боли. 2015; 3–4: 11–18.
2. Новик А.А. Ионова Т.И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине. 2-е изд. / под ред. акад. РАМН Ю.Л. Шевченко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 320 с.
3. Новикова Л.Б., Аюбян А.П. Клинические особенности миофасциального болевого синдрома // Рос. журн. боли. 2015; 1 (44): 76–77.
4. Рачин А.П., Азимова Ю.Э., Выготская С.Н. и др. Миофасциальный болевой синдром в практике клинициста // РМЖ. 2015; 28: 1665–1668.
5. Широков В.А. Миофасциальный болевой синдром: проблемы диагностики и лечения // Неврология и психиатрия. 2017; 2: 22–28.
6. Сирицына Ю.Ч., Сиваков А.П. Анализ взаимосвязи тревожно-депрессивных расстройств и боли у пациентов с миофасциальным синдромом // Журн. ГрГМУ. 2022; 20 (3): 272–277.

Поступила 20.08.2022

АНТИАТЕРОГЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ РАПСОВОГО МАСЛА В РАЦИОНЕ ПАЦИЕНТОВ С ИЗБЫТОЧНОЙ МАССОЙ ТЕЛА

Е.М. Моргунова¹, Т.А. Нечесова^{2*}, Н.И. Белякова³, В.Н. Бабодей³,
А.В. Пчельникова³, Т.В. Окулова³, А.А. Журня³, С.В. Черняк²

¹ Государственный комитет по стандартизации Республики Беларусь, Минск

² Республиканский научно-практический центр «Кардиология», Минск

³ Научно-практический центр Национальной академии наук Беларуси по продовольствию, Минск

*Контактная информация. Тел.: 8 017 222 22 35, e-mail: Lab.Hypertension@yandex.by

ANTIATHEROGENIC EFFECT OF RAPESEED OIL IN THE DIET OF OVERWEIGHT PATIENTS

E.M. Morgunova¹, T.A. Netchessova^{2*}, N.I. Belikova³, V.N. Babodey³,
A.V. Pchelnicova³, T.V. Okulova³, A.A. Zhurnya³, S.V. Charnyak²

¹ State Committee for Standardization of the Republic of Belarus, Minsk

² Republican Scientific and Practical Center «Cardiology», Minsk

³ Scientific and Practical Center of the National Academy of Sciences of Belarus for Food, Minsk

*Corresponding author. Tel.: 8 017 222 22 35, e-mail: Lab.Hypertension@yandex.by

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Представлены результаты сравнительных исследований по оценке эффективности рафинированных дезодорированных растительных масел (рапсовое, подсолнечное) и масла растительного-смеси повышенной пищевой ценности, разработанного Научно-практическим центром НАН Беларуси по продовольствию, при участии добровольцев с избыточной массой тела. В ходе исследования установлено, что включение рапсового масла в рацион пациентов с артериальной гипертензией на фоне избыточного веса обладает антиатерогенным действием и может быть рекомендовано к широкому использованию. Диета с подсолнечным маслом у пациентов с избыточной массой тела не обладала антиатерогенным эффектом, что подтверждается ухудшением показателей биохимического анализа крови. Включение в рацион питания лиц с избыточной массой тела масла растительного-смеси привело к менее выраженному антиатерогенному действию по сравнению с применением рапсового масла.

масло рапсовое,
масло подсолнечное,
масло растительное-смесь,
антиатерогенное действие

KEYWORDS

rapeseed oil, sunflower oil,
vegetable oil-mixture,
anti-atherogenic effect

The article presents the results of comparative studies to evaluate the effectiveness of refined deodorized vegetable oils (rapeseed, sunflower) and vegetable oil-mixture of increased nutritional value, developed by the Scientific and Practical Center of the National Academy of Sciences of Belarus for Food with the participation of overweight volunteers. In the course of the study, it was found that the inclusion of rapeseed oil in the diet of a patient with arterial hypertension against the background of overweight has an antiatherogenic effect and may be associated with a violation of the diet. A diet with the use of sunflower oil in overweight patients does not have an anti-atherogenic effect, which contains data on a biochemical blood test. The inclusion of a vegetable mixture in the diet in overweight individuals manifests itself in a less pronounced antiatherogenic effect compared to the use of rapeseed oil.

Введение. Растительные масла являются важным продуктом питания человека, обеспечивают его энергетические ресурсы и выполняют важные биохимические, структурные и регуляторные функции. Научные исследования подтверждают важную роль жирных кислот (ЖК) для первичной и вторичной профилактики сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ). По химической структуре ЖК

представляют собой карбоновые кислоты, содержащиеся в этерифицированной форме в жирах, маслах и восках растительного и животного происхождения. В природе обнаружено свыше 200 ЖК, однако в тканях человека и животных в составе простых и сложных липидов найдено около 70 ЖК, причем половина из них в следовых количествах. Широкое распространение имеют около 20 ЖК [1].

Особое место в профилактике ССЗ принадлежит омега-3, -6 и -9 ЖК. Наиболее важны для человека полиненасыщенные жирные кислоты (ПНЖК), такие как линолевая (омега-6), α -линоленовая (омега-3), арахидоновая (омега-6), эйкозапентаеновая (омега-3), докозагексаеновая (омега-3), а также мононенасыщенная олеиновая (омега-9) кислота. Две ПНЖК – α -линоленовая и линолевая – являются незаменимыми [2].

Повышенное содержание омега-6 ЖК и недостаток омега-3 ЖК, которые наблюдаются в современных диетах, способствуют возникновению многих заболеваний, таких как ССЗ, рак, ожирение, диабет, воспалительные и аутоиммунные заболевания [2]. Поэтому необходимо снижать содержание омега-6 ЖК в рационе при одновременном увеличении потребления омега-3 ЖК, в том числе за счет замены растительных масел с высоким содержанием омега-6 ЖК (кукурузное, подсолнечное, соевое), на масла с высоким содержанием омега-3 ЖК (льняное, чиа, рапсовое) [2–6].

Рапсовое масло имеет богатый жирнокислотный состав и содержит от 50 до 65 % мононенасыщенной омега-9 олеиновой, от 7 до 15 % полиненасыщенной омега-3 α -линоленовой, от 15 до 25 % ω -6 линолевой кислот. По содержанию олеиновой кислоты рапсовое масло приближается к оливковому при соотношении в нем омега-3 и -6 жирных кислот 1:1,6–2.

В соответствии с рекомендациями Всемирной организации здравоохранения оптимальное соотношение омега-3 к омега-6 в рационе здорового человека должно составлять от 1:3–1:6 и не превышать 1:10 [6]. Однако в диете современного человека потребление жирных кислот омега-3 к омега-6 лежит в диапазоне 1:20:1:30, при этом содержание α -линоленовой кислоты составляет 0,3 %, линолевой – 48,3–74,0 %, олеиновой – 14,0–39,4 % [7, 8].

В целях оптимизации жирнокислотного состава растительных масел специалистами Научно-практического центра НАН Беларуси по продовольствию разработана, согласована и утверждена рецептура на масло рапсово-подсолнечное с добавлением льняного «Особое» (РЦ РБ 190239501.6.251). Масло «Особое» предназначено для непосредственного употребления в пищу и представляет собой смесь рафинированного дезодорированного рапсового масла с рафинированным дезодорированным подсолнечным и нерафинированным льняным маслом; изготавливается в соответствии с требованиями ТУ ВУ 190239501.136, ТР ТС 024/2011, ТР ТС 021/2011. Рецептурный состав масла «Особое» имеет соотношение ω -6: ω -3 составляет 5:1; соотношение мононенасыщенные жирные кислоты /полиненасыщенные жирные кислоты составляет 1:1.

На базе Республиканского научно-практического центра «Кардиология» проведено сравнительное исследование по оценке эффективности рафинированных дезодорированных раститель-

ных масел (рапсовое, подсолнечное) и масла растительного-смеси при участии добровольцев с избыточной массой тела в ходе выполнения отдельного проекта фундаментальных и прикладных научных исследований Национальной академии наук Беларуси «Разработка научно обоснованных рекомендаций по питанию различных групп населения на основе масложировых продуктов профилактического действия с использованием рапсового масла».

Материал и методы. В исследование включали лиц с повышенной массой тела.

Критерии включения добровольцев: подписанное и датированное информированное согласие; возраст от 30 до 55 лет, ИМТ ≥ 30 кг/м²; уровень артериального давления (АД) более 130/80 мм рт. ст., но менее 161/110 мм рт. ст.; способность пациента выполнять предписания врача-исследователя и соблюдать необходимые по протоколу испытания процедуры.

Критерии исключения: сахарный диабет 1-го или 2-го типа; наличие выраженного атеросклероза коронарных и/или церебральных артерий, требующих проведения хирургических реваскуляризирующих вмешательств; хронические заболевания почек и печени; использование биологически активных добавок последние три месяца; применение статинов и препаратов, содержащих омега-3; аллергические реакции на рапсовое или подсолнечное масло; беременные или кормящие женщины.

Для формирования группы пациентов проведен скрининг лиц, наблюдавшихся или впервые обратившихся за консультацией в лабораторию артериальной гипертензии РНПЦ «Кардиология». Скрининг прошли 52 пациента, из них соответствовали критериям включения и согласились на последующее наблюдение, подписав информированное согласие, – 30, закончило исследование 26. На начало исследования мужчин было 13 (43 %), женщин – 17 (57 %). Средний возраст пациентов – 42,7 \pm 7,7 года.

В ходе исследования участникам проводили измерение роста, веса, индекса массы тела, объема талии и бедер, артериального давления и частоты сердечных сокращений (ЧСС), электрокардиограммы (ЭКГ), скорости распространения пульсовой волны и биологического возраста сосудов. Анализировали биоимпедансный состав тела: жировая масса, основной обмен, удельный основной обмен, соотношение окружность талии/окружность бедер. Оценивали липидный спектр крови: общий холестерин сыворотки крови, триглицериды, липопротеины высокой плотности (ЛПВП), липопротеины низкой плотности (ЛПНП), аполипопротеины А₁ и В (АпоА1 и АпоВ соответственно), которые являются более сильными предикторами риска сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ), чем холестерин ЛПНП. Соотношение АпоВ к АпоА1 указывает на риск развития ССЗ даже при нормальных значениях ЛПНП [9].

После завершения первичного обследования пациентам выдавали 7-дневное повторяющееся меню на 3000 ккал. Первые 6 недель добровольцы принимали подсолнечное масло в количестве 60 мл в сутки. Следующие 4 недели – период «вымывания», в процессе которого участники эксперимента не употребляли растительные масла для уменьшения жировой нагрузки на участников, а также обеспечения элиминации предшествующих эффектов диеты. После окончания периода «вымывания» испытуемые принимали 6 недель по 60 мл рапсового масла в сутки. Затем еще один период «вымывания» в течение 4 недель, после окончания которого проводился прием 60 мл масла растительного-смеси в сутки в течение 6 недель. Весь период исследования для каждого испытуемого занял 26 недель.

Статистическая обработка результатов осуществлялась с помощью пакета Statistica, версия 10.0. Проверка нормальности распределения количественных признаков проводилась с применением критерия Колмогорова-Смирнова. Показатели, подчиняющиеся нормальному распределению, описаны с помощью стандартного отклонения (SD) с проверкой значимости различий в группах по t-критерию Стьюдента. Уровень статистической значимости $p < 0,05$ применяется как достаточный.

Результаты и обсуждение. Все лица, включенные в исследование, имели избыточный вес: средний ИМТ составил $32,7 \pm 1,98$ кг/м². Анализ состава тела показал, что прием всех трех масел не оказывал статистически значимого влияния на измеряемые параметры жировой массы, процента жировой массы, соотношения талия/бедра.

Обращает на себя внимание изменение показателей, характеризующих протекание процессов обмена веществ в организме. Показатель основного обмена к концу приема подсолнечного масла снижался с $1680,4 \pm 238,5$ до $1678,8 \pm 220,9$ ккал/сут ($p = 0,56$), рапсового масла – с $1670,1 \pm 231,5$ до $1617,1 \pm 399,3$ ккал/сут ($p = 0,41$), масла растительного-смеси увеличился с $1664,7 \pm 227,7$ до $1670,4 \pm 230,8$ ккал/сут ($p = 0,36$).

Таким образом, прием рапсового и подсолнечного масел в ходе проведенного исследования привел к уменьшению минимального количества энергии, необходимого для обеспечения нормальной жизнедеятельности в условиях относительного физического и психического покоя, а масло растительное-смесь «Особое» обладало противоположным эффектом. Однако статистически значимых различий в этих показателях выявлено не было. Анализ изменения показателя «удельный основной обмен», характеризующего интенсивность метаболизма, при приеме масел показал рост значений при приеме рапсового масла с $727,4 \pm 49,7$ до $798,0 \pm 48,6$ ккал/м²/сут ($p = 0,05$). При приеме масла растительного-смеси также отмечен рост данного показателя с $786,2 \pm 53,4$ до $789,3 \pm 51,2$ ккал/м²/сут ($p = 0,29$). Прием подсолнечно-

го масла вызвал снижение удельного основного обмена с $799,2 \pm 56,9$ до $789,4 \pm 53,4$ ккал/м²/сут ($p = 0,95$), что свидетельствует о замедлении обмена веществ при приеме данного вида масла (рис. 1).

На основании анализа показателей основного обмена и удельного основного обмена продемонстрировано, что при приеме рапсового масла повышается скорость обмена веществ в организме со снижением минимального количества энергии, необходимого для обеспечения нормальной жизнедеятельности в условиях относительного физического и психического покоя.

Наиболее выраженное влияние на липидный профиль крови оказало рапсовое масло, что подтверждалось достоверным снижением уровня общего холестерина (с $5,32 \pm 0,77$ до $4,47 \pm 0,80$ ммоль/л, $p = 0,05$) и ЛПНП (с $4,05 \pm 0,86$ до $3,67 \pm 0,78$ ммоль/л, $p = 0,05$) (рис. 2, 3). Результаты многоцентрового двойного слепого рандомизированного перекрестного исследования COMIT (Canola Oil Multicentre Intervention Trial) подтверждают полученные нами данные о том, что рапсовое масло обладает антиатерогенным действием [10].

Диета с применением масла растительного-смеси также вызвала улучшение показателей липидограммы: снижение уровня общего холестерина (с $5,45 \pm 0,87$ до $5,31 \pm 0,95$ ммоль/л, $p = 0,27$) и ЛПНП (с $3,79 \pm 0,75$ до $3,63 \pm 1,06$ ммоль/л, $p = 0,28$). Как видно из представленных на рис. 2, 3 данных, эффект диеты с включением масла растительного-смеси был менее выражен по сравнению с диетой с использованием рапсового масла, что, скорее всего, связано с более значительным содержанием в масле-смеси омега-6 ЖК по сравнению с рапсовым маслом.

Диета с использованием подсолнечного масла не обладала антиатерогенным эффектом, что подтверждается повышением уровня общего холестерина (с $5,1 \pm 0,90$ до $5,2 \pm 0,7$ ммоль/л, $p = 0,61$) и ЛПНП (с $3,86 \pm 0,95$ до $3,96 \pm 0,83$ ммоль/л, $p = 0,67$) (рис. 2, 3).

Проведена оценка влияния приема масел на аполипротеины АпоВ и АпоА1. Повышение содержания АпоВ вызывает накопление холестерина в стенках кровеносных сосудов и развитие атеросклероза. Одним из возможных механизмов снижения концентрации АпоВ на фоне диетотерапии с использованием рапсового масла является высокое содержание омега-3 жирных кислот в последнем, которые взаимодействуют с ядерными рецепторами (PPAR) и уменьшают секрецию частиц АпоВ. В нашем исследовании впервые доказано, что прием рапсового масла достоверно снижает АпоВ (с $1,06 \pm 0,21$ до $0,96 \pm 0,21$ г/л, $p = 0,03$), который является составной частью ЛПНП и ЛПОНП (рис. 4). Прием масла подсолнечного не вызывал статистически значимого изменения данного показателя (до приема масла $1,07 \pm 0,22$ г/л, после приема – $1,07 \pm 0,19$ г/л, $p = 0,97$). Прием масла растительного-смеси снижал данный показатель с $1,08 \pm 0,20$ до $1,06 \pm 0,22$ г/л ($p = 0,49$).

Таким образом, изменения данного показателя свидетельствуют о благоприятном воздействии

масла рапсового и масла растительного-смеси на липидный спектр крови.

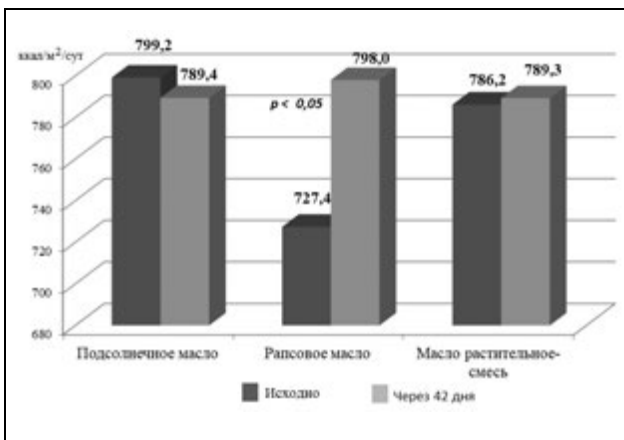

Рис. 1. Влияние растительных масел и масла растительного-смеси на показатель удельного основного обмена

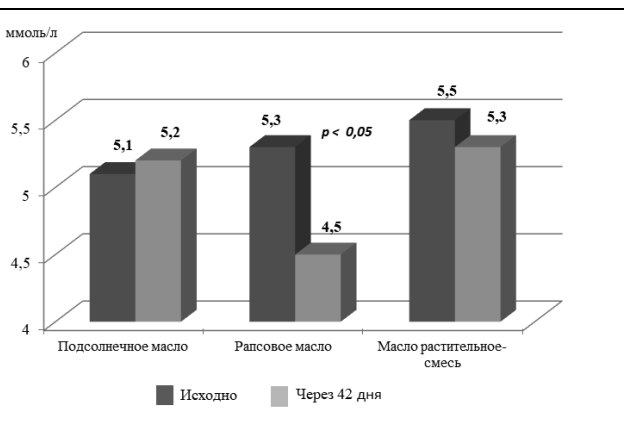

Рис. 2. Влияние растительных масел и масла растительного-смеси на показатели общего холестерина

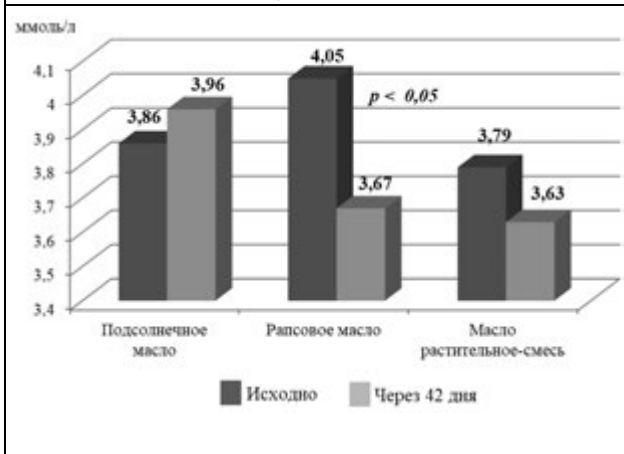

Рис. 3. Влияние растительных масел и масла растительного-смеси на показатели ЛПНП

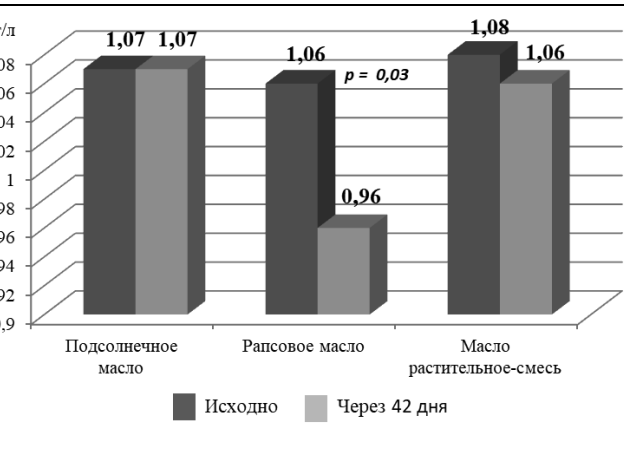

Рис. 4. Динамика ApoB на фоне приема растительных масел и масла растительного-смеси

В то же время на фоне проведения диетотерапии с использованием рапсового масла и масла растительного-смеси отмечено снижение содержания ApoA1: при приеме рапсового масла с $1,47 \pm 0,17$ до $1,43 \pm 0,16$ г/л ($p = 0,04$), масла растительного-смеси с $1,51 \pm 0,16$ до $1,43 \pm 0,13$ г/л ($p = 0,003$). При приеме масла подсолнечного данный показатель не изменялся (с $1,52 \pm 0,23$ до $1,52 \pm 0,18$ г/л ($p = 0,99$)). Аполиipoprotein A1 входит в состав липопротеинов высокой плотности. Снижение данного показателя является фактором риска развития атеросклероза.

Учитывая тот факт, что в настоящее время, согласно литературным данным [9, 11], наиболее неблагоприятным прогностическим фактором риска

развития заболеваний сердечно-сосудистой системы как одного из осложнений избыточного веса и ожирения является увеличение соотношения ApoB/ApoA1, этот показатель лег в основу оценки изменения значений ApoB и ApoA1. Статистически значимых различий в показателях соотношения ApoB/ApoA1 до и после приема всех трех масел не установлено (таблица). При употреблении масла подсолнечного соотношение ApoB /ApoA1 снижалось с $0,73 \pm 0,20$ до $0,71 \pm 0,19$ ($p = 0,98$), рапсового – с $0,73 \pm 0,19$ до $0,70 \pm 0,17$ ($p = 0,11$). При этом употребление масла растительного-смеси вело к увеличению этого показателя с $0,72 \pm 0,17$ до $0,74 \pm 0,18$ ($p = 0,39$).

Таблица

Динамика соотношения ApoB /ApoA1			
Масло	Исходно	Через 42 дня приема масла	p
Подсолнечное	$0,73 \pm 0,20$	$0,71 \pm 0,19$	0,98
Рапсовое	$0,73 \pm 0,19$	$0,70 \pm 0,17$	0,11
Растительное-смесь	$0,72 \pm 0,17$	$0,74 \pm 0,18$	0,39

Таким образом, все добровольцы на протяжении исследования имели средний риск развития сердечно-сосудистых заболеваний, который не изменялся на фоне приема растительных масел и масла растительного-смеси.

Известно, что у людей с избыточной массой тела снижается способность эндотелия про-

дуцировать монооксид азота, что ведет к развитию эндотелиальной дисфункции, раннему ремоделированию сосудистой стенки и повышению биологического возраста сосудов [101]. Биологический возраст сосудов у испытуемых был $53,3 \pm 16,8$ года и значительно превышал паспортный – $42,7 \pm 7,7$ года.

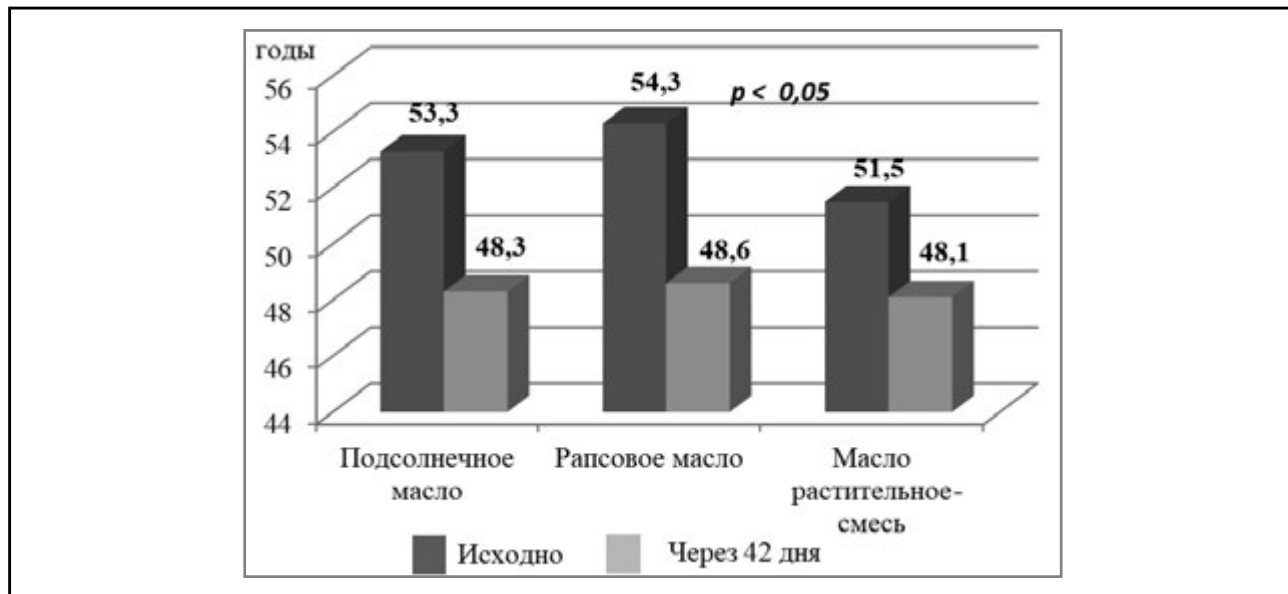

Рис. 5. Динамика изменения биологического возраста добровольцев на фоне приема растительных масел и масла растительного-смеси

Достоверное снижение биологического возраста сосудов было достигнуто только после приема диеты с включением рапсового масла: с $54,3 \pm 14,7$ до $48,6 \pm 11,6$ года (рис. 5).

Заключение. В ходе выполнения исследования показано, что диета с использованием подсолнечного масла у пациентов с избыточной массой тела не обладала антиатерогенным эффектом, что подтверждается повышением уровня общего холестерина (с $5,1 \pm 0,90$ до $5,2 \pm 0,7$ ммоль/л, $p = 0,61$) и ЛПНП (с $3,86 \pm 0,95$ до $3,96 \pm 0,83$ ммоль/л, $p = 0,67$).

Диета с использованием рапсового масла у лиц с избыточной массой тела повышала скорость обмена веществ в организме (с $727,4 \pm 49,7$ до $798,0 \pm 48,6$ ккал/м²/сут, $p = 0,05$), снижала уровень общего холестерина (с $5,32 \pm 0,77$ до $4,47 \pm 0,80$ ммоль/л, $p = 0,05$) и ЛПНП (с $4,05 \pm 0,86$ до $3,67 \pm 0,78$ ммоль/л, $p = 0,05$), АпоВ (с $1,06 \pm 0,21$ до $0,96 \pm 0,21$ г/л, $p = 0,03$), биологический возраст сосудов с $54,3 \pm 14,7$ до $48,6 \pm 11,6$ года, $p = 0,05$). Данные изменения свидетельствуют о выраженном антиатерогенном действии рапсового масла у лиц

с избыточной массой тела.

Диета с применением масла растительного-смеси у лиц с избыточной массой тела обладала менее выраженным антиатерогенным действием по сравнению с применением масла рапсового, вызывая при этом снижение уровня общего холестерина (с $5,45 \pm 0,87$ до $5,31 \pm 0,95$ ммоль/л, $p = 0,27$) и ЛПНП (с $3,79 \pm 0,75$ до $3,63 \pm 1,06$ ммоль/л, $p = 0,28$).

На основании оценки соотношения АпоВ/АпоА1 установлено, что все добровольцы с избыточной массой тела на протяжении исследования имели средний риск развития сердечно-сосудистых заболеваний, который не изменялся на фоне приема растительных масел и масла растительного-смеси.

На основании проведенного исследования можно утверждать, что включение в рацион растительных масел с повышенным содержанием омега-3 ЖК, в том числе рапсового масла, пациентами с артериальной гипертензией на фоне избыточного веса обладает антиатерогенным действием и может быть рекомендовано к широкому использованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перова Н.В., Метельская В.А. Пищевые жирные кислоты, влияние на риск болезней системы кровообращения // Рац. фармакотерапия в кардиологии. 2011; 7 (5): 620–627.
2. Gomez C.C., Bermejo Lopez L.M., Kohem L. Importance of a balanced omega 6/omega 3 ratio for the maintenance of health:

nutritional recommendations // Nutricion Hospitalaria. 2011; 26 (2): 323–329.

3. Субботина М.А. Физиологические аспекты использования жиров в питании // Техника и технол. пищ. произв. 2009; 4: 54–57.

4. Simopoulos A.P. *The importance of the ratio of omega-6/omega-3 essential fatty acids* // *Biomed Pharmacother.* 2002; 56: 365–379.
5. Simopoulos A.P. *An Increase in the Omega-6/Omega-3 Fatty Acid Ratio Increases the Risk for Obesity* // *Nutrients.* 2016; 8 (3): 128.
6. Долголюк И.В. и др. *Растительные масла – функциональные продукты питания* // *Техника и технол. пищ. произв.* 2014; 2: 122–125.
7. *Диетология* / под ред. А.Ю. Барановского. 4-е изд. СПб.: Питер, 2012. 138 с.
8. *Масла растительные и продукты со смешанным составом жировой фазы. Метод обнаружения фальсификации Alei i продукты са змяўчаным саставам тлушчавой фазы. Метад выяўлення фальсіфіцацыі: ГОСТ 30623. 2018. Взамен ГОСТ 30623–98; введ. РБ 13.05.19. Минск: Госстандарт, 2019. 15 с.*
9. Чумакова Г.А. и др. *Клиническое значение аполипротеинов А и В* // *Кардиоваскуляр. терапия и профилактика.* 2011; 10 (6): 105–109.
10. Jones P.L. et al. *DHA-enriched high-oleic acid canola oil improves lipid profile and lowers predicted cardiovascular disease risk in the canola oil multicenter randomized controlled trial* // *Am. J. Clin. Nutr.* 2014; 100 (1): 88–97.
11. Holme I., Aastveit A.H., Hammar N. et al. *Inflammatory markers, lipoprotein components and risk of major cardiovascular events in 65,005 men and women in the Apolipoprotein Mortality Risk study (AMORIS)* // *Atherosclerosis.* 2010; 213: 299–305.

Поступила 25.01.2023

УДК 616.98:578.834.1]-008.6-036.1-07-08

ПОСТ-COVID-19-СИНДРОМ: АКТУАЛЬНОСТЬ, МНОЖЕСТВЕННОСТЬ КЛИНИЧЕСКИХ И ЛАБОРАТОРНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ, ВОЗМОЖНОСТИ ДИАГНОСТИКИ И ПАТОГЕНЕТИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ

Л.В. Якубова*, Л.В. Кежун, Н.В. Буквальная, Ю.И. Белоус

Гродненский государственный медицинский университет

*Контактная информация. Тел.: +375 29 789 08 91, e-mail: yankovliuda@yandex.by

POST-COVID-19-SYNDROME: RELEVANCE, MULTIPLE CLINICAL AND LABORATORY MANIFESTATIONS, POSSIBILITIES OF DIAGNOSIS AND PATHOGENETIC CORRECTION

L.V. Yakubova*, L.V. Kezhun, N.V. Bukval'naja, Ju.I. Belous

Grodno State Medical University

*Corresponding author. Tel.: +375 29 789 08 91, e-mail: yankovliuda@yandex.by

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

COVID-19, пост-COVID-синдром, клинические проявления, патогенез, иммуносупрессия, инозин пранобекс

Длительное воспаление, иммунная дисрегуляция играют ключевую роль в развитии большинства пост-COVID-проявлений, будучи, безусловно, не единственным патофизиологическим механизмом его развития. Если воспалительный ответ слишком подавлен, то пациент может вступить в стадию затяжной иммуносупрессии, известной как «синдром стойкого воспаления, иммуносупрессии и катаболизма», что является одной из предполагаемых причин стойкого пост-COVID-синдрома. Представлены результаты исследований, обосновывающих применение инозина пранобекса в лечении пост-COVID-синдрома.

KEYWORDS

COVID-19, post-COVID syndrome, clinical manifestations, pathogenesis, immunosuppression, inosine pranobex

Long-term inflammation and immune dysregulation play a key role in the development of most post-COVID manifestations, being certainly not the only pathophysiological mechanism of its development. If the inflammatory response is too suppressed, then the patient may enter a stage of prolonged immunosuppression, known as persistent inflammation, immunosuppression and catabolism syndrome and is one of the proposed causes of persistent post-COVID syndrome.

В настоящее время под пост-COVID-синдромом (Long-COVID-19, хроническим COVID-19) понимают стойкие симптомы, продолжающиеся более 12 недель после начала острой инфекции SARS-CoV-2, которые нельзя объяснить альтернативным диагнозом [1]. По данным различных публикаций, пост-COVID-синдром имеют от 10 до 35 % пациентов, не нуждающихся в госпитализации, независимо от сопутствующих заболеваний [2]. По результатам исследований в Великобритании, 41 % (807 000) лиц имели Long-Covid на протяжении более 1 года; 19 % (403 000) – на протяжении более 2 лет [3]. Среди пациентов, госпитализированных с тяжелым течением SARS-CoV-2-инфекции, частота пост-COVID-синдрома достигает 80 % [4]. Исследователи из Нидерландов оценивали 23 соматических симптома до и после COVID-19. В качестве симптомов, сохраняющихся после COVID-19 на протяжении 90–150 дней, значились: боль

в груди, одышка, боль при дыхании, мышечная боль, отсутствие вкуса и anosmia, покалывание в конечностях, ком в горле, ощущение тепла или холода в теле, тяжесть в руках или ногах, усталость. У 12,7 % пациентов эти симптомы были отнесены непосредственно к COVID-19. Отмечено, что у 21,4 % пациентов с COVID-19, по сравнению с 8,7 % участников из группы контроля, тяжесть хотя бы одного из вышеперечисленных симптомов нарастала на протяжении 90–150 дней после диагностики COVID-19. Результаты данного исследования говорят о динамике симптомов в пост-ковидный период и свидетельствуют о существовании пост-COVID-синдрома [5]. Таким образом, крайне важна своевременная диагностика и дифференциальная диагностика пост-COVID-синдрома.

Цель статьи – представить обзор данных исследований, описывающих клинические проявления и патогенез развития пост-COVID-синдрома,

перечень лабораторных и клинко-инструментальных исследований для подтверждения или дифференциального диагноза.

Основные клинические проявления пост-COVID-синдрома включают множество состояний и симптомов [1, 4, 6–10]. Частота появления конкретных симптомов может варьировать в зависимости от тяжести острой инфекции и периода наблюдения. Наиболее распространенный симптом пост-COVID-синдрома – усталость, встречающаяся с частотой от 17,5 до 72 % среди госпитализированных пациентов, в некоторых случаях она длится более 7 месяцев после начала болезни [6–9, 11]. По данным исследования COMEBAC (n = 478), через 4 месяца после госпитализации с COVID-19 51 % пациентов имели по крайней мере один симптом, который не существовал до COVID-19: усталость – 31 %, когнитивные симптомы – 21 % и впервые возникшая одышка [12]. Одышка и снижение толерантности к физической нагрузке наблюдались у 10–40 % госпитализированных пациентов с COVID-19 в течение 2–4 месяцев после выписки [11, 13], в то время как вновь появившаяся или усиливающаяся одышка присутствовала у 65,6 % пациентов, получавших лечение в отделении интенсивной терапии. Боль в груди отмечается у 22 % пациентов через два месяца после инфекции COVID-19 [4, 6, 7]. Через 6 месяцев после госпитализации с COVID-19 из 1733 пациентов (средний возраст 57 лет) утомляемость или мышечная слабость беспокоили 63 % пациентов, проблемы со сном – 26 %, тревога или депрессия – 23 %. Ухудшение результатов теста 6-минутной ходьбы было у 24 % пациентов, перенесших COVID-19 в легкой и средней форме, и у 29 % – в тяжелой [6].

Стойкое повышение артериального давления и аритмии также наблюдаются после острого COVID-19, увеличение частоты сердечных сокращений как в покое, так и тахикардия на нагрузку сохранялись у 11 % [14, 15]. Расстройства сна и психические расстройства, такие как тревога (в 26 % случаев) и депрессия (в 40 %), диагностируются даже через 6 месяцев после COVID-19 [16]. Уровень распространенности стрессовых расстройств, психического заболевания описан с частотой встречаемости от 5,8 до 43 % [17]. Проявления могут включать навязчивую идею и принуждение, снижение социальной активности, плохую концентрацию, агрессию, раздражительность и когнитивный дефицит [13].

Особую значимость приобретают результаты проспективного исследования, проведенного в Соединенном Королевстве, которое установило доказательства физиологической основы пост-COVID-синдрома с поддающимися измерению поражениями органов [18]. Магнитно-резонансная томография (МРТ) была выполнена 201 пациенту из группы низкого риска (средний возраст 44 года, 71 % женщины) с продолжающимися через 4 месяца после выздоровления от острой инфекции симптомами: усталостью, одышкой, мышечной

и головной болью. МРТ выявило поражение хотя бы одного органа в 70 % случаев, особенно сердца – 26 % (миокардит 19 %, систолическая дисфункция 9 %), легких – 11 % (снижение жизненной емкости легких), почек – 4 % (воспаление), печени – 28 % (12 % воспаление, 21 % эктопический жир, 10 % гепатомегалия), поджелудочной железы – 40 % (15 % воспаление, 38 % эктопический жир) и селезенки – 4 % (спленомагелия) [18].

Ortelli P. et al. при обследовании 12 пациентов (средний возраст 67 лет), выздоровевших от COVID-19, но имевших неврологические осложнения в виде нервно-мышечной слабости, нарушения когнитивного контроля, снижения общего познания, апатии и исполнительной дисфункции и жаловавшихся на усталость на протяжении 12 недель (от 9 до 13 недель), обнаружили повышение С-реактивного белка и интерлейкина-6 (ИЛ-6) как при гипертрофической острой фазе [19]. Изменение нейрональной функции в контексте значительного увеличения циркулирующих цитокинов, и особенно ИЛ-6, который проникает через гематоэнцефалический барьер, может происходить и способствовать осложнениям со стороны центральной нервной системы (ЦНС) (например, измененному психическому статусу и нейрокогнитивным нарушениям) [20]. Кроме того, воспаление, вызванное инфекцией COVID-19, может приводить к нарушению метаболизма гамма-аминомасляной кислоты (ГАМК), что, возможно, является основой нейромоторной и когнитивной усталости и объясняет апатию и исполнительный дефицит.

Частота тромбоза глубоких вен, по данным одного из исследований [21], достоверно повышалась в течение 70 дней после положительного теста на COVID-19, легочной эмболии в течение 110 дней и кровотечения в течение 60 дней. Частота первого эпизода легочной эмболии составила 36,17 (95 % ДИ 31,55–41,47) в первую неделю после COVID-19 и 46,40 (95 % ДИ 40,61–53,02) – во вторую. Отношение шансов для развития тромбоза глубоких вен составило 5,90 (95 % ДИ 5,12–6,80) на протяжении первого месяца, для легочной эмболии 31,59 (95 % ДИ 27,99–35,63) и 2,48 (95 % ДИ 2,30–2,68) для кровотечений. Абсолютный риск среди пациентов с COVID-19 составил 0,039 % для тромбоза глубоких вен, 0,17 % для легочной эмболии и 0,101 % для кровотечения. Результаты исследования свидетельствуют о повышении риска тромбоза глубоких вен, легочной эмболии и кровотечения после перенесенной инфекции COVID-19. При этом риск тромбоза значительно превышает риск кровотечения.

Таким образом, мы сталкиваемся с множеством клинических проявлений пост-COVID-синдрома, продолжительность и отдаленные последствия которого находятся в стадии активных исследований. В свою очередь, для терапевтической коррекции развившегося пост-COVID-синдрома необходимо понимание основных патофизиологических механизмов его формирования.

Среди предикторов пост-COVID-синдрома наиболее часто обсуждаются следующие: возраст пациентов, тяжесть течения заболевания в острой

фазе, степень отклонения лабораторных показателей, коморбидный фон и т. д. (рис. 1) [22, 23].

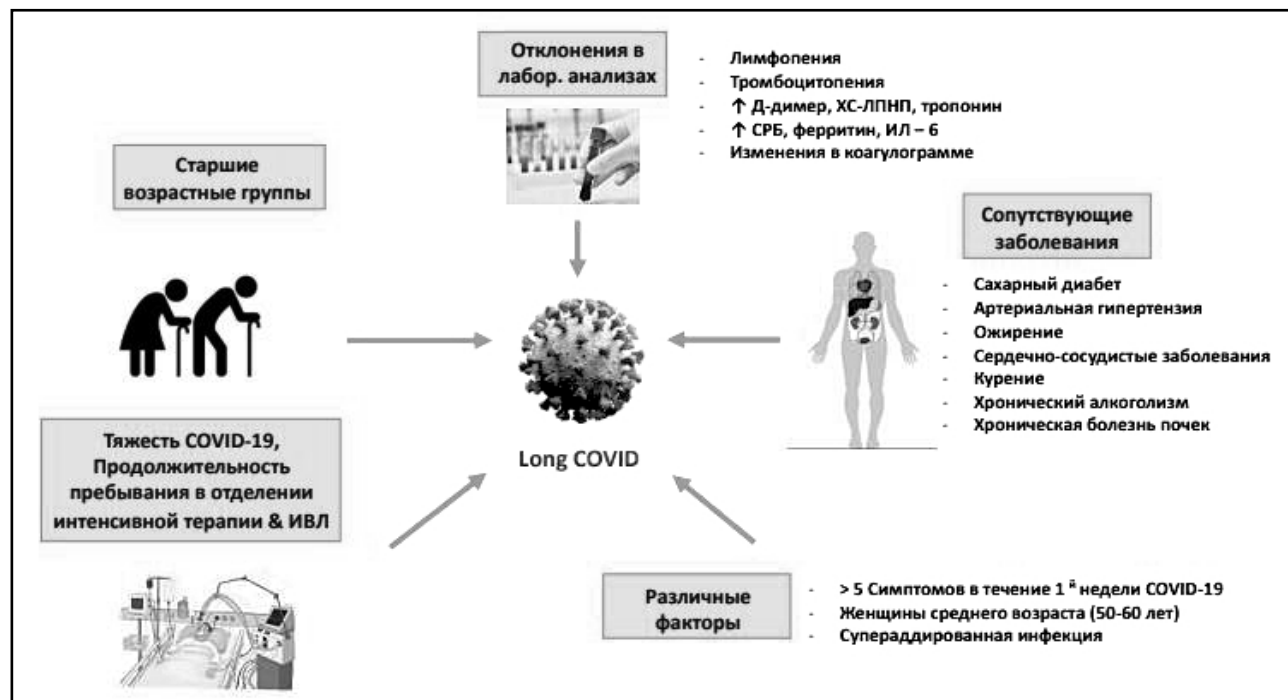

Рис. 1. Предикторы/факторы риска пост-COVID-синдрома [23]

Длительное воспаление и иммунная дисрегуляция в развитии пост-COVID-синдрома.

Патофизиологические механизмы столь долгих последствий воздействия острой коронавирусной инфекции, имеющей пост-COVID-проявления на протяжении 6 месяцев и более, активно изучаются и в значительной степени остаются неизвестными. Данные опубликованных исследований свидетельствуют, что длительное воспаление, иммунная дисрегуляция играют ключевую роль в развитии большинства пост-COVID-проявлений, являясь, безусловно, не единственным патофизиологическим механизмом его развития.

В ответ на инфекцию SARS-CoV-2 вначале преобладает синдром системного воспалительного ответа (ССВО), который сменяется длительным синдромом компенсаторного противовоспалительного ответа (СКПО), сопровождающимся постинфекционной иммуносупрессией [24]. СКПО является зеркальным отражением ССВО, как наглядно это представили В. Oronsky и соавт. на рис. 2. СКПО – это реакция организма, направленная на то, чтобы ослабить провоспалительное состояние, предотвратить полиорганную дисфункцию и регулировать возвращение к иммунологическому гомеостазу [25]. ССВО в организме зависит:

- от вирусного воздействия;
- наличия/отсутствия сопутствующих заболеваний/состояний;
- состояния иммунокомпетентности организма.

SARS-CoV-2 способен вызывать гипериммунный ответ, при котором происходит неконтролируемая

продукция провоспалительных цитокинов: ИЛ-2, -6 и -7, фактора некроза опухоли (ФНО)- α , получившая название «цитокиновый шторм», в результате чего возникает повреждение прежде всего легочной ткани, а также других органов и систем, вплоть до полиорганной недостаточности [26, 27]. Кроме того, установленной особенностью COVID-19 является нарушение Т-клеточного иммунитета, снижение общего количества Т-клеток, лимфоцитов CD4+ и CD8+ [28]. В то же время коронавирус SARS-CoV-2 инициирует повышенную секрецию цитокинов Т-хелперами 2-го типа, например ИЛ-4 и -10, которые подавляют воспаление [6].

С другой стороны, если воспалительный ответ слишком подавлен, то пациент, сумев «пережить» первоначальный гиперовоспалительный «цитокиновый шторм» и прогрессирование полиорганной недостаточности, может вступить в стадию затяжной иммуносупрессии, известной как «синдром стойкого воспаления, иммуносупрессии и катаболизма» (ССВИК), который наблюдается после сепсиса и является одной из предполагаемых причин стойкого пост-COVID синдрома (рис. 2). Точно так же, как и при сепсисе, пациенты с COVID-19 подвержены риску развития вторичных бактериальных и грибковых инфекций, что подчеркивает присутствие иммуносупрессии и нарушений регуляции [29].

В различных источниках сообщают о рецидиве или реактивации SARS-CoV-2 у выздоровевших пациентов с COVID-19, как это описано для вирусов герпеса. Этот феномен описан у пациента с COVID-19, который одновременно получал лече-

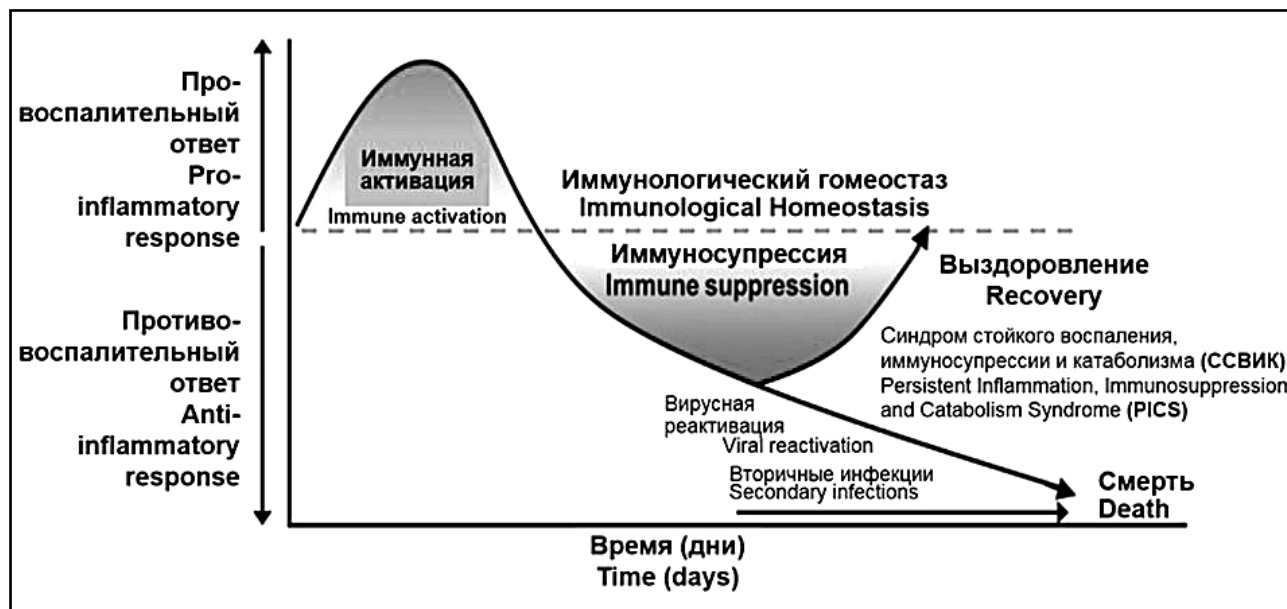

Рис. 2. Иммунологический ответ при COVID-19-инфекции [11]

ние по поводу острого лимфолейкоза. Герпетические проявления являются типичным маркером иммуносупрессии. Учитывая, что инфекция SARS-CoV-2 может быть фактором риска реактивации Herpesviridae, ее следует верифицировать, поскольку это может повлиять на прогноз инфицированных пациентов [30]. Кроме того, инфекция SARS-CoV-2 часто вызывает лимфопению, которая является известным фактором, благоприятствующим рецидивам вируса герпеса. Причина переходящей лимфопении при COVID-19 неясна, но предполагается, что она многофакторна и включает индукцию апоптоза лимфоцитов [31], влияние цитокинов, таких как интерферон I типа [32, 33], угнетение костного мозга [34] и перераспределение клеток в легочную ткань, вызванное хемотаксическим действием [35]. Перераспределение клеток иммунной системы также включает компоненты врожденного иммунитета, такие как моноциты/макрофаги и дендритные клетки [35]. Иммуносупрессия, возникающая во время инфекции SARS-CoV-2, а также перераспределение клеток иммунной системы, могут ассоциироваться с временным уменьшением дозорного эффекта с возможностью потери самотолерантности к некоторым аутоантигенам. Уровень лимфоцитов увеличивается после выздоровления пациента, в это время может возникнуть и нерегулируемый ответ [36]. Кроме того, сообщалось, что регуляторные Т-клетки временно подавляются, что может способствовать активации лимфоцитов с линиями реактивности [37]. Симптомы, связанные с гипервоспалением, могут быть вызваны и активацией тучных клеток вирусом SARS-CoV-2, способствуя высвобождению провоспалительных, фиброгенных и тромбогенных медиаторов [38]. Рассматривается целесообразность их торможения с точки зрения как профилактики, так и возможного симптоматического лечения пациен-

тов с диагнозом COVID-19.

Пост-COVID-синдром у женщин в возрасте 26–50 лет диагностирован в виде синдрома ортостатической недостаточности, проявлявшийся ортостатической гипотензией, вазовагальным обмороком и постуральной ортостатической тахикардией. Авторы предположили, что синдром ортостатической недостаточности опосредован воспалением, поражающим автономную нервную систему [39]. Кроме того, показано, что цитокиновый шторм сопровождается активацией симпатической системы и выбросом катехоламинов, которые, в свою очередь, запускают выработку ИЛ-6 и других цитокинов и, следовательно, увеличивают воспалительное повреждение.

Еще одним патофизиологическим механизмом сохраняющейся усталости после перенесенной инфекции COVID-19 может быть дисфункция легких. Так, проспективное наблюдательное трехмесячное исследование за 76 пациентами (средний возраст 41,3 года), перенесшими COVID-19 в легкой форме (91 % без подтверждения поражения легких), показало, что 42 % пациентов с проявлениями утомляемости имели легкие нарушения функции легких через 3 месяца после COVID-19 [9]. Через 4 месяца после выписки по поводу тяжелой формы COVID-19 у 53,8 % пациентов (n = 128) имела место легочная недостаточность, о чем свидетельствуют функциональные легочные тесты и снижение диффузионной емкости легких по монооксиду углерода. У 17,2 % пациентов оставались клинически значимые симптомы посттравматического стресса [13]. Патофизиологической основой формирования легочного фиброза после COVID-19, который характеризуется неконтролируемой фибропролиферацией вследствие нерегулируемого высвобождения матриксных металлопротеиназ, можно считать развитие дисфункции эндотелия сосудов и поврежде-

ние эпителия в сочетании с повышением уровней фактора роста эндотелия сосудов, ИЛ-6 и TNF-α. Инфицированные моноциты и макрофаги, которые являются частью первого клеточного иммунного ответа на острую инфекцию SARS-CoV-2, могут способствовать цитокиновому шторму и массово мигрировать из легких в ткани и, по-видимому, вносить свой вклад в пост-COVID-осложнения, включая фиброз [19, 40]. Компьютерная томография грудной клетки с высоким разрешением выявляет архитектурные искажения, утолщение междольковых перегородок и тракционные бронхоэктазы, совместимые с фиброзным заболеванием легких, у пациентов, которые продолжают страдать гипоксией даже после трех недель лечения, несмотря на уменьшение симптомов [41].

Возможности коррекции постинфекционной иммуносупрессии при пост-COVID-19-синдроме. Несомненный интерес вызывает работа, в которой в лечении SARS-CoV-2-инфекции рассматривается возможность применения инозина пранобекса, представленного в нашей стране под названием Гроприносин® (Гедеон Рихтер, Венгрия), способного стимулировать быстрый ответ иммунной системы. Поскольку инозин пранобекс усиливает клеточный иммунитет, он должен проявлять эффективность и при инфекции, вызываемой вирусом SARS-CoV-2 [42]. Т-клеточный ответ представляется особенно важным, поскольку слабый Т-клеточный иммунитет ассоциируется с худшим исходом при COVID-19 [43, 44]. Стимуляция Т-лимфоцитов под влиянием инозина пранобекса является ключевым фактором успешной борьбы с вирусными инфекциями, включая SARS-CoV-2, а ранняя активация Т-лимфоцитов может предопределять течение и исход заболевания [42]. В связи с этим авторами сделан вывод, что в условиях текущей пандемии инозин пранобекс может рассматриваться как ценный лекарственный препарат для лечения и профилактики коронавирусной инфекции, в том числе вызываемой вирусом SARS-CoV-2 [42].

Учитывая описанные патофизиологические механизмы развития пост-COVID-синдрома, следует вспомнить, что при наличии вторичного клеточного иммунодефицита инозин пранобекс оказывает тимозиноподобное действие, усиливая

дифференцировку и пролиферацию Т-лимфоцитов, регулируя соотношение субпопуляций хелперных и супрессорных клеток, повышая функциональную активность Т-лимфоцитов и синтез интерлейкина-2, активируя естественные клетки-киллеры и фагоцитоз [45–47].

Имея двойной механизм противовирусного действия (подавление репликации ДНК и РНК вирусов и активация противовирусного иммунитета), Гроприносин® не обладает антигенностью, не вызывает передозировку и гиперстимуляцию иммунитета (обеспечивает физиологичный иммунный ответ) и может использоваться у пациентов всех возрастных групп [45].

Инозин пранобекс демонстрирует прямую противовирусную активность в отношении широкого спектра ДНК- и РНК вирусов: гриппа А и В, парагриппа, адено-риновирусов, *Herpes simplex I* и *II*, *Varicella zoster*, цитомегаловируса, вируса Эпштейна-Барр, папилломавирусов и др. [45–49]. Испытание противовирусной активности Гроприносина® в отношении вируса SARS-CoV-2 (in vitro), выполненное на базе Республиканского научно-практического центра эпидемиологии и микробиологии, показало, что возбудитель SARS-CoV-2 чувствителен (+++) к Гроприносину® (Гроприносин® обладает вирусингибирующим действием в отношении вируса SARS CoV-2) при внесении препарата в зараженную культуру клеток, и возбудитель SARS CoV-2 высокочувствителен (++++ к Гроприносину® при профилактической обработке культуры клеток.

Имуномодулирующий эффект инозина пранобекса основан на активации системы компонента, повышении синтеза эндогенного интерферона α/β и усилении гуморального иммунного ответа (повышение синтеза антител) [45–47]. Пациентам с ослабленным иммунитетом Гроприносин® назначается по 2 таблетки 3–4 раза в сутки, курс лечения – от 2 недель до 3 месяцев.

Для дифференциальной диагностики синдромов или подтверждения пост-COVID-синдрома разработчики методических рекомендаций А.И. Мартынов и др. представили практикоориентированные рациональные таблицы лабораторных и клинико-инструментальных исследований в помощь практическому врачу (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Список лабораторных исследований, необходимых для верификации продленного COVID-19 и постковидных осложнений, для определения стратегии маршрутизации и лечения

Исследования	Усталость	Артралгия	Миалгия	Боль в груди	Кашель	Одышка	Аносмия	Головная боль	Расстройство пищеварения	Диарея
Общий анализ крови с лейкоцитарной формулой	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Исследования	Усталость	Артралгия	Миалгия	Боль в груди	Кашель	Одышка	Аносмия	Головная боль	Расстройство пищевого поведения	Дизгезия
СРБ/СОЭ/ферритин	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
D-димер	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Na/K	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
АЛАТ, АСАТ, билирубин, ГГТП	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Мочевина, креатинин	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ТТГ, Т3, Т4	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Общий белок, альбумин	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Амилаза				+					+	
Натрийуретические пептиды				+		+				
Тропонины, КФК, КфК МВ, ЛДГ			+	+		+				
Кортизол	+									
Ревматоидный фактор/ANA, ANCA		+	+							
АТ к рансглутаминазе									+	

Таблица 2

Список клинико-инструментальных исследований, необходимых для верификации продленного COVID-19 и постковидных осложнений, для определения стратегии маршрутизации и лечения

Исследования	Усталость	Артралгия	Миалгия	Боль в груди	Кашель	Одышка	Аносмия	Головная боль	Расстройство пищевого поведения	Дизгезия
Контроль витальных функций (ЧСС, пульс, ЧДД, АД, температура тела)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Сатурация	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ЭКГ	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Рентген ОГК	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Спирометрия	+			+	+					
РКТ ОГК/ РКТА ОГК				+						
Фундоскопия								+		
УЗИ суставов		+								
УЗИ ОБП									+	

Исследования	Усталость	Артралгия	Миалгия	Боль в груди	Кашель	Одышка	Аносмия	Головная боль	Расстройство пищеварения	Дизгезия
Кал на скрытую кровь									+	
Эндоскопия ЖКТ									+	
УЗДС вен н/конечностей		+	+	+		+				

Высокая частота встречаемости, множественность клинических и лабораторных проявлений пост-COVID-синдрома требуют активного дифференциально-диагностического поиска для определения стратегии маршрутизации и лечения пациентов. Наибольшее значение в патогенезе развития

пост-COVID-синдрома имеют длительное воспаление и иммунная дисрегуляция, в связи с чем видятся перспективными исследования, оценивающие возможности коррекции постинфекционной иммуносупрессии при пост-COVID-19-синдроме, отдельные из которых приведены в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА

- Pavli A., Theodoridou M., Maltezou H. C. Post-COVID syndrome: Incidence, clinical spectrum, and challenges for primary healthcare professionals // *Arch. Med. Res.* 2021; 50188–4409(21)00081-3. doi: 10.1016/j.arcmed.2021.03.010.
- Havervall S., Rosell A., Phillipson M. et al. Symptoms and functional impairment assessed 8 months after mild COVID-19 among health care workers // *JAMA.* 2021; 325 (19): 2015–2016. doi: 10.1001/jama.2021.5612.
- Office of National Statistics. Prevalence of ongoing symptoms following coronavirus (COVID-19) infection in the UK [Electronic resource] // ONS. 2022. URL: <https://www.ons.gov.uk>
- Covid-19-Long-Term-Health-Effects [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/covid-19-long-term-health-effects/covid-19-long-term-health-effects>
- Ballering A.V., Zon S., Olde Hartman T.C. et al. Persistence of somatic symptoms after COVID-19 in the Netherlands: an observational cohort study // *Lancet.* 2022. DOI:10.1016/s0140-6736(22)01214-4
- Huang C., Huang L., Wang Y. et al. 6-month consequences of COVID-19 in patients discharged from hospital: A cohort study // *Lancet.* 2021; 397: 220–232.
- Carfi A., Bernabei R., Landi R. Persistent symptoms in patients after acute COVID-19 // *JAMA.* 2020; 324: 603–605.
- Moreno-Pérez O., Merino E., Leon-Ramirez J.M. et al. (2021) COVID19-ALC research Post-acute COVID-19 Syndrome. Incidence and risk factors: A Mediterranean cohort study // *J. Infect.* 2021; 82: 378–383.
- Liang L., Yang B., Jiang N. et al. Three-month follow-up study of survivors of Coronavirus Disease 2019 after discharge // *J. Korean Med. Sci.* 2020; 35: e418.
- Якубова Л.В., Смирнова Л.Н. Пост-ковид-синдром. Что известно? // *Лечебное дело.* 2021; 4 (79): 5–10.
- Davis H.E., Assaf G.S., McCorkell L. et al. Characterizing Long COVID in an International Cohort: 7 Months of Symptoms and Their Impact [Electronic resource]. URL: <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.12.24.20248802v2>
- Writing Committee for the COMEBAC Study Group, Morin L., Savale L. et al. Four-month clinical status of cohort of patients after hospitalization for COVID-19 // *JAMA.* 2021; 325 (15): 1525–1534. doi: 10.1001/jama.2021.3331.
- Bellan M., Soddu D., Balbo P.E. et al. Respiratory and psychophysical sequelae among patients with COVID-19 four months after hospital discharge // *JAMA Netw. Open.* 2021; 4: e2036142.
- Saeed S., Tadic M., Larsen T.H. et al. Coronavirus disease 2019 and cardiovascular complications; focused clinical review // *J. Hypertens.* 2021; 39 (7): 1282–1292. doi: 10.1097/HJH.0000000000002819.
- Якубова Л.В. Факторы, предопределяющие развитие нарушенного сердечного ритма, возможности профилактики и лечения в контексте пандемии COVID-19 // *Рецент.* 2022; 25 (4): 475–483.
- Scordo K.A., Richmond M.M., Munro N. Post-COVID-19 syndrome: Theoretical basis, identification, and management // *AACN Adv. Crit. Care.* 2021: e1–e8.
- Soloveva N.V., Makarova E.V., Kichuk I.V. et al. Coronavirus syndrome: COVID-19 psychotrauma // *Eur. J. Transl. Myol.* 2021; 30: 9302.
- Dennis A., Wamil M., Alberts J. et al. Multiorgan impairment in low-risk individuals with post-COVID-19 syndrome: A prospective, community-based study // *BMJ Open.* 2021; 11 (3): e048391. doi: 10.1136/bmjopen-2020-048391.
- Stratton C.W., Tang Y.W., Lu H. Pathogenesis-directed therapy of 2019 novel coronavirus disease // *J. Med. Virol.* 2021; 93: 1320–1342.
- Ortelli P., Ferrazzoli D., Sebastianelli L. et al. Neuropsychological and neurophysiological correlates of fatigue in post-acute patients with neurological manifestations of COVID-19: Insights into a challenging symptom // *J. Neurol. Sci.* 2021; 420: 117271. doi: 10.1016/j.jns.2020.117271.
- Katsoularis I., Fonseca-Rodríguez O., Farrington P. et al. Risks of deep vein thrombosis, pulmonary embolism, and bleeding after covid-19: nationwide self-controlled cases series and matched cohort study // *BMJ.* 2022; 377.
- Garg M., Maralakunte M., Garg S. et al. The Conundrum of 'Long-COVID-19': A Narrative Review International // *J. Gen. Med.* 2021: 14. doi.org/10.2147/IJGM.S316708
- Мартынов А.И., Горелов А.В., Малявин А.Г. Особенности течения Long-COVID инфекции. Терапевтические и реабилитационные мероприятия: метод. рекомендации [Электронный ресурс] 2021. URL: <https://irk-gb6.ru/images/uploads/c0c122cdc473c3b9968ce024a0ccdac.pdf>
- Hotchkiss R.S., Monneret G., Payen D. Sepsis-induced immunosuppression: from cellular dysfunctions to immunotherapy // *Nat. Rev. Immunol.* 2013; 13: 862–874.
- Oronsky B., Larson C., Hammond T. et al. A review of persistent post COVID syndrome (PPCS) // *Clin. Rev. Allergy & Immunology.* 2021: 1–9. doi.org/10.1007/s12016-021-08848-3
- Channappanavar R. Pathogenic human coronavirus infections: causes and consequences of cytokine storm and immunopathology //

- Semin. Immunopathol. 2017; 39: 529–539. doi: 10.1007/s00281-017-0629-x.
27. Tveito K. Cytokine storms in COVID-19 cases // Tidsskr. Nor. Laegeforen. 2020; 23: 140. doi: 10.4045/tidsskr.20.0239.
28. Diao B., Wang Ch., Tan Y. et al. Reduction and functional exhaustion of T-cells in patients with coronavirus disease 2019 (COVID-19) // Medrxiv. 2019; 11: 827. doi: 10.3389/fimmu.2020.00827.
29. Kaijin X., Hongliu C., Yihong S. et al. Management of corona virus disease-19 (COVID-19): the Zhejiang experience // Zhejiang Da Xue Xue Bao Yi Xue Ban. 2020; 49 (2): 147–157.
30. Le Balc'h P., Pinceaux K., Pronier Ch. et al. Herpes simplex virus and cytomegalovirus reactivations among severe COVID-19 patients // Critical Care. 2020; 24 (1): 530. doi: 10.1186/s13054-020-03252-3.
31. Yang M. Cell Pyroptosis, a potential pathogenic mechanism of 2019-nCoV infection // SSRN Electr. J. 2020. doi.org/10.2139/ssrn.3527420.
32. Acharya D., Liu G.Q., Gack M.U. Dysregulation of type I interferon responses in COVID-19 // Nat. Rev. Immunol. 2020; 20 (7): 397–398.
33. Zheng M., Gao Y., Wang G. et al. Functional exhaustion of antiviral lymphocytes in COVID-19 patients // Cell Mol. Immunol. 2020; 17 (5): 533–535.
34. Oberfeld B., Achanta A., Carpenter K. et al. SnapShot: COVID-19 // Cell. 2020; 181 (4): 954–954.
35. Sanchez-Cerrillo I., Landete P., Aldave B. et al. Differential redistribution of activated monocyte and dendritic cell subsets to the lung associates with severity of COVID-19 // medRxiv. 2020: 20100925. doi: 10.1101/2020.05.13.20100925.
36. Odak I., Barros-Martins J., Bošnjak B. et al. Reappearance of effector T cells is associated with recovery from COVID-19 // EBioMedicine. 2020; 57: 102885. doi.org/10.1016/j.ebiom.2020.102885.
37. Qin C., Zhou L., Hu Z. et al. Dysregulation of immune response in patients with Coronavirus 2019 (COVID-19) in Wuhan, China // Clin. Infect. Dis. 2020; 71: 762–768.
38. Afrin L.B., Weinstock L.B., Molderings G.J. Covid-19 hyperinflammation and post-Covid-19 illness may be rooted in mast cell activation syndrome // Intern. J. Infect. Dis. 2020; 100: 327–332. doi: 10.1016/j.ijid.2020.09.016.
39. Dani M., Dirksen A., Taraborrelli P. et al. Autonomic dysfunction in 'long COVID': Rationale, physiology and management strategies // Clin. Med. 2021; 21: e63–e67.
40. Boumaza A., Gay L., Mezouar S. et al. Monocytes and macrophages, targets of SARS-CoV-2: The clue for Covid-19 immunoparalysis // J. Infect. Dis. 2021: jia044. doi: 10.1093/infdis/jia044.
41. Tale S., Ghosh S., Meitei S. P. et al. Post-COVID-19 pneumonia pulmonary fibrosis // QJM. 2020; 113: 837–838.
42. Votava M., Beran J. The role of non-specific immunostimulant inosine pranobex in the treatment of SARS-CoV-2 virus infection [Electronic resource]. 2020. URL: <https://www.researchgate.net/publication/341043129>
43. British Society for Immunology [Electronic resource]. 2020. URL: https://www.immunology.org/sites/default/files/BSI_Briefing_Note_August_2020_FINAL.pdf
44. Lucas C., Wong P., Klein J. et al. Longitudinal analyses reveal immunological misfiring in severe COVID-19 // Nature. 2020; 584 (7821): 463–469. doi: 10.1038/s41586-020-2588-y.
45. Исаков Д.В., Исаков В.А., Алексеева Е.А. Иммуномодуляторы в терапии и профилактике респираторных и герпесвирусных инфекций // Клини. фармакология и терапия. 2018; 27 (5): 76–84.
46. Looker K., Magaret A., May M. et al. Global and regional estimates of prevalent and incident Herpes simplex virus type 1 infections in 2012 // PLoS One. 2015; 10 (10): e0140765.
47. Masihi K.N. Immunomodulatory agents for prophylaxis and therapy of infections // Int. J. Antimicrob. Agents. 2000; 14 (3): 181–191.
48. Исаков В.А., Афанасьева О.И., Исаков Д.В. и др. Клинические особенности и перспективы терапии респираторных инфекций у детей // Consilium Medicum. Педиатрия (прил.). 2016; 2: 46–51.
49. Елисеева Ю.Е., Мынбаев О.А. Роль вспомогательной иммунотерапии в решении проблем ВПЧ-ассоциированных патологических поражений слизистых оболочек и кожи // Акушерство и гинекология. 2011; 4: 104–111.

Поступила 05.01.2022

ПОЛИМОРБИДНОСТЬ: ЗНАЧИМОСТЬ В РАБОТЕ ВРАЧА ОБЩЕЙ ПРАКТИКИ

А.И. Близиук, В.Э. Сушинский*, Н.Н. Мороз-Водолажская

Белорусский государственный медицинский университет, Минск

*Контактная информация. Тел.: +375 29 773 58 10, e-mail: sushynskv@rambler.ru

POLYMORBIDITY: SIGNIFICANCE IN THE PRACTICE OF GENERAL PHYSICIAN

A.I. Blizniuk, V.E. Sushynski*, N.N. Maroz-Vadalazhskaya

Belarusian State Medical University, Minsk

*Corresponding author. Tel.: +375 29 773 58 10, e-mail: sushynskv@rambler.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

полиморбидность, коморбидность, мультиморбидность, врач общей практики, сердечно-сосудистые заболевания, внутренние болезни

В настоящее время проблема полиморбидности недостаточно четко обозначена. Общепризнанных определений понятий «полиморбидность», «коморбидность», «мультиморбидность» нет. Результаты научных исследований показывают, что рост распространенности полиморбидности связан с истощением нейроиммуноэндокринной систем и формированием хронизации и стигматизации патологии, избыточной фармакотерапией и лекарственной зависимостью. Клинически это создает значительные трудности в работе врача общей практики и требует оптимизации протоколов диагностики и лечения.

KEYWORDS

polymorbidity, comorbidity, multimorbidity, general physician, cardio-vascular diseases, internal medicine

Polymorbidity is not very clear defined problem nowadays. There is no generally used terminology regarding the polymorbidity, comorbidity and multimorbidity. The results of scientific research show the spreading of the polymorbidity connected to a neuro-immuno-endocrine systems depletion with the forming of a pathologic stigmatization, pharmacotherapy overusing and drug abuse. Clinically it is followed by the significant difficulties in the work of general physician with the demanding of the diagnostic and treatment protocol optimization.

Термин «полиморбидность» был предложен, чтобы подчеркнуть ориентацию на пациента с множественными хроническими заболеваниями и синдромами. Речь здесь идет о формировании «полиморбидной медицины». Частота полиморбидности в популяции составляет 12,9 %, причем чаще встречается у женщин (15 %), чем у мужчин (10,9 %) [1]. Использование тех или иных методов диагностики либо лечения в доказательной медицине XX–XXI века, как правило, основано на оценке результатов пациентов с определенным заболеванием. Тем не менее с увеличением возраста становится затруднительным найти пациента с одним заболеванием. Более того, совершенствование диагностических технологий дает возможность выявлять различные заболевания не только на органном уровне. Внедрение иммуногистохимических методов, ядерных технологий, магнитно-резонансной томографии позволяет выявить ранние стадии заболеваний, что закономерно увеличивает аудиторию пациентов, несмотря на увеличение продолжительности и качества жизни на фоне применения современных лекарственных средств. Применение протоколов лечения отдельных нозологий в общей врачебной

практике затруднено в связи с противоречивостью использования одних и тех же лекарственных средств при разных заболеваниях. Кроме того, возникает проблема полипрагмазии и ятрогении. Очевидно, возникает необходимость пересмотра лечебной тактики в амбулаторной практике.

Наиболее актуальна проблема полиморбидности в гериатрии. Более 90 % пациентов старше 65 лет имеют множественную соматическую патологию, которую можно рассматривать как маркер ускоренного старения. Проанализировав число заболеваний у госпитализированных в геронтологический стационар в зависимости от возраста, установлено, что с увеличением возраста происходит «накопление» заболеваний до 86 лет. Затем в возрасте старше 85 лет число одновременно диагностируемых заболеваний у одного пациента заметно снижается, что может свидетельствовать о разных процессах и влияющих факторах, однако 90-летнего возраста достигают менее «нагруженные» заболеваниями лица (рисунок) [2].

Эксперты ВОЗ отмечают, что существуют различия между понятиями «старение» и «накопление признаков заболевания». При этом лишь 3–6 % по-

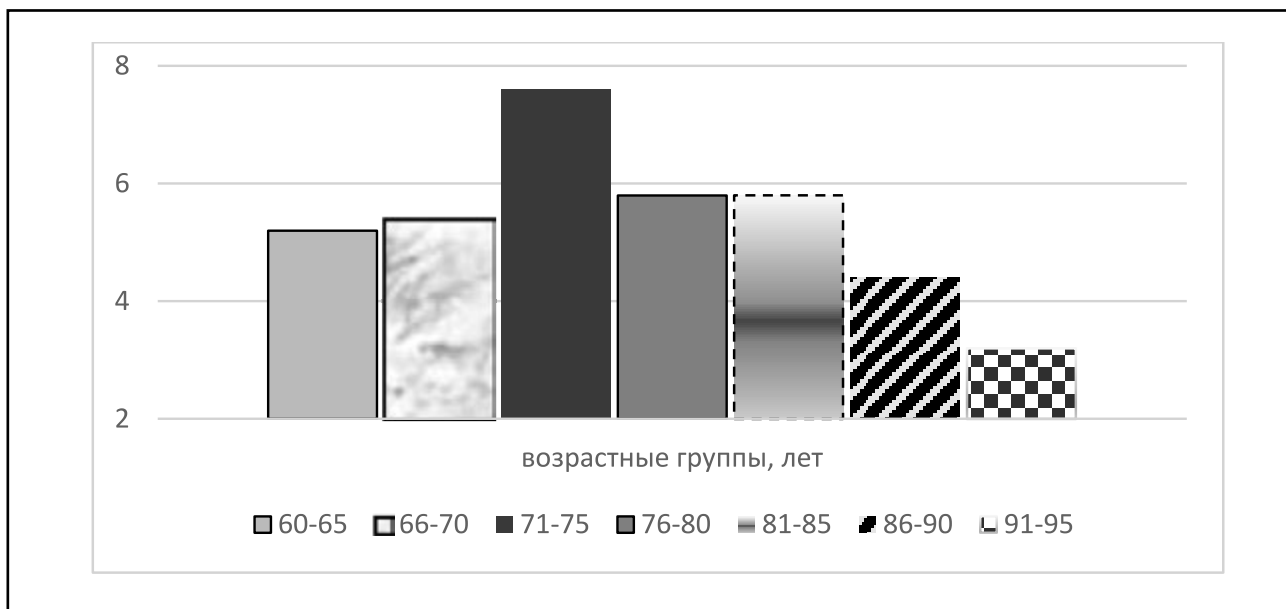

Рисунок. Полиморбидность в возрастных группах пациентов: по оси у – число диагностированных заболеваний в соответствующем возрасте

жилых и старых людей можно признать физиологически стареющими, т. е. практически здоровыми. По сравнению с лицами молодого возраста, пожилые люди имеют в 2 раза больше заболеваний, старые, по данным отдельных авторов, – в 6 раз и более [3].

Основными факторами, способствующими формированию полиморбидности в старческом возрасте, считаются инволюционные органические и функциональные изменения органов и систем организма; системное дегенеративно-воспалительное поражение сосудов – атеросклероз; хронические инфекции; ятрогения; неблагоприятные экологические и социальные условия жизни [4, 5]. Индекс полиморбидности Лазебника (2000) характеризует степень обремененности болезнями представителей популяции и используется для количественной оценки полиморбидности. Рассчитывается как отношение суммарного количества всех болезней к общему числу больных той или иной когорты.

Несмотря на то, что распространенность полиморбидности значительно увеличивается с возрастом, эта проблема не ограничивается только пожилыми людьми. Выделены факторы риска полиморбидности: женский пол, ожирение, низкий социально-экономический статус, более низкий уровень образования [5, 6]. В то время как у пожилых людей полиморбидность в значительной степени обусловлена соматическими заболеваниями, у молодых и лиц из экономически менее обеспеченных районов полиморбидность часто обусловлена сочетанием патологических физических и психических состояний, особенно депрессии [7]. Ряд внешних (физико-химическое загрязнение окружающей среды и продуктов питания) и социальных (увеличение психологического напря-

жения в связи с ускорением научно-технического прогресса и урбанизации населения) факторов обусловили нарастание психологической нестабильности и биологической усталости населения планеты. В результате растет частота и выраженность соматических заболеваний у населения. Появление симптомов соматического неблагополучия и психологической усталости социально отражается ростом заболеваемости и объемов фармакотерапии. Проблема роста числа болезней у одного человека (обозначаемая в русскоязычной литературе термином «полиморбидность») особенно актуализируется с постарением населения.

Активная разработка терминологии в медицине проходила определенные этапы. В 1970 году известный американский эпидемиолог Alvan Feinstein предложил использовать термин «коморбидность» (лат. со – вместе, morbus – болезнь) как «любое отдельное дополнительное клиническое состояние, которое существовало или возникло во время течения «основного заболевания пациента» и обуславливающее повышение его тяжести и ухудшающее прогноз [8]. Хотя и не существует общепринятого определения, полиморбидность часто определяется как наличие, по меньшей мере, трех хронических заболеваний у одного пациента одновременно, при этом трудно определить более значимое заболевание [9]. Термины «коморбидность» и «полиморбидность» часто используются как синонимы. В опубликованных в Великобритании Guidelines множественная патология именуется исключительно «мультиморбидностью» и констатируется факт, что две трети людей в возрасте 65 лет и старше имеют мультиморбидную патологию, а термин «коморбидность» используется лишь иногда для характеристики сопутствующих заболеваний, отягощающих течение основного заболе-

вания. Таким образом, при использовании термина «коморбидность» обычно предполагается взаимодействие нескольких заболеваний, одно из которых является основным. Коморбидностью может называться ситуация, когда имеется клиническая картина одного или нескольких хронических заболеваний с единой этиологией. Мультиморбидность определяется как совместное появление у одного человека в определенный период времени двух или более хронических заболеваний, не связанных общей этиологией.

Необходимо обратить внимание на то, что сама проблема полиморбидности недостаточно четко обозначена. Нет общепризнанных определений понятий «полиморбидность», «коморбидность», «мультиморбидность». Предлагается подразделение полиморбидности на коморбидность и мультиморбидность и авторами даются следующие определения указанным терминам [10, 11].

Полиморбидность – наличие у индивида нескольких синхронно протекающих заболеваний в различных фазах и стадиях своего развития.

Коморбидность (сопутствующие заболевания) – множественные заболевания, связанные, как правило, доказанным единым патогенетическим механизмом.

Мультиморбидность – множественные заболевания (не только сопутствующие, но и конкурирующие), не связанные между собой доказанными на настоящий момент патогенетическим механизмом.

Далее предлагается сложная многоступенчатая схема детализации понятия «множественные заболевания» по причинам возникновения, органной локализации патологии, стадии развития и фазы течения, что мало приемлемо для первичной врачебной практики.

Исторически предложен еще один термин для оценки взаимоотношения (взаимовлияния) болезней при полиморбидности – «патопластика». Патопластика может выражаться в суммации эффекта, в ухудшении или, напротив, улучшении течения одной или нескольких совместно развивающихся болезней, в изменении или смещении симптомов в клинической картине, в изменении реакции на лечебные воздействия, в изменении морфологической картины одной или нескольких сосуществующих болезней [10].

Прежде чем принять то или иное определение указанных терминов, следует определиться с конкретикой используемых понятий. Термин «болезнь» (*morbus*) правомочен тогда, когда мы знаем причину заболевания (этиологию), его морфологическую характеристику, патогенез, клинику и лечение. Если какая-либо составляющая неизвестна, тогда это не нозологический диагноз, а синдромальный (наличие нескольких симптомов, объединенных общим патогенезом) или симптоматический (один постоянный симптом). Так, диагноз артериальной гипертензии (АГ) не является, строго говоря, нозологическим. Учитывая то, что,

согласно международной классификация болезней X и XI пересмотров, диагностика АГ базируется не на нозологическом, а на синдромальном подходе, уместно говорить не о полиморбидности, а о полисиндромности. Кроме того, резидуальная морфологическая патология (кисты, рубцы), как и гипоплазии органов, не могут считаться нозологией (болезнями). По-видимому, уместно говорить о морфологической и функциональной дефицитности организма.

По нашему мнению, необходимо принять более четкое определение применяемых для обозначения сочетанной и множественной патологии терминов. Нам представляется, что термин «коморбидность» не должен применяться для определения патологии с единым патогенезом. Им целесообразно обозначать наличие 2–3 соматических заболеваний и/или психических расстройств с разной этиологией и отличным патогенезом, например: АГ и гастродуоденальная язвенная болезнь (ГДЯ), бронхиальная астма (БА) и ишемическая болезнь сердца (ИБС), неспецифический язвенный колит (НЯК) и тревожное расстройство. Тем не менее использование термина «коморбидность» в литературе не всегда корректно. Например, большое многоцентровое проспективное исследование в параллельных группах пациентов с фибрилляцией предсердий (EAST-AFNET 4) [12] показало, что пациенты в возрасте старше 65 лет имеют достоверно лучшие исходы при более раннем назначении антиаритмических препаратов и проведении радиочастотной аблации в случае сочетания артериальной гипертензии, ишемической болезни сердца, сахарного диабета, умеренном снижении фильтрационной функции почек (СКФ 15–59 мл/мин/1,73 м²), выраженной гипертрофии миокарда левого желудочка и сердечной недостаточности. При этом авторы называют сочетание всех этих заболеваний и синдромов коморбидностью, игнорируя взаимосвязь патогенеза указанных заболеваний и состояний.

Под полиморбидностью (греч. поли – много) следует понимать наличие у пациента одновременно более трех прогрессирующих заболеваний (нозологических или синдромальных), имеющих различную этиологию, поражающих несколько систем организма и приводящих к психосоциальной дезадаптации индивида, например: ИБС, остеоартрит, пиелонефрит и хронический гастрит. А мультиморбидность (лат. мульти – множественность) наиболее целесообразно определить как множественную полиорганную патологию единого патогенеза, обусловленную, например, системным атеросклерозом (ИБС, ишемия головного мозга, облитерирующим заболеванием артерий нижних конечностей) или сосудистыми осложнениями сахарного диабета.

Факторы, определяющие развитие полиморбидности: генетические (прежде всего, дисплазии органов и тканей); системные метаболи-

ческие изменения (ожирение); физиологические и гормональные дисфункции; иммунодефицитные состояния; инволютивные изменения органов и тканей; ятрогенные; социальные; экологические. Важнейший в настоящее время путь развития полиморбидности – ятрогенный, причем в условиях постарения населения он будет приобретать все более важное значение. Ятрогенный путь развития полиморбидности – это следствие длительного применения медикаментозных препаратов симптоматического воздействия. Шаблонное назначение лекарственных средств для «коррекции» дисфункции может не только осложнить течение основного заболевания, но и перерасти в новые самостоятельные нозологические формы (старый термин – «лекарственная болезнь»), а нередко изменить классическую картину течения хронического заболевания с формированием «лекарственного патоморфоза» [9, 10].

Механизмы развития мультиморбидности и полиморбидности: единый патогенетический механизм (васкулит); причинно-следственная взаимосвязь (атеросклероз сосудов); осложнения заболевания (сахарный диабет), ятрогенные (кортикостероиды, антибиотики); общие инволютивные изменения (старение); случайные сочетания факторов.

Факторы риска полиморбидности: проживание в неблагоприятных материально-бытовых условиях (включая неблагоприятную экологическую ситуацию); высокий уровень эмоционального стресса, истощающего нервную и эндокринную системы; низкое качество пищевых продуктов; гиподинамия; наличие вредных привычек (курение и злоупотребление алкоголем).

Клинические проявления полиморбидности. По объективным причинам выделить типичную симптоматику полиморбидности не представляется возможным. Наиболее часто встречается кардиометаболический «портрет», включающий сердечно-сосудистые заболевания, нарушения липидного обмена, инсулинорезистентность. Он наблюдается у 20 % мужчин старше 65 лет и у 33 % женщин этой же возрастной группы. На втором месте находится психотический «портрет» полиморбидности, который проявляется различными нервно-психическими расстройствами. Он характерен для 17 % пожилых женщин и 13,5 % пожилых мужчин. Третье место занимает симптомокомплекс хронического психоэмоционального дистресса (в стадии истощения): остеоартроз, остеопения, ожирение, ангиосклероз, гипотироз. К нему предрасположены женщины (чаще в возрасте 45–65 лет). Далее идет злоупотребление психоактивными веществами, которое вызывает полиорганную патологию. Синдром определяется преимущественно у мужчин младше 45 лет.

Обследованием пациента с полиморбидностью обычно занимается врач-терапевт или врач общей практики. С диагностикой отдельных забо-

леваний особых сложностей не бывает, но при «измерении» полиморбидности возникают проблемы. Важно определение степени функциональных нарушений и крайне желательно морфологического статуса всех нозологических форм, имеющих у больного.

Принципы формулирования диагноза. Основным является диагноз заболевания, послужившего причиной данного обращения за медицинской помощью. По мере обследования основным становится диагноз наименее прогностически благоприятного заболевания, тогда все прочие становятся сопутствующими. Основными могут быть несколько конкурирующих тяжелых заболеваний. Все остальные наличествующие заболевания перечисляются в порядке значимости как сопутствующие. Осложнения перечисляются в порядке убывания прогностической или инвалидизирующей значимости.

Чтобы дать количественную и качественную оценку этому состоянию и цифровому прогнозу, разработано более 17 шкал с балльной оценкой степени тяжести. Наиболее известные из них, не имеющие значимого преимущества между собой, приведены ниже.

- Система подсчета количества заболеваний (Disease counts).

- Система CIRS (Cumulative Illness Rating Scale), разработанная в 1968 году B.S. Linn, дала возможность практически врачам оценивать количество и тяжесть хронических заболеваний в структуре коморбидного статуса их пациентов. Правильное пользование системой CIRS подразумевает отдельную суммарную оценку состояния каждой из систем органов: «0» соответствует отсутствию заболеваний выбранной системы, «1» – легким отклонениям от нормы или перенесенным в прошлом заболеваниям, «2» – болезни, нуждающейся в назначении медикаментозной терапии, «3» – заболеванию, ставшему причиной инвалидности, а «4» – тяжелой органной недостаточности, требующей проведения неотложной терапии. Система CIRS оценивает коморбидность по сумме баллов, которая может варьировать от 0 до 56. По мнению ее разработчиков, максимальные результаты не совместимы с жизнью больного [13].

- Шкала хронических заболеваний CDS (Chronic Disease Score/RxRisk) используется преимущественно в фармакотерапии для учета классов препаратов, назначаемых при различных хронических заболеваниях. Демонстрирует взаимосвязь с самооценкой состояния здоровья, функциональным статусом, частотой госпитализаций и летальностью [14].

- Индекс коморбидности Чарлсон (Charlsonindex) предложен для оценки отдаленного прогноза коморбидных пациентов в 1987 году M.E. Charlson. Представляет собой балльную систему оценки (от 0 до 40) определенных сопутствующих заболеваний и используется для прогноза летальности [15].

- Индекс TIBI (Total Illness Burden Index) разработан в 2007 году для оценки функционального статуса пациентов с полиморбидной патологией в амбулаторных условиях. Отличается от вышеперечисленных методов отсутствием зависимости результата оценки от диагноза. Характеристика полиморбидности дается на основании отчетов пациентов о выраженности симптомов. Оценка тяжести болезни производится по шкале в диапазоне от 1 до 4 по 15 категориям заболеваний, сгруппированных по системам органов. Общий балл выводится путем объединения 15 оценок с учетом влияния каждого заболевания категории на функциональное состояние пациента.

- Индекс GIC (Geriatric Index of Comorbidity) разработан в 2002 году. Учитывает возраст пациента, пол, когнитивный статус, симптомы депрессии, нутритивный статус, функциональное состояние, соматическое здоровье. Этот комбинированный показатель оценивает как количество заболеваний, так и их тяжесть [16].

- Индекс DUSOI (Duke Severity of Illness Checklist) является инструментом для измерения тяжести заболевания, состоящим из четырех параметров каждого диагноза: симптомов, осложнений, прогноза без лечения и потенциала лечебных мероприятий [17].

- Индекс Kaplan-Feinstein (Kaplan-Feinstein index) создан в 1973 году на основе изучения воздействия сопутствующих заболеваний на 5-летнюю выживаемость больных сахарным диабетом 2 типа. В этой системе оценки коморбидности все имеющиеся заболевания и их осложнения в зависимости от выраженности органических поражений классифицируются на легкие, средние и тяжелые, при этом вывод о суммарной коморбидности делается на основе наиболее декомпенсированной системы органов [18].

- Индекс ICED – расширенная шкала, которая включает физиологические функции органов, физическое состояние организма. Метод используется для расчета прогнозируемой длительности пребывания в стационаре и оценки риска повторной госпитализации.

Приведенные системы и шкалы коморбидности – это клиническая попытка решения данной проблемы. Разработаны они для стационарных пациентов и ориентированы в основном на оценку фармакоэкономического эффекта лечебных мероприятий. Указанные шкалы используют разные оценки заболеваний, а значит, дают разные результаты и разные рекомендации по дальнейшему лечению и прогнозу, причем лечение сводится к медикаментозной коррекции. Кроме того, пациенты с одним и тем же индексом коморбидности

все равно имеют разный прогноз и требуют разного подхода в обследовании и лечении. Исходя из этого для повседневной амбулаторной практики данные шкалы и индексы малоприменимы. Кроме того, базируясь только на клинических признаках, ориентируясь на выбор медикаментозной терапии и прогноз жизни, данный подход фиксирует проблему, но не решает ее. Во всех этих шкалах отсутствует главный прогностический фактор – индекс здоровья, разработка и оценка которого позволила бы убедительно определять тяжесть состояния и возможности реабилитации пациента [19].

Полиморбидность отягощает и осложняет течение основных угрожаемых для жизни заболеваний (ИБС, ИБМ, онкопатология). Но основное значение полиморбидности не в угрозе жизни, а в снижении ее качества, трудоспособности и выходе на инвалидность [20]. У людей с полиморбидностью намного чаще возникают периоды временной утраты трудоспособности, а также выход на инвалидность. Ориентация только на фармакотерапию у таких пациентов неизбежно ведет к полипрагмазии. При этом формируется замкнутый круг: полипрагмазия – ятрогения – полиморбидность.

Результаты научных исследований показывают, что распространенность полиморбидности растет и в современном мире охватывает почти четверть взрослого населения развитых стран [21]. Полиморбидность обусловлена перегрузками и истощением нейроиммуноэндокринной регуляторной суперсистемы современного человека вследствие неблагоприятных психосоциальных и экологических факторов и формируется стигматизацией патологии и избыточной фармакотерапией. Социальным преломлением данной проблемы становится снижение трудоспособности и качества жизни пациентов, формирование у них лекарственной зависимости. Данная медико-социальная проблема создает значительные трудности в работе врача общей практики в плане понимания ее сути, а также отсутствия эффективных лечебно-оздоровительных подходов к профилактике и контролю прогрессирования сочетанной соматической и пограничной психической патологии, обуславливает высокую затратность здравоохранения. Для решения этой проблемы необходимы комплексные медицинские и социальные исследования пациентов с множественными хроническими заболеваниями, разработка эффективных лечебно-реабилитационных методик оздоровления пациентов с полиморбидностью. Ключевую роль в лечении таких пациентов играет врач первичного звена, но ему необходима поддержка мультидисциплинарной команды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fabbri E., Zoli M., GonzalezFreire M. et al. *Aging and Multimorbidity: New Tasks, Priorities, and Frontiers for Integrated Gerontological and Clinical Research* // J. Am. Med. Direct. Association. 2015; 16 (8): 640–647.

2. Арьев А.Л., Овсянникова Н.А., Арьева Г.Т. и др. *Полиморбидность в гериатрии* // *Практ. онкология*. 2015; 16 (3): 83–89.

3. Аксаментов Г.Б. *Клинические и функциональные особенности*

- пациентов гериатрического стационара // *Здравоохранение*. 2002; 2: 51–54.
4. Лазебник Л.Б. Старение и полиморбидность // *Consilium Medicum*. 2005; 12: 993–996.
5. Fortin M., Bravo G., Hudon C. et al. Prevalence of multimorbidity among adults seen in family practice // *Ann. Fam. Med.* 2005; 3: 223–228.
6. Van den Akker M., Buntinx F., Roos S. et al. Problems in determining occurrence rates of multimorbidity // *J. Clin. Epidemiol.* 2001; 54 (7): 675–679.
7. National Guideline Centre (UK). *Multimorbidity: Assessment, Prioritisation and Management of Care for People with Commonly Occurring Multimorbidity* [Электронный ресурс]. London: National Institute for Health and Care Excellence (UK); 2016 [цит. по 5 сентября 2018 г.]. PMID:27683922.
8. Feinstein A.R. Pre-therapeutic classification of co-morbidity in chronic disease // *J. Chron. Dis.* 1970; 23 (7): 455–468.
9. Тарловская Е.И. Коморбидность и полиморбидность – современная трактовка и насущные задачи, стоящие перед терапевтическим сообществом // *Кардиология*. 2018; 58 (Suppl. 9): S29–S38. DOI: 10.18087/cardio.2562
10. Лазебник Л.Б., Конев Ю.В. Исторические особенности и семантические трудности использования терминов, обозначающих множественность заболеваний у одного больного // *Эксперимент. и клин. гастроэнтерология*. 2018; 154 (6): 4–9.
11. Meghani S.H., Buck H.G., Dickson V.V. et al. The Conceptualization and Measurement of Comorbidity: A Review of the Interprofessional Discourse // *Nurs. Res. Pract.* 2013; 192782.
12. Kirchhof P., Camm A.J., Goette A. et al. Early rhythm-control therapy in patients with atrial fibrillation // *N. Engl. J. Med.* 2020: 383: 1305–1316.
13. Linn B.S., Linn M.W., Gurel L. Cumulative illness rating scale // *J. Am. Geriatr. Soc.* 1968; 16: 622–626.
14. Van den Akker M., Buntinx F., Roos S. et al. Comorbidity or multimorbidity: what's in a name? A review of the literature // *Eur. J. Gen. Pract.* 1996; 2 (2): 65–70.
15. Charlson M.E., Pompei P., Ales H.L. A new method of classifying prognostic comorbidity in longitudinal studies: Development and validation // *J. Chron. Dis.* 1987; 40: 373–383.
16. Rozzini R., Frisoni G.B., Barbisoni P. et al. Geriatric Index of Comorbidity validation and comparison with other measures of comorbidity // *Age Ageing*. 2002; 31: 277–285.
17. Parkerson G.R.Jr., Harrell F.E. Jr., Hammond W.E. et al. Characteristics of adult primary care patients as predictors of future health services charges // *Med. Care*. 2001; 39 (11): 1170–1181.
18. Kaplan M.H., Feinstein A.R. Acritique of methods in reported studies of long-term vascular complications in patients with diabetes mellitus // *Diabetes*. 1973; 22 (3): 160–174.
19. Близняк А.И. Кризис ортодоксальной медицины: полиморбидность – полипрагмазия – ятрогения // *Медицина*. 2019; 2 (105): 22–27.
20. Nunes B.P., Flores T.R., Mielke G.I. et al. Multimorbidity and mortality in older adults: A systematic review and metaanalysis // *Archi. Gerontol. Geriatr.* 2016; 67: 130–138.
21. Van Oostrom S.H., Picavet H.S., van Gelder B.M. et al. Multimorbidity and comorbidity in the Dutch population – data from general practices // *FGBMC Public Health*. 2012; 12: 715.

Поступила 08.01.2023

ДИЕТА С НИЗКИМ СОДЕРЖАНИЕМ FODMAP

М.В. Штонда, Н.Н. Силивончик*, Ж.Л. Сухих, А.Н. Семененко

Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

*Контактная информация. Тел.: +375 29 135 45 70, e-mail: silivonschik_nn@mail.ru

LOW-FODMAP DIET

M.V. Shtonda, N.N. Silivontchik*, Z.L. Sukhikh, A.N. Semenenko

Belarusian Medical Academy of Postgraduate Education, Minsk

*Corresponding author. Tel.: +375 29 135 45 70, e-mail: silivonschik_nn@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

FODMAP, синдром раздраженного кишечника

Акроним FODMAP (*Fermentable Oligosaccharides, Disaccharides, Monosaccharides, and Polyols*) означает ферментируемые олиго-, ди-, моносахариды и полиолы и включает пищевые продукты с большим количеством глюкозы, фруктозы при избытке по отношению к глюкозе (груши и яблоки), олигосахариды, в том числе фруктаны (пшеница и лук), галактоолигосахариды (бобовые) и полиолы, такие как сорбит и маннит (косточковые плоды и искусственные подсластители), лактоза. Пути, посредством которых FODMAP приводят к гастроинтестинальным симптомам, различны и включают ненормальное растяжение кишечника, изменение кишечной микробиоты. По меньшей мере 2/3 пациентов с синдромом раздраженного кишечника и детей с функциональными гастроинтестинальными расстройствами связывают свои гастроинтестинальные симптомы с пищей. Исследования показывают обещающий эффект диеты с низким содержанием FODMAP в уменьшении гастроинтестинальных симптомов.

KEYWORDS

FODMAP, irritable bowel syndrome

The acronym stands for *Fermentable Oligosaccharides, Disaccharides, Monosaccharides, and Polyols* (FODMAP) diet and includes foods with fructose in excess of glucose (pears and apples), oligosaccharides including fructans (wheat and onion), galactooligosaccharides (legumes) and sugar polyols such as sorbitol and mannitol (stone fruits and artificial sweeteners), and lactose. The ways through which FODMAP can lead to gastrointestinal symptoms are different, including abnormal luminal distension, changes in the gut microbiota. Indeed, at least two thirds of adult patients with irritable bowel syndrome and of children with functional gastrointestinal disorders perceive their gastrointestinal symptoms to be food-related. The studies showed promising effect of the low FODMAP diet in reducing functional gastrointestinal symptoms.

В последние годы наблюдается растущий интерес специалистов и потребителей к классу продуктов питания, сгруппированных под аббревиатурой FODMAP, определяющей компоненты *Fermentable Oligosaccharides, Disaccharides, Monosaccharides, and Polyols*, что означает ферментируемые олиго-, ди-, моносахариды и полиолы.

FODMAP объединяет нутриенты, молекулы которых построены из мелких (числом от 1 до 10) углеводов. Все нутриенты с характеристиками FODMAP обладают сходными физиологическими эффектами: не перевариваются или медленно абсорбируются, являются осмотически активными и форсируют приток воды в тонкий кишечник; при перемещении в толстый кишечник легко стано-

вятся субстратами бактериальной ферментации с производством продуктов бактериального метаболизма – короткоцепочечных жирных кислот и газов, что приводит к растяжению (расширению) кишки [11, 18].

Действие FODMAP на кишечник можно резюмировать следующим образом:

- увеличение содержания воды в тонкой кишке;
- большее производство газов, таких как водород, метан и углекислый газ;
- чрезмерное производство короткоцепочечных жирных кислот (пропионат, бутират и ацетат).

Результатом этих процессов может стать растяжение (расширение) кишки [11]. Вызываемые явления, взятые в целом в контексте висцеральной

гиперчувствительности, характерной для пациентов с синдромом раздраженного кишечника (СРК), могут провоцировать симптомы – абдоминальную боль, вздутие живота, избыточное количество газов и нарушение деятельности кишечника (запор и/или диарея). Пищевые продукты с высоким содержанием FODMAP были признаны в качестве триггеров кишечных симптомов [11].

Нутриентами с характеристиками FODMAP являются:

- моносахариды: большое количество глюкозы, фруктоза в избытке по отношению к глюкозе;
- дисахариды: лактоза, сахароза;
- полиолы: маннит, ксилит, сорбит, изомальтит;
- фруктаны (фруктоолигосахариды);
- галактоолигосахариды.

FODMAP содержатся в различных очень распространенных пищевых продуктах, таких как фрукты, овощи, бобовые и злаки, мед, молоко и молочные продукты, а также подсластители [11].

Общее суточное потребление FODMAP в привычном рационе человека колеблется от 15 до 30 г в день [6, 21, 29].

История вопроса. Гипотеза о диете с учетом продуктов FODMAP разработана в Monash University (Австралия) и опубликована в 2005 году в одном из ведущих мировых журналов *Alimentary Pharmacology Therapy* (P.R. Gibson и S.J. Shepherd) [11]. Целью предложенной диеты является помощь пациентам в контроле симптомов и последовательной идентификации их специфических пищевых триггеров.

О том, что некоторые пищевые продукты могут вызывать у человека желудочно-кишечные симптомы, было известно задолго до этого. В течение длительного времени ограничение отдельных компонентов, теперь известных как FODMAP, использовалось с переменным успехом при лечении СРК [12]. Наиболее флатуогенными признавались молочные продукты, бобовые и крестоцветные растения, некоторые фрукты и злаки. И хотя научная база отсутствовала, на практике этих пищевых продуктов традиционно рекомендовалось пациентам избегать. Следовательно, диетические рекомендации, касающиеся таких продуктов, были бессистемными и неструктурированными.

Постепенно накапливались научные факты. Наиболее ранним (1959 год) было установление дефицита лактазы в качестве причины клинических симптомов у детей, затем у взрослых. Были разработаны диагностические тесты лактазной недостаточности, а безлактозные диеты стали диетической стратегией для пациентов с СРК. С тех пор многие другие углеводы задокументированы как вызывающие желудочно-кишечные симптомы [12]. В 1988 году установлена мальабсорбция фруктозы, описана «диарея фруктового сока» у детей, ограничение фруктозы и фруктанов стало основой диеты для пациентов с СРК. В последующем определены эффекты подсластителей, которые давно используются

в производстве продуктов питания, – фруктоолигосахаридов, галактоолигосахаридов, полиолов (маннит и ксилит).

В итоге в начале 2000-х на основе разрозненных известных физиологических эффектов короткоцепочечных углеводов группа Monash University сформировала хорошо структурированную всеобъемлющую концепцию, согласовала собирательный термин и аббревиатуру – FODMAP [11]. Была запланирована и выполнена интенсивная программа исследований, включающих несколько аспектов:

- подтверждение эффектов FODMAP;
- всесторонний анализ пищевых продуктов;
- разработка пороговых уровней, которые определяют, что такое «низкое содержание FODMAP (low-FODMAP);
- разработка инструментов для оценки потребления FODMAP;
- доказательство эффективности диеты low-FODMAP;
- выявление потенциальных рисков диеты low-FODMAP;
- применение low-FODMAP в других, кроме СРК, ситуациях – воспалительные заболевания кишечника, функциональная диспепсия, а также в педиатрической популяции.

Существует множество причин, благодаря которым в короткий срок low-FODMAP стала хорошо известной и широко практикуемой [4]:

- применение диеты осуществимо с четко определенными понятными способами действия;
- диетические принципы хорошо структурированы и четко определены, на что многие диеты в прошлом (и настоящем) не могли претендовать;
- подкрепление обширной базой данных анализа состава пищи;
- наличие сильной доказательной базы эффективности;
- предоставляемая точная и регулярно обновляемая информация о составе пищи и принципах питания благодаря инновационному использованию цифрового обеспечения с помощью смартфона

Хотя некоторые механизмы генерации симптомов компонентами FODMAP понятны, существует необходимость дальнейших исследований для понимания, какие пациенты будут реагировать на конкретные ограничения подгруппы FODMAP. В последние два десятилетия выполнены масштабные исследования микробиома человека, позволившие получить новые данные о кишечной микробиоте. В отношении диеты FODMAP исследователи сосредоточились на особенностях кишечной микробиоты, влияющих на ответ на диету и на возможность его прогнозирования. Так, микробиота с фруктолитической активностью была предложена в качестве биомаркера хорошего ответа на ограничение FODMAP [1].

Характеристика пищевых продуктов с точки зрения FODMAP. После первоначальной публикации гипотезы FODMAP начались интенсивные

исследования компонентов пищи, предприняты значительные усилия для определения содержания в продуктах FODMAP, разработке уровней отсечения (cut off) для определения, что такое low-FODMAP. Содержание FODMAP в широком спектре продуктов проанализировано исследователями университета Monash [6, 20, 21, 33] и продолжает изучаться по настоящее время [18].

В соответствии с имеющимися данными пищевые продукты классифицируются на группы с высоким (high-FODMAP) и низким (low-FODMAP) содержанием компонентов FODMAP, с 2015 года эти данные доступны в интернет-источниках. В таблице представлена характеристика пищевых продуктов с учетом содержания FODMAP [3].

Таблица

Характеристика пищевых продуктов с учетом содержания FODMAP [3]

Пищевая группа	Наибольшее количество FODMAP	Приемлемые альтернативы
Фрукты	Яблоки, абрикосы, вишни, ежевика, манго, нектарины, персики, груши, хурма, сливы, арбузы	Бананы, черника, канталупа, грейпфрут, виноград, лимон, лайм, мандарин, апельсин, маракуйя, малина, ревень, клубника
Овощи	Артишоки, спаржа, цветная капуста, чеснок, грибы, лук, лук-шалот, горох, зеленый лук (белая часть)	Морковь, чили, чеснок, огурец, баклажан, имбирь, зеленая фасоль, салат-латук, оливки, пастернак, перец, картофель, шпинат, томаты, цуккини
Источники протеина	Бобовые	Вся свежая говядина, курица, ягненок, свинина, телятина
	Фисташки	Арахис, фундук и кедровые орешки
	Кешью	Яйца, темпе, тофу
Хлеб и крупы	Пшеница, рожь, ячмень	Гречка, кукуруза, овес, полента, киноа, рис, полба
Молочные продукты	Сгущенное или концентрированное молоко, домашний сыр или рикотта, заварной крем, мороженое, молоко, йогурт	Сливочное масло, безлактозное молоко, безлактозный йогурт, другие сыры, рисовое молоко
Другое	Мед, сорбитол или маннитол, кукурузный сироп с высоким содержанием фруктозы, фруктоза	Золотистый сироп, кленовый сироп, стандартный сахар (сукроза), глюкоза

Полный список содержания FODMAP в продуктах (низкое, умеренное и высокое) доступен через приложение для смартфонов, разработанное университетом Monash (<http://www.med.monash.edu/cecs/gastro/fodmap/iphone-app.html>).

По данным L.M. Yamashita et al., FODMAP project (2021), приложение по диете с низким содержанием FODMAP (Monash University Low-FODMAP diet) является одним из наиболее рекомендуемых диетологами или самостоятельно иницилируемых пациентами. Однако специалисты обращают внимание: даже если программные приложения просты и удобны для пользователей, они должны рассматриваться только как полезный инструмент для вы-

полнения рекомендаций диетолога, но не являются заменой консультации врача [32].

Методика применения диеты с низким содержанием FODMAP. Так как основное показание к применению диеты с low-FODMAP функциональные расстройства кишечника, прежде всего СРК, перед изменением диеты у пациентов должны быть достоверно исключены другие состояния. Это очень важно, поскольку диетические модификации могут повлиять на точность будущих исследований, например затруднить выявление целиакии.

Диета low-FODMAP – это не просто «диета избегания», это диагностический инструмент для проверки толерантности пациентов к некоторым

продуктам, позволяющий исключить их из своего рациона и внести значительные изменения в образ жизни.

Специалисты предлагают врачам применять у пациентов индивидуальную персонализированную тактику «снизу вверх»: от диеты low-FODMAP к обычному потреблению [25, 31]. Это означает глобальное ограничение потребления low-FODMAP с последующим их постепенным повторным введением и пищевой провокацией. В дальнейшем пациенты уже сами могут вносить в диету модификации. Все FODMAP являются потенциальными триггерами симптомов, но не все усугубляют абдоминальные симптомы у одного и того же пациента с СРК [6, 20, 21, 33]. Нет необходимости придерживаться строгой диеты с low-FODMAP в течение длительного периода. Это позволяет персонализировать диету и ее реализацию в долгосрочной перспективе.

Диету low-FODMAP после консультации врача общей практики или гастроэнтеролога оптимально начинать с помощью опытного диетолога. На практике исследование диеты с low-FODMAP включает три этапа [13, 25, 28].

Фаза I: строгая диета с низким содержанием FODMAP. Первичной целью этой инициальной фазы является уменьшение симптоматики. Продолжительность составляет обычно 2–6 недель [13]. Пациенты должны получить информацию о способах уменьшения продуктов с высоким содержанием FODMAP в диете, понимать механизм действия FODMAP и эффекты от их количества для осознания поведения [13].

Специалисты считают, что нет необходимости исключать целые группы продуктов; вместо этого модификации должны коснуться типов продуктов из каждой пищевой группы. Например, употребление яблок, в которых имеется высокое содержание FODMAP, можно заменить на употребление апельсинов, в которых содержание FODMAP низкое. Это важно для нутритивной адекватности [13].

Фаза II: реинтродукция. Цель – выявление специфических диетарных триггеров симптомов (следующие 6–8 недель). Основа фазы – пищевая провокация в целях выявления специфических диетарных триггеров для каждого индивидуума. Маловероятно, что все продукты с высоким содержанием FODMAP вызывают симптомы у каждого человека, и, следовательно, стратегической целью становится определение уровней толерантности для каждой подгруппы FODMAP [14].

Чтобы обеспечить достаточность питательных веществ в долгосрочной перспективе, важно квалифицированному диетологу тщательно контролировать фазу реинтродукции [23]. Советы диетолога помогут пациенту проверить каждую подгруппу FODMAP, включая ответ на дозу, частоту потребления и дополнительный эффект от разнообразных продуктов с FODMAP. Индивидуальная переносимость FODMAP широко варьирует. Толерантность у каждого человека также может зависеть и от дру-

гих факторов, включая уровень стресса.

Фаза III фаза: поддержание диеты. Цель фазы – возвращение в рацион питания пациента максимально возможного для переносимости количества продуктов с высоким содержанием FODMAP при одновременном хорошем контроле над симптомами. Любые хорошо переносимые продукты должны быть возвращены в рацион, умеренно переносимые могут быть возвращены при условии редкого употребления, плохо переносимых продуктов необходимо полностью избегать [23]. Пациентам для восстановления толерантности к плохо переносимым продуктам рекомендуется время от времени их пробовать. Таким образом, предполагается формирование индивидуальной модифицированной диеты, которая подразумевает потребление хорошо переносимой пищи.

Результаты применения диеты с низким содержанием FODMAP. С начала появления гипотезы и внедрения в клиническую практику диеты с low-FODMAP накоплен практический опыт ее применения, выполнены исследования эффективности и безопасности, в том числе рандомизированные контролируемые (РКИ), их результаты оценены метаанализами и систематическими обзорами. Диета с low-FODMAP стала применяться в различных клинических ситуациях – функциональные желудочно-кишечные расстройства, воспалительные заболевания кишечника, целиакия и нецелиакичная гиперчувствительность к глютену, а также у лиц с недостаточной переносимостью пищевых продуктов. В базе данных PubMed на 20.02.2023 содержатся сведения о 293 РКИ, 18 метаанализах и 48 систематических обзорах с результатами исследования эффективности и безопасности диеты с low-FODMAP. Большинство клинических исследований показывают, что low-FODMAP обеспечивает значительное облегчение симптомов по сравнению с другими диетами (привычная диета, безглютеновая диета и др.) или с другими методами лечения, хотя исследователи использовали различные критерии оценки улучшения (шкалы оценки различных симптомов, визуальная аналоговая шкала, числовая оценка различных симптомов, степень и адекватность облегчения симптомов).

Диета с низким содержанием FODMAP при СРК. Наиболее часто диета с low-FODMAP обсуждается в контексте проблемы СРК. Согласно определению актуального Римского консенсуса IV (2016) СРК – функциональное расстройство кишечника, при котором рецидивирующая абдоминальная боль ассоциирована с дефекацией или изменением стула [17]. Значительная часть взрослых и детей с СРК связывают симптомы с пищей: примерно в 60 % пациенты сообщали о приеме пищи в качестве провоцирующего фактора своих симптомов, что глубоко влияет на качество их жизни [2]. Кроме того, хорошо известно, что пациенты с более высокой степенью самооценки пищевой непереносимости демонстрируют более серьезные симптомы

СРК [7]. Так как возможности фармакотерапии СРК ограничены, внимание обращается на диетические модификации для коррекции симптомов. Римский консенсус IV (2016) содержит предупреждение, что чрезмерное потребление фруктозы, искусственных подсластителей типа сорбита, ксилита, употребление молока может быть причиной диареи, вздутия, болей или метеоризма с заметкой о резком возрастании за последние 30 лет потребления фруктозы.

На практике пациентам, особенно детям, не всегда просто определить непереносимость отдельных пищевых продуктов. Так, в перекрестном исследовании изучалась связь между самостоятельно определяемой пищевой непереносимостью и тяжестью симптомов СРК (154 ребенка, отвечающих критериям Римского консенсуса III для педиатрического СРК, и 32 здоровых контрольных в возрасте 7–18 лет) [8]. Авторы пришли к выводу, что дети с СРК по сравнению со здоровыми идентифицировали по крайней мере один пищевой продукт и избегали большего количества продуктов, однако эти воспринимаемые непереносимости были плохо связаны с частотой и выраженностью болей в животе, соматизацией, беспокойством, снижением качества жизни.

Наибольшее количество исследований диеты с low-FODMAP по всему миру выполнено при СРК (в базе данных Pubmed 65 РКИ, 13 метаанализов), и большинство РКИ подтверждают ее эффективность. Так, метаанализ (9 и 3 перекрестных исследований) с систематическим обзором наблюдательных и интервенционных исследований, изучающих влияние диеты с низким содержанием FODMAP на желудочно-кишечные симптомы, качество жизни, нутритивную адекватность и микробиом кишечника у пациентов с СРК (до октября 2020 года), показал, что диета с низким содержанием FODMAP уменьшает симптомы ЖКТ и улучшает качество жизни у субъектов СРК по сравнению с контрольными диетами [30].

Снова обращаясь к Римскому консенсусу IV (2016), стоит подчеркнуть, что его авторы констатируют: специальные диеты с ограничением глютена, low-FODMAP у пациентов, к которым ранее не применялись диетические манипуляции, в сравнении с традиционной диетой, приводили к улучшению. С другой стороны, эффективность специальных рекомендаций (включая безглютеновую диету, low-FODMAP) и стандартных диетических рекомендаций сходная. Диета с ограничением FODMAP может быть эффективным диетическим вмешательством для уменьшения симптомов СРК у взрослых. У детей имеются многообещающие данные, хотя существует немного доказательств ее эффективности, подтвержденных РКИ.

Потенциальные побочные эффекты диеты с низким содержанием FODMAP. Известно, что любые значительные изменения в диете несут в себе риск нежелательных эффектов. При обнаде-

живающих данных о терапевтической эффективности в управлении абдоминальными симптомами у большинства взрослых и детей с диагнозом СРК авторы публикаций выражают озабоченность, что диета с low-FODMAP содержит ограничение большого количества пищевых продуктов, и опасаются относительно последствий длительного ее применения для здоровья. Таковыми являются [5, 22, 26]:

- сокращение разнообразия питания;
- потенциальная нутритивная неадекватность ввиду сокращения потребления углеводов;
- сокращение потребления клетчатки вследствие одновременного ограничения потребления цельнозерновых пшеничных продуктов, фруктов и овощей с высоким содержанием FODMAP без применения подходящей альтернативы с low-FODMAP;
- снижение потребления природных антиоксидантов, таких как флавоноиды, каротиноиды, витамин С, фенольная кислота и антоцианы, при ограничении нескольких видов овощей;
- дефицит кальция при исключении его основного источника – молочных продуктов;
- выраженное влияние на состав микробиоты ввиду ограничения потребления таких компонентов FODMAP, как пребиотические фруктаны и галакто-олигосахариды, продолжительность и клиническая значимость которых пока неизвестны;
- уменьшение транзита осмотической жидкости в просвет кишечника

Данные опасения касаются прежде всего детей, у которых исследований относительно диеты low-FODMAP и ее компонентов мало.

Клиническими последствиями применения диеты low-FODMAP могут стать [5, 22, 26]:

- чрезмерная потеря массы тела;
- запоры;
- провоцирование нарушений пищевого поведения: относительно высокий процент пациентов с СРК проявляет психологические сопутствующие заболевания, поэтому не исключается, что рекомендация ограничительной диеты вызовет или усилит расстройство пищевого поведения [2, 19, 27].

Сегодня имеются ограниченные данные о нутритивной адекватности питания как при кратковременном назначении диеты с low-FODMAP, так и в длительной перспективе. В целом исследования, проведенные на настоящий момент, позволяют предположить, что общая калорийность, углеводы и потребление кальция могут быть сокращены на короткий период, но потребление клетчатки изменяться не должно [4].

Обращается внимание, что из-за наличия потенциально вредных эффектов диетической модификации долговременное применение диеты с низким содержанием FODMAP рекомендовано только пациентам с тяжелыми симптомами, для которых постоянные ограничения необходимы для контроля над симптоматикой. Предполагается, что при диетологическом наблюдении диету можно применять надлежащим в отношении статуса питания образом. Из-за

возможного потенциала влияния диеты на статус питания во время диеты low-FODMAP должны мониториться масса тела и количество пищи [26]. Воздействие диеты на нутриционную адекватность при самоназначении не известен [26].

Отмечается также множество пробелов, которые касаются осуществления диеты FODMAP в клинической практике [9, 10, 32]:

- отсутствие подробных списков пищевых продуктов с низким содержанием FODMAP; например, лицам, имеющим кишечные симптомы, рекомендуется ограничить потребление фруктанов до 0,5 г на прием пищи, а продуктов, содержащих инулин и фрукто-олигосахариды, следует избегать, однако сведения о фруктанах трудно найти в базах данных состава пищевых продуктов;
- дефицит пищевых продуктов, свободных от содержания FODMAP, что затрудняет следование диете с низким содержанием FODMAP;
- дефекты маркировки пищевых продуктов;
- трудности установления точного потребления FODMAP.

Диета с низким содержанием FODMAP потенциально может улучшать или ухудшать качество жизни человека. Тем не менее большинство имеющихся данных позволяют считать, что она не приводит к ухудшению качества жизни и может его даже улучшить [14].

В настоящее время диета с низким содержанием FODMAP предлагается в качестве эффективного лечения СРК, а также других кишечных расстройств. Исследователи обращают внимание на необходимость долгосрочных РКИ на большом количестве пациентов, изучения связи FODMAP и микробиоты кишечника, возможные новые области применения диеты, помимо функциональных расстройств ЖКТ. При этом на практике существует потребность в эффективном способе отбора пациентов путем определения предикторов ответа для применения диеты low-FODMAP при условии поддержания достаточного питания, упрощении стиля соблюдения диеты путем маркировки FODMAP [1, 18, 24].

ЛИТЕРАТУРА

11. Albiac M.A., Di Cagno R., Filannino P. et al. How fructophilic lactic acid bacteria may reduce the FODMAPs content in wheat-derived baked goods: a proof of concept // *Microb. Cell Fact.* 2020; 19: 182.
12. American College of Gastroenterology Task Force on Irritable Bowel Syndrome; Brandt L.J., Chey W.D., Foxx-Orenstein A.E. et al. An evidence-based position statement on the management of irritable bowel syndrome // *Am. J. Gastroenterol.* 2009; 104 (Suppl. 1): S1–S35.
13. Barrett J.S. Extending our knowledge of fermentable, short-chain carbohydrates for managing gastrointestinal symptoms // *Nutr. Clin. Pract.* 2013; 28: 300–306.
14. Bellini M., Tonarelli S., Nagy A.G. et al. Low FODMAP diet: evidence, doubts, and hopes // *Nutrients.* 2020. 12: 148.
15. Biesiekierski J.R., Peters S.L., Newnham E.D. et al. No effects of gluten in patients with self-reported non-celiac gluten sensitivity after dietary reduction of fermentable, poorly absorbed, short-chain carbohydrates // *Gastroenterology.* 2013; 145: 320–328.
16. Biesiekierski J.R.; Rosella O.; Rose R. et al. Quantification of fructans, galacto-oligosaccharides and other short-chain short-chain carbohydrates in processed grain grains and cereals // *J. Hum. Nutr. Diet.* 2011; 24: 154–176.
17. Böhn L., Störsrud S., Törnblom H. et al. Self-reported food-related gastrointestinal symptoms in IBS are common and associated with more severe symptoms and reduced quality of life // *Am. J. Gastroenterol.* 2013; 108: 634–641.
18. Chumpitazi B.P., Weidler E.M., Lu D.Y. et al. Self-perceived food intolerances are common and associated with clinical severity in childhood irritable bowel syndrome // *J. Acad. Nutr. Diet.* 2016; 116: 1458–1464.
19. DiNicolantonio J.J., Berger A. Added sugars drive nutrient and energy deficit in obesity: a new paradigm // *Open Heart.* 2016; 3: e000469
20. Fodor I., Man S.C., Dumitrascu D.L. Low fermentable oligosaccharides, disaccharides, monosaccharides, and polyols diet in children // *World J. Clin. Cases.* 2019; 7: 2666–2674.
21. Gibson P.R., Shepherd S.J. Personal view: Food for thought – Western lifestyle and susceptibility to Crohn's disease. The FODMAP hypothesis // *Aliment. Pharmacol. Ther.* 2005; 21: 1399–1409.
22. Gibson P.R. History of the low FODMAP diet // *J. Gastroenterol. Hepatol.* 2017; 32 (Suppl 1): 5–7.
23. Gibson P.R. Use of the low-FODMAP diet in inflammatory bowel disease // *J. Gastroenterol. Hepatol.* 2017; 32 (Suppl. 1): 40–42.
24. Halmos E.P., Christophersen C.T., Bird A.R. et al. Consistent prebiotic effect on gut microbiota with altered FODMAP intake in patients with Crohn's disease: A randomised, controlled cross-over trial of well-defined diets // *Clin. Transl. Gastroenterol.* 2016; 7: e164.
25. Hod K., Ringel Y., van Tilburg M.A.L., Ringel-Kulka T. Bloating in irritable bowel syndrome is associated with symptoms severity, psychological factors, and comorbidities // *Dig. Dis. Sci.* 2019; 64: 1288–1295.
26. Ispiryani L., Zannini E., Arendt E.K. FODMAP modulation as a dietary therapy for IBS: Scientific and market perspective // *Compr. Rev. Food Sci. Food Saf.* 2022; 21: 1491–1516.
27. Lacy B.E., Mearin F., Chang L. et al. Bowel disorders // *Gastroenterology.* 2016; 150: 1393–1407.
28. Makharia G., Giblin P., Bai J. et al. Глобальные практические рекомендации Всемирной гастроэнтерологической организации: диета и кишечник. 2018, апр. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldgastroenterology.org/UserFiles/file/guidelines/diet-and-the-gut-russian.pdf>
29. Mitchell H., Porter J., Gibson P.R. et al. Review article: implementation of a diet low in FODMAPs for patients with irritable bowel syndrome – directions for future research // *Aliment. Pharmacol. Ther.* 2019; 49: 124–139.
30. Muir J.G., Rose R., Rosella O. et al. Measurement of short-chain carbohydrates in common Australian vegetables and fruits by high-performance liquid chromatography (HPLC) // *J. Agric. Food Chem.* 2009; 57: 554–565.
31. Muir J.G., Shepherd S.J., Rosella O. et al. Fructan and free fructose content of common Australian vegetables and fruit // *J. Agric. Food Chem.* 2007; 55: 6619–6627.
32. O'Keefe M., Jansen C., Martin L. et al. Long-term impact of the low-FODMAP diet on gastrointestinal symptoms, dietary intake, patient acceptability, and healthcare utilization in irritable bowel syndrome // *Neurogastroenterol. Motil.* 2017; 30: 712–721.
33. O'Keefe M., Lomer M.C. Who should deliver the low FODMAP diet and what educational methods are optimal: A review // *J. Gastroenterol. Hepatol.* 2017; 32 (Suppl. 1): 23–26.
34. Pensabene L., Salvatore S., Turco R. et al. Low FODMAPs diet for functional abdominal pain disorders in children: critical review of current knowledge // *J. Pediatr. (Rio J.)* 2019; 95: 642–656.
35. Roeb E., Weiskirchen R. Fructose and non-alkoholic steatohepatitis // *Frontiers in Pharmacology.* 2021; 12: 634344.
36. Smith E., Pauling J.D. The efficacy of dietary intervention on gastrointestinal involvement in systemic sclerosis: A systematic literature review // *Semin. Arthritis Rheum.* 2019; 49: 112–118.

27. Stasi C., Caserta A., Nisita C. et al. *The complex interplay between gastrointestinal and psychiatric symptoms in irritable bowel syndrome: A longitudinal assessment* // *J. Gastroenterol. Hepatol.* 2019; 34: 713–719.
28. Tuck C.J., Muir J.G., Barrett J.S. et al. *Fermentable oligosaccharides, disaccharides, monosaccharides and polyols: role in irritable bowel syndrome* // *Expert Rev. Gastroenterol. Hepatol.* 2014; 8 (7): 819–834.
29. Turco R., Salvatore S., Miele E. et al. *Does a low FODMAPs diet reduce symptoms of functional abdominal pain disorders? A systematic review in adult and paediatric population, on behalf of Italian Society of Pediatrics* // *Italian J. Pediatr.* 2018; 44: 53.
30. van Lanen A.-S., de Bree A., Greyling A. *Efficacy of a low-FODMAP diet in adult irritable bowel syndrome: a systematic review and meta-analysis* // *Eur. J. Nutr.* 2021; 60: 3505–3522
31. Wang X.J., Camilleri M., Vanner S., Tuck C. *Review article: biological mechanisms for symptom causation by individual FODMAP subgroups - the case for a more personalised approach to dietary restriction* // *Aliment. Pharmacol. Ther.* 2019; 50: 517–529.
32. Yamashita L.M., Corona L.P., da Silva E.D. et al. *FODMAP project: Development, validation and reproducibility of a short food frequency questionnaire to estimate consumption of fermentable carbohydrates* // *Clin. Nutr.* 2021; 40: 3409–3420.
33. Yao C.K., Tan H.-L., van Langenberg D.R. et al. *Dietary sorbitol and mannitol: food content and distinct absorption patterns between healthy individuals and patients with irritable bowel syndrome* // *J. Hum. Nutr. Diet.* 2014; 27 (Suppl. 2): 263–275.

Поступила 24.01.2023

РЕКОМЕНДАЦИИ МААСТРИХТ VI/ФЛОРЕНТИЙСКОГО КОНСЕНСУСА ПО ЛЕЧЕНИЮ ХЕЛИКОБАКТЕРНОЙ ИНФЕКЦИИ: НОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И УТОЧНЕНИЯ

С.И. Пиманов*, Е.В. Макаренко

Витебский государственный медицинский университет

*Контактная информация. Тел.: +375 29 685 71 77, e-mail: pimanovs@tut.by

RECOMMENDATIONS OF THE MAASTRICHT VI/FLORENTINE CONSENSUS FOR THE TREATMENT OF HELICOBACTER INFECTION: NEW PROVISIONS AND CLARIFICATIONS

S.I. Pimanov*, E.V. Makarenko

Vitebsk State Medical University

*Corresponding author. Tel.: +375 29 685 71 77, e-mail: pimanovs@tut.by

Очередной Маастрихт VI/Флорентийский консенсус уточнил ряд дискуссионных положений. Одно из ключевых положений заключается в том, что инфекция *H. pylori* всегда вызывает гастрит, независимо от симптомов или осложнений. Перед постановкой убедительного диагноза функциональной диспепсии необходимо исключить хеликобактерный гастрит. Около 90 % случаев рака желудка связано с *H. pylori*. Эрадикация *H. pylori* дает возможность предотвратить рак желудка в любом возрасте у взрослых, однако эффективность такой канцеропревенции уменьшается с возрастом. В алгоритме эрадикационной терапии, особенно при недостаточной информации по антибиотикорезистентности в регионе, предпочтение отдается квадротерапии с применением препаратов висмута. Снизилось значение тройной терапии с кларитромицином. Повсеместно отмечается быстрый рост резистентности *H. pylori* к фторхинолонам. При безуспешном проведении нескольких, обычно трех, попыток эрадикации финишным протоколом лечения считается тройная терапия с рифабутином.

KEYWORDS

Helicobacter pylori,
proton pump inhibitors,
eradication, triple therapy,
bismuth quadruple therapy,
resistance to antibiotics,
antimicrobial drugs

Another Maastricht VI/Florence Consensus clarified a number of debatable provisions. One key point is that *H. pylori* infection always causes gastritis, regardless of symptoms or complications. Before making a convincing diagnosis of functional dyspepsia, it is necessary to exclude *Helicobacter pylori* gastritis. About 90 % of stomach cancers are due to *H. pylori*. Eradication of the infection makes it possible to prevent gastric cancer at any age in adults, but the effectiveness of such cancer prevention decreases with age. In the eradication therapy algorithm, especially with insufficient information on antibiotic resistance in the region, preference is given to quadruple therapy using bismuth preparations. Decreased value of triple therapy with clarithromycin. There has been a rapid increase in *H. pylori* resistance to fluoroquinolones worldwide. If several, usually three, attempts at eradication are unsuccessful, triple therapy with rifabutin is considered the final treatment protocol.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Helicobacter pylori,
ингибиторы протонной
помпы, эрадикация,
тройная терапия,
висмутная квадротерапия,
резистентность
к антибиотикам,
противомикробные
лекарственные средства

Введение. Одна из основных терапевтических проблем на протяжении многих десятилетий – лечение язвенной болезни и хронического гастрита, а также профилактика рака желудка. На сегодняшний день установлено, что эти заболевания в большинстве случаев обусловлены инфекцией *Helicobacter pylori* (*H. pylori*). Основные принципы диагностики и лечения хеликобактерной инфекции с позиций доказательной медицины сформулированы в серии Маастрихтских консенсусов, которые являются основой соответствующих национальных

рекомендаций. В настоящее время в Республике Беларусь действуют клинические протоколы Министерства здравоохранения «Диагностика и лечение пациентов с заболеваниями органов пищеварения» (2017) [1], а в России – Клинические рекомендации Российской гастроэнтерологической ассоциации по диагностике и лечению инфекции *Helicobacter pylori* у взрослых (2018) [2]. Обновление положений Маастрихтского консенсуса и национальных рекомендаций является естественным процессом по мере проведения рандомизированных исследова-

ний и накопления новой информации. Очередной Маастрихт VI/Флорентийский консенсус проходил 27–28 сентября 2021 года во Флоренции с участием 41 эксперта из 29 стран. Было проведено обсуждение наиболее важных вопросов, касающихся менеджмента инфекции *H. pylori*. В соответствии с Дельфийской системой эксперты заблаговременно разрабатывали положения консенсуса, и его итоговые материалы опубликованы в сентябрьском номере журнала Gut в 2022 году с приоритетной датой поступления статьи 29 апреля 2022 года [3].

Одна из пяти рабочих групп экспертов работала над вопросами лечения инфекции *H. pylori*, которые изложены в предлагаемой статье. Раздел, посвященный лечению хеликобактерной инфекции, является ключевым и одним из наиболее объемных в консенсусе. Ниже приводятся все положения согласительного документа по разделу «Лечение», обоснования экспертов и комментарии авторов статьи, которые могут быть уместны для адаптированного понимания проблемы в наших условиях. Кроме того, в сформированном авторами статьи «Общем обзоре консенсуса» кратко приведены наиболее важные положения других разделов соглашения. Курсивом выделены дословно переведенные положения консенсуса.

Авторы надеются, что популяризация этого важного международного согласительного документа позволит практическим врачам оперативно воспользоваться достижениями современной гастроэнтерологии.

Методология. Как и при разработке предыдущего Маастрихт V/Флорентийского консенсуса, применялся Дельфийский (Delphi) метод согласительного документа, используемый в доказательной медицине. Уровень достоверности доказательности и сила (степень) рекомендаций определялись только после отдельных встреч рабочей группы. Характеристика типов исследований, уровней достоверности доказательств и степени убедительности рекомендаций приведена в предыдущих консенсусах [4, 5].

В шестой версии Маастрихт/Флорентийского консенсуса каждое обсуждаемое положение получало такие характеристики, как «согласие», т. е. указывалось относительное количество голосов экспертов, выразивших согласие с этим утверждением в процентах, а также уровень достоверности доказательств и убедительности рекомендаций. Последние обозначены как «качество (уровень) доказательства» (Quality of evidence) с градациями A, B, C и D (табл. 1) и сила рекомендаций (Strength of recommendation). Сила рекомендаций описана двумя градациями (1 и 2). Градация 1 соответствует строгой рекомендации. Это означает, что существует настоятельная рекомендация для использования сформулированного положения или против его применения. Градация 2 имеет слабую силу. В таком случае недостаточно доказательств для того, чтобы рекомендовать к применению сформулированное положение или отказаться от него.

Таблица 1

Уровни доказательности в Маастрихт VI/Флорентийском консенсусе

Уровень доказательности	Характеристика
A – высокое качество	Дальнейшие исследования вряд ли изменят уверенность в оценке эффекта
B – умеренное качество	Дальнейшие исследования вряд ли существенно повлияют на уверенность в оценке эффекта и могут ее изменить
C – низкое качество	Дальнейшие исследования, скорее всего, существенно повлияют на нашу уверенность в оценке эффекта и, вероятно, изменят ее
D – очень низкое качество	Любая оценка эффекта является очень неопределенной

Общий обзор консенсуса: что появилось нового. В новой версии Маастрихтского консенсуса, благодаря проведенным в последние годы исследованиям и публикации результатов рандомизированных клинических исследований и метаанализов, более точно сформулирован ряд положений, которые раньше находились на стадии обсуждения и были в какой-то степени размыты. Кроме того, появились новые формулировки рекомендаций. Так, первое положение консенсуса звучит следующим образом:

Инфекция H. pylori всегда вызывает гастрит, независимо от симптомов или осложнений. Согласие: 100 %. Уровень доказательности и рекомендаций (далее – уровень): A1.

Это весьма важное положение было известно ранее, в частности приводилось в тексте Киотского консенсуса [6]. Как известно, *H. pylori*-ассоциированный гастрит может протекать бессимптомно или проявляться диспепсией.

Назначать или нет «верхнюю эндоскопию» (эзофагогастроуденоскопию – ЭГДС) при диспеп-

сии? Этот вопрос активно обсуждается в международных согласительных документах и актуален для практического врача. В соответствии с международными рекомендациями, существует два варианта тактики обследования: «проверяй и лечи» (test-and-treat) или «смотри и лечи» (score-and-treat). Первый вариант предполагает диагностику инфекции *H. pylori* без предварительной эндоскопии и при положительном результате – назначение эрадикационной терапии. При отсутствии клинического эффекта от проведенного лечения рекомендуется выполнение эндоскопии. Вторым вариантом (score-and-treat) – осуществление ЭГДС как первого этапа обследования, наряду с банальными лабораторными тестами и ультразвуковым исследованием органов брюшной полости. Согласно многочисленным международным консенсусам и рекомендациям, эндоскопическое исследование необходимо при наличии «симптомов тревоги» (необъяснимая потеря веса, повторяющаяся рвота, прогрессирующая дисфагия, желудочно-кишечные кровотечения), возрасте пациента старше 45–60 лет или в случае отягощенного анамнеза [7]. В обсуждаемом консенсусе с самым высоким уровнем доказательности и рекомендаций предлагаются следующие решения (положения консенсуса здесь и далее выделены курсивом).

Подход «тестируй и лечи» является подходящей стратегией при неисследованной диспепсии. Согласие: 94 %. Уровень: А1.

*Эндоскопия не требуется при начальном исследовании диспепсии в районах с низкой распространенностью *H. pylori*.* Согласие: 92 %. Уровень: А1.

*У молодых пациентов с диспепсией (возраст до 50 лет) без специфического риска и тревожных симптомов рекомендуется неинвазивное тестирование на инфекцию *H. pylori*.* Согласие: 97 %. Уровень: А1

У пациентов с диспепсией старше 50 лет требуется ЭГДС. Функциональная серология может рассматриваться как дополнительный диагностический инструмент. Согласие: 94 %. Уровень: В1.

Следует учесть, что Беларусь и Россия относятся к регионам со значительной распространенностью инфекции *H. pylori* и высоким уровнем заболеваемости раком желудка, что исключает возможность безоговорочного принятия приведенных положений. Примечательно, что в консенсусе 2020 года Объединенной европейской гастроэнтерологии (United European Gastroenterology – UEG) и Европейского общества нейрогастроэнтерологии и моторики (European Society of Neurogastroenterology and Motility – ESNM) по функциональной диспепсии уже сформулированы положения по этой проблеме: «Эндоскопия верхних отделов желудочно-кишечного тракта обязательна для установления диагноза функциональной диспепсии. В первичном звене неисследованную диспепсию можно лечить без эндоскопии, если нет тревожных симптомов или факторов риска» [8]. Таким образом, существует противоречи-

вость рядом стоящих положений в рекомендациях UEG-ESNM. Можно предположить, что в западных странах использование относительно недорогого и доступного дыхательного теста имеет экономическое преимущество перед более затратным эндоскопическим исследованием.

В клинических рекомендациях Российской гастроэнтерологической ассоциации по диагностике и лечению функциональной диспепсии, а также гастрита и дуоденита вполне обоснованно указывается на необходимость проведения ЭГДС [9, 10]. Профессор А.А. Шептулин справедливо заметил, что следование формальным положениям вышеуказанных консенсусов чревато серьезными ошибками [11]. Таким образом, рекомендацию Маастрихт VI/Флорентийского консенсуса по возможности стратегии «проверяй и лечи» без эндоскопии «у молодых пациентов с диспепсией» (возраст до 50 лет) нельзя считать для нас приемлемой. Кстати, по современной классификации ВОЗ молодым считается возраст до 45 лет.

Без исключения хеликобактерного гастрита у пациентов с диспепсией в настоящее время нельзя установить диагноз функциональной диспепсии. Это констатирует следующее новое важное положение консенсуса.

*Перед постановкой убедительного диагноза функциональной диспепсии необходимо исключить гастрит, вызванный *H. pylori*.* Согласие: 100 %. Уровень: А1.

Предметом многолетних дискуссий является проблема ведения инфицированных *H. pylori* пациентов, которым необходимо принимать нестероидные противовоспалительные средства (НПВС), аспирин и/или антикоагулянты. На эту тему в консенсусе сформулирован ряд положений.

*Применение аспирина или НПВС увеличивает риск язвенной болезни и ее осложнений у субъектов, инфицированных *H. pylori*.* Согласие: 100 %. Уровень: А1.

*Тестирование и лечение *H. pylori* рекомендуется пациентам из группы высокого риска, которые уже длительное время принимают аспирин. Тестирование и лечение *H. pylori* рекомендуется для пациентов, ранее не получавших лечение, которые начинают длительную терапию НПВС. Пациентам из группы высокого риска может потребоваться дополнительная терапия ингибиторами протонной помпы (ИПП). *Согласие: 100 %. Уровень: А1.**

*Нет никаких доказательств того, что антикоагулянты (кумарины, прямые пероральные антагонисты и антагонисты витамина К) увеличивают риск кровотечения у пациентов с инфекцией *H. pylori*.* Согласие: 91 %. Уровень: А1.

Как известно, применение ИПП при хеликобактерном гастрите способствует его прогрессированию, в том числе топографически, т. е. распространению с антрального отдела на тело желудка. Поэтому традиционно считается целесообразной эрадикация инфекции *H. pylori*. Более детальное исследование связи длительного применения ИПП,

прогрессирования атрофии и изменения микробиома желудка требует дальнейших исследований.

Эрадикация H. pylori улучшает течение гастрита у длительно принимающих ИПП. Согласие: 97 %. Уровень: A1.

Консенсус подтвердил целесообразность эрадикации при заболеваниях, не связанных с патологией желудка.

Эрадикация H. pylori рекомендуется пациентам с необъяснимой железодефицитной анемией, идиопатической тромбоцитопенической пурпурой и дефицитом витамина B₁₂. Согласие: 97 %. Уровень: A1.

В настоящее время возникает вопрос о связи COVID-19 и хеликобактерной инфекции. Ответ консенсуса следующий.

Пандемия COVID-19 негативно повлияла на лечение заболеваний, связанных с H. pylori. Согласие: 86 %. Уровень: A1.

Негативное влияние COVID-19 связано с ограничением возможностей профилактических и лечебных мероприятий в системе здравоохранения при инфекции *H. pylori*.

Как указывается в материалах консенсуса, около 90 % случаев рака желудка связано с *H. pylori*. В регионах с высокой инфицированностью *H. pylori*, например в Японии, это значение достигает 95 %.

Инфекция H. pylori является основным этиологическим фактором аденокарциномы желудка, включая проксимальный рак желудка. Согласие: 100 %. Уровень: A1.

Атрофия слизистой оболочки желудка обычно возникает в результате многолетнего хеликобактерного гастрита, реже – аутоиммунного гастрита. Аутоиммунный гастрит поражает тело желудка, а хеликобактерный – сначала антральный отдел, а затем распространяется проксимально. Развитие рака желудка при хеликобактерном атрофическом гастрите происходит значительно чаще, чем при аутоиммунном.

Тяжелая атрофия (OLGA III/IV) на фоне гастрита, вызванного H. pylori, несет гораздо более высокий риск развития рака желудка по сравнению с атрофией на фоне аутоиммунного гастрита. Согласие: 100 %. Уровень: A1.

Эрадикация H. pylori устраняет (1) активную воспалительную реакцию при хроническом активном неатрофическом гастрите и (2) предотвращает дальнейшее прогрессирование атрофии и кишечной метаплазии при хроническом неатрофическом гастрите. Согласие: 100 %. Уровень: A1.

Эрадикационная терапия является единственным методом лечения хеликобактерного гастрита. Положительная динамика морфологических и функциональных показателей слизистой оболочки желудка после эрадикации *H. pylori* достаточно детально описана около 20 лет назад [12].

Эрадикация H. pylori может обратить вспять атрофию желудка и в некоторой степени кишечную метаплазию, а также остановить прогрессирование хронического атрофического гастрита в неопла-

стические поражения у части пациентов. Согласие: 97 %. Уровень: A1.

Эрадикация H. pylori дает возможность предотвратить рак желудка в любом периоде жизни взрослого человека. Величина пользы уменьшается с возрастом. Согласие: 97 %. Уровень: A1.

Эрадикация H. pylori наиболее эффективна для профилактики рака желудка до развития тяжелого хронического атрофического гастрита. Согласие: 97 %. Уровень: A1.

Консенсус подтвердил целесообразность диагностики *H. pylori* и эрадикационной терапии не только для профилактики рака желудка, но и для предотвращения гастродуоденальных язв и хронического гастрита.

Стратегия тестирования и лечения H. pylori на уровне популяции обеспечивает дополнительные преимущества за счет предотвращения других гастродуоденальных патологий. Согласие: 94 %. Уровень: A1.

Что касается использования генетических и эпигенетических маркеров для оценки риска рака желудка и прогрессирования рака желудка, то эксперты отметили, что на сегодняшний день однозначных рекомендаций сделать нельзя, эта проблема требует дальнейших исследований.

Чрезвычайно важным в последнем Маастрихтском консенсусе является раздел, посвященный взаимосвязи *H. pylori* и микробиоты желудочно-кишечного тракта. Не случайно разработчики консенсуса объединены в Европейскую исследовательскую группу *Helicobacter* и микробиоты.

В последние годы установлено, что применение антибиотиков в раннем детском возрасте оказывает многолетнее влияние на микробиом, который в свою очередь предопределяет разнообразные системные эффекты. Имеется метаанализ, который показал, что использование антибиотиков является значимым фактором риска развития болезни Крона у детей [13].

Применение антибиотиков в раннем детском возрасте оказывает долгосрочное воздействие на кишечную микробиоту. Согласие: 100 %. Уровень: B2.

Как известно, Барри Маршалл и Робин Уоррен около 40 лет назад разрушили один из догматов об отсутствии постоянного нахождения какой-либо микрофлоры в желудке человека, так как показали возможность заселения поверхности слизистой оболочки грамотрицательной микроаэрофильной бактерией *H. pylori*. В настоящее время, как указывается в материалах консенсуса, при использовании молекулярно-генетических методик на основе 16S rRNA секвенирования доказана колонизация желудка различными микроорганизмами, в основном *Actinobacteria*, *Bacteroidetes*, *Firmicutes*, *Fusobacteria* и *Proteobacteria*, причем установлено превалирование *Streptococcus*. Эти микроорганизмы могут влиять на желудочные эффекты *H. pylori*, но доминирующее значение хеликобактерной инфекции по воздействию на слизистую оболочку

желудка и ее триггерная роль в канцерогенезе не вызывают сомнений.

*Желудок человека колонизирован, помимо *H. pylori*, другими бактериями, которые называются желудочным микробиомом. Согласие: 94 %. Уровень: A1.*

*Желудочные бактерии, отличные от *H. pylori*, также могут влиять на изменения слизистой оболочки желудка, которые вызываются хеликобактерной инфекцией. Согласие: 91 %. Уровень: B2.*

Влияет ли эрадикационная терапия на кишечный микробиом? Эксперты консенсуса дают положительный ответ на этот вопрос. Прежде всего имеет значение, что увеличивается количество резистентных к использованному антибиотику штаммов различных микроорганизмов. Также происходит формирование штаммов *H. pylori*, резистентных к антибиотикам, которые применялись в связи с эрадикацией или по другим причинам. Фактически только сейчас стали появляться ответы на вопросы, которые возникали у клиницистов при широком распространении эрадикационной терапии еще 30 лет назад.

Эрадикационная терапия может привести к селекции резистентных штаммов кишечной микробиоты. Согласие: 89 %. Уровень: B2.

Весьма примечательно следующее заявление экспертов консенсуса: «Широкое использование антибиотиков в производстве пищевых продуктов привело к появлению комменсальных устойчивых к антибиотикам бактерий в кишечнике человека, и эти штаммы могут действовать как резервуар генов устойчивости к антибиотикам, а также как источник распространения устойчивости к антибиотикам». Возможно, этим объясняется более высокая резистентность к антибиотикам среди всеядных людей в сравнении с вегетарианцами, ово-лакто-вегетарианцами и веганами [14].

Установлено, что пробиотики, содержащие *Lactobacilli* и *Saccharomyces boulardii* (одноклеточные микроскопические дрожжевые грибки из рода сахаромицетов), уменьшают частоту побочных эффектов при эрадикационной терапии и, что самое важное, в конечном счете повышают ее эффективность. Ряд метаанализов рандомизированных клинических исследований доказал положительные эффекты пробиотиков при эрадикации *H. pylori* [15].

*Определенные пробиотики эффективны в уменьшении со стороны желудочно-кишечного тракта побочных эффектов, вызванных эрадикационной терапией *H. pylori*. Согласие: 89 %. Уровень: A2.*

Определенные пробиотики могут оказывать благотворное влияние на эффективность эрадикационной терапии за счет уменьшения побочных эффектов антибиотиков. Согласие: 80 %. Уровень: B2.

Установлено, что пробиотики ингибируют *H. pylori* несколькими путями, включая продукцию антимикробных веществ или конкурируя с *H. pylori* в процессе колонизации слизистой оболочки желудка. Несмотря на эти данные, большин-

ство авторов склоняются к мнению, что пробиотики, по-видимому, увеличивают частоту эрадикации *H. pylori* за счет уменьшения побочных эффектов при лечении, а не в результате прямого воздействия на микроорганизм. Как заключают эксперты, эта проблема требует дальнейшего изучения.

Лечение. Резистентность *H. pylori* к антимикробным препаратам является определяющим фактором эффективности существующих протоколов эрадикации микроорганизма. Возможной резистентностью *H. pylori* к амоксицилину, тетрациклину и рифабутину можно пренебречь, так как ее частота обычно не превышает 2 %. К препаратам висмута формирование устойчивости *H. pylori* отсутствует. Что касается кларитромицина, фторхинолонов и метронидазола, то резистентность к ним встречается повсеместно и является ключевой проблемой в лечении хеликобактерной инфекции.

В предыдущем Маастрихт V/Флорентийском консенсусе настоятельно рекомендовано начинать эрадикационную терапию с определения региональной резистентности *H. pylori* к кларитромицину, фторхинолонам и метронидазолу [4]. Если отсутствие чувствительности к какому-либо антибиотику в субпопуляции встречается у 15 % населения и чаще, резистентность считается высокой и использование этого лекарственного средства (ЛС) при эрадикации нецелесообразно. Разумеется, даже при высокочастотном здравоохранении определение региональной антибактериальной резистентности *H. pylori* является не всегда выполнимой задачей. В этой ситуации предлагается учитывать ряд косвенных показателей: 1) индивидуальный недавний анамнез пациента по приему антибиотиков; 2) эффективность протокола, назначенного для применения, по личному опыту врача в последние годы; 3) эффективность протокола, назначенного для применения, по личному опыту коллег, работающих в том же регионе. Если нет информации об этих показателях, как и данных о резистентности к кларитромицину, эксперты советуют априорно считать, что она высокая. Начинать лечение в этом случае рекомендуется с висмут-содержащей квадротерапии (ВКТ). Отмечено значительное преимущество невисмутовой сопутствующей квадротерапии над последовательным вариантом эрадикации в случае резистентных к кларитромицину штаммов *H. pylori*. Частота эрадикации при использовании этих схем терапии составляет соответственно 92 и 62 % соответственно [16]. По данным Европейского регистра по лечению (Hp-EuReg) инфекции *H. pylori*, как ВКТ, так и сопутствующий вариант эрадикационного протокола обеспечивает успех более чем в 90 % случаев во всех регионах Европы. Другие схемы лечения хеликобактерной инфекции не позволяют достичь такого высокого результата [17].

Учитывая первостепенную важность для практического врача вопросов лечения хелико-

бактерной инфекции, все положения Маастрихт VI/Флорентийского консенсуса, касающиеся этого раздела, приведены ниже в полном объеме (табл. 2). В консенсусе не указываются протоколы (схемы) эрадикации с перечнем разовых дозировок, частоты и длительности приема ЛС. Имеются ссылки на исследования, в которых есть описание методики лечения. Кроме того, детальный анализ протоколов лечения, упомянутых ранее в Маастрихт V/Флорентийском и Торонтском консенсусах (2016), а также в Американских рекомендациях (2017), проведен нами ранее [18].

По сравнению с предыдущим консенсусом, принципиальных изменений эрадикационной терапии инфекции *H. pylori* не произошло. Конкретизировался алгоритм лечения в плане последовательности применения различных схем терапии (рис. 1, 2), критическое отношение высказано к наиболее популярному тройному протоколу с кларитромицином и позитивное – к высокодозной двойной терапии. Вместе с тем, как и в предыдущем консенсусе, ряд положений по лечению имеет низкий уровень доказательности. Конкретные варианты протоколов и их содержание приведены в табл. 2.

Таблица 2

Основные эрадикационные протоколы, рекомендованные для использования или упомянутые в положениях Маастрихт VI/Флорентийского консенсуса

Название протокола	Содержание (компоненты протокола)	Длительность лечения (дни)
1. Оптимизированная тройная терапия	ИПП в удвоенной дозе (например, омепразол 40 мг) 2 раза в день + кларитромицин 500 мг 2 раза в день + амоксициллин 1000 мг (или метронидазол 500 мг) 2 раза в день	14
2. Стандартная висмут-содержащая квадротерапия	ИПП в стандартной дозе 2 раза в день + коллоидный субцитрат висмута 120 мг 4 раза в день + тетрациклин 500 мг 4 раза в день + метронидазол 500 мг 3 раза в день	10 или 14
3. Оптимизированная висмут-содержащая квадротерапия	ИПП в удвоенной дозе (например, омепразол 40 мг) 2 раза в день + коллоидный субцитрат висмута 120 мг 4 раза в день + тетрациклин 500 мг 4 раза в день + метронидазол 500 мг 4 раза в день	14
4. Сопутствующая (concomitant) терапия – квадротерапия без препаратов висмута	ИПП в стандартной дозе 2 раза в день + амоксициллин 1000 мг 2 раза в день кларитромицин 500 мг 2 раза в день + метронидазол 500 мг 2 раза в день	14
5. Оптимизированная сопутствующая терапия	ИПП в удвоенной дозе 2 раза в день + амоксициллин 1000 мг 2 раза в день + кларитромицин 500 мг 2 раза в день + метронидазол 500 мг 2 раза в день	14
6. Двойная высокодозная терапия	ИПП в стандартной дозе 4 раза в день, или в удвоенной дозе 2, 3 или 4 раза в день + амоксициллин в дозе ≥ 2 г/сут, например, 750 мг 4 раза в день или 1000 мг 3 раза в день	14
7. Левофлоксацин-содержащая тройная терапия	ИПП в стандартной дозе 2 раза в день + левофлоксацин 500 мг 1 или 2 раза в день + амоксициллин 1000 мг 2 раза в день	10–14
8. Висмут-содержащая квадротерапия с левофлоксацином	эзомепразол 40 мг 2 раза в день + амоксициллин 1000 мг 2 раза в день + левофлоксацин 500 мг один раз в день (или 250 мг 2 раза в день) + висмута субцитрат 240 мг 2 раза в день	14
9. Висмут-содержащая квадротерапия с фуразолидоном и амоксициллином	ИПП в стандартной дозе 2 раза в день + коллоидный субцитрат висмута 240 мг 2 раза + амоксициллин 1000 мг 2 раза в день + фуразолидон 200 мг 2 раза в день или ИПП в стандартной дозе 2 раза в день + висмута калия цитрат 220 мг 2 раза в день + амоксициллин 1000 мг 3 раза в день + фуразолидон 100 мг 3 раза в день	14 14
10. Висмут-содержащая квадротерапия с фуразолидоном и тетрациклином	ИПП в стандартной дозе 2 раза в день + препарат висмута в стандартной дозе 2 раза в день + тетрациклин 500 мг 4 раза в день + фуразолидон 100 мг 4 раза в день	14
11. Висмут-содержащая квадротерапия с амоксициллином и тетрациклином	ИПП в стандартной дозе 2 раза в день + препарат висмута в стандартной дозе 2 раза в день + амоксициллин 1000 мг 3 раза в день + тетрациклин 500 мг 4 раза в день	14

Название протокола	Содержание (компоненты протокола)	Длительность лечения (дни)
12. Тройная терапия с рифабутином	ИПП в стандартной или удвоенной дозе + амоксициллин 1000 мг 2 раза в день + рифабутин 300 мг 1 раз в день (или рифабутин 150 мг 2 раза в день)	10

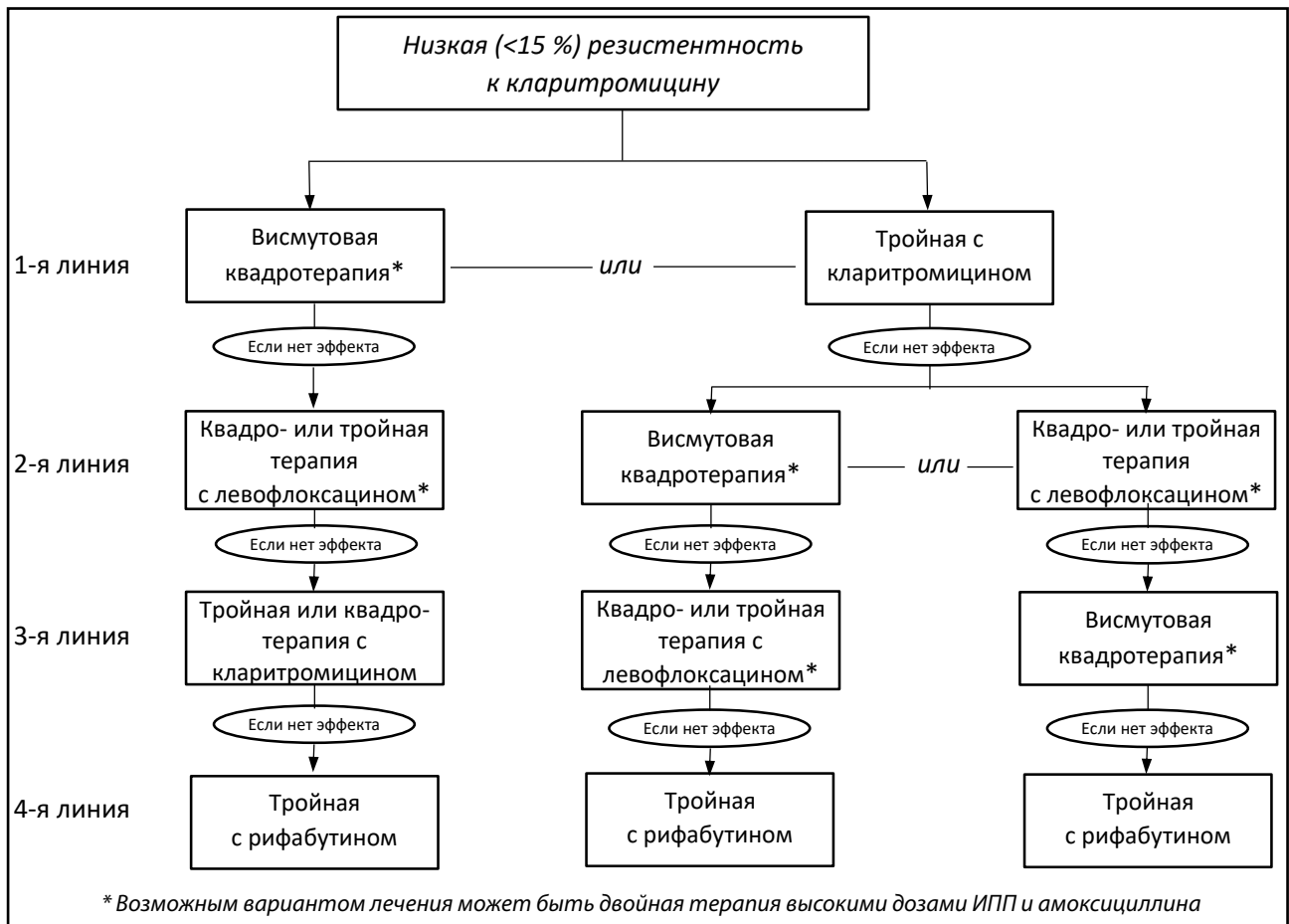

Рис. 1. Алгоритм эрадикационной терапии *Helicobacter pylori* в случае отсутствия индивидуальных результатов на чувствительность микроорганизма к антибиотикам при низкой популяционной резистентности к кларитромицину

Положение 1. Для рационального использования антибиотиков перед эрадикацией целесообразно рекомендовать проводить тесты на чувствительность (молекулярные или культуральные) в плановом порядке, лучше до назначения терапии первой линии. Тем не менее возможность использования такой стратегии, ориентированной на чувствительность, в рутинной клинической практике еще предстоит установить. Согласие: 91 %. Уровень D2.

Имеется несколько метаанализов, которые показали более высокий уровень эрадикации *H. pylori* после использовании тройной терапии как первой линии при наличии чувствительности микроорганизма к ее компонентам. Сравнение осуществлялось с эмпирической терапией [3]. Совершенно иная ситуация отмечена в случае применения ВКТ. По данным метаанализа 2020 года, не обнаружено

различий в частоте эрадикации *H. pylori* после назначения ВКТ с предварительным определением резистентности к ее компонентам и при эмпирическом использовании квадротерапии [19]. В этом исследовании также показано, что генетический полиморфизм CYP2C19 не влиял на результаты ВКТ. Поэтому экспертами консенсуса был сделан важный вывод, сформулированный во втором положении раздела «Лечение».

Положение 2. Если тестирование индивидуальной чувствительности невозможно, рекомендуемым лечением первой линии в регионах с высокой (> 15 %) или неизвестной резистентностью к кларитромицину является квадротерапия с препаратом висмута. Если это лечение недоступно, можно рассмотреть возможность использования квадротерапии без висмута. Согласие: 92 %. Уровень: B1.

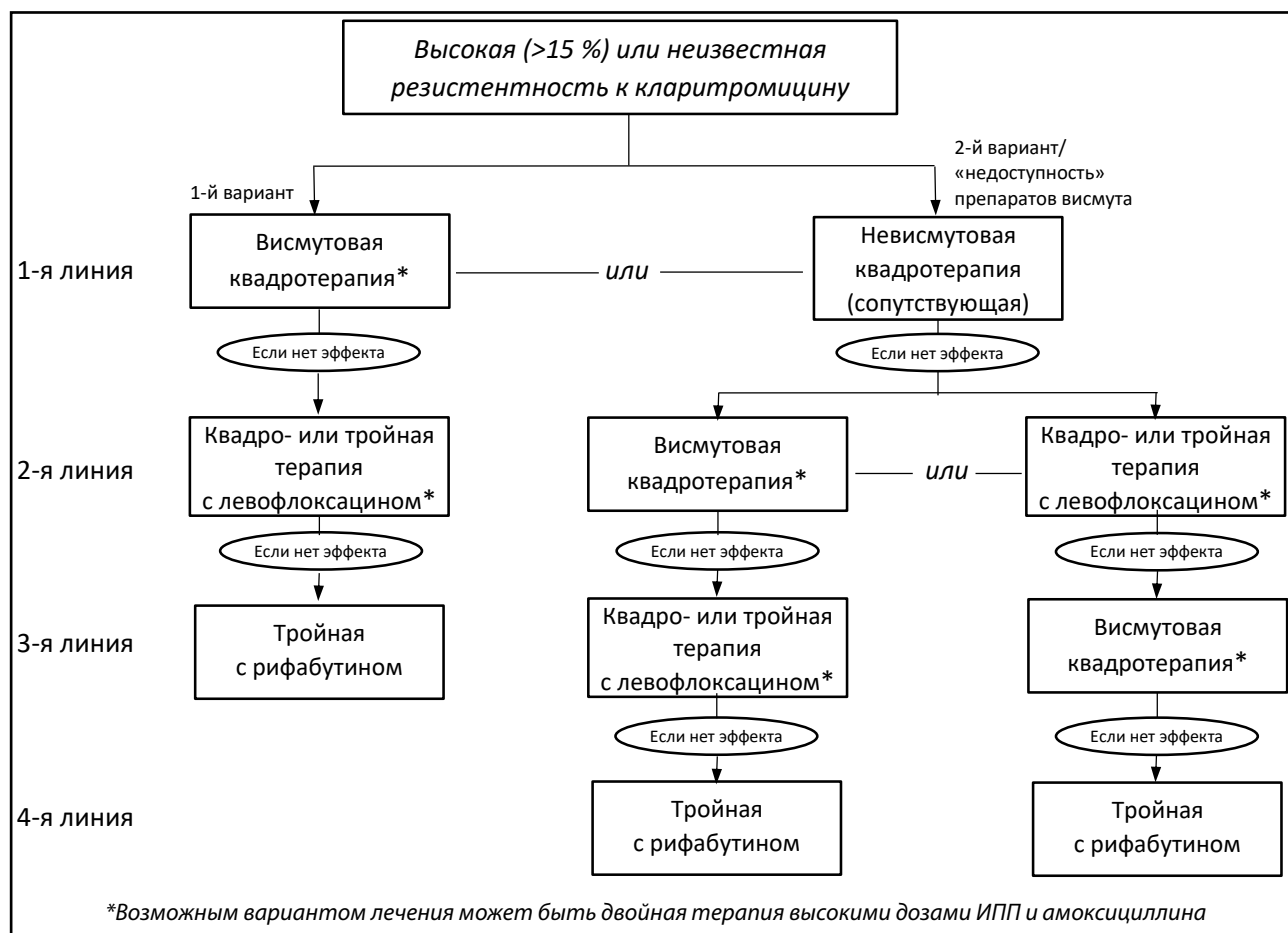

Рис. 2. Алгоритм эрадикационной терапии *Helicobacter pylori* в случае отсутствия индивидуальных результатов на чувствительность микроорганизма к антибиотикам при высокой популяционной резистентности к кларитромицину

«Недоступность» лечения препаратами висмута возникает в странах, где административно ограничено использование такого ЛС. В последние годы значение классической тройной эрадикационной терапии с кларитромицином за рубежом поставлено под сомнение, так как повсеместно регистрируется снижение эффективности такого варианта лечения. Следует также учитывать, что при синдроме удлиненного интервала QT назначение макролидов противопоказано [5, 18]. В то же время резервы тройного протокола не исчерпаны, если использовать, как указано в Клинических рекомендациях Российской гастроэнтерологической ассоциации по диагностике и лечению инфекции *Helicobacter pylori* у взрослых (2018), методы, повышающие эффективность эрадикации [2]. Как отметил на 28-й Объединенной Российской гастроэнтерологической неделе (2022) профессор А.А. Шептулин, общими мерами, повышающими эффективность эрадикации *H. pylori*, являются увеличение продолжительности курса лечения, надлежащий выбор ИПП и его дозы, включение в схемы эрадикации висмута трикалия дицитрата, прием антибиотика в более высоких дозах, включение пробиотиков и ребамипида в схемы эрадикации, а также повышение приверженности пациентов к лечению. Использование двойной дозы ИПП два раза в день, двухнедельная продолжительность лечения и неко-

торое увеличение суточной дозы метронидазола в протоколе ВКТ успешно применяется уже несколько лет во всем мире под названием «оптимизированная эрадикационная терапия» [18].

Повышение приверженности пациентов к лечению трудно переоценить, поскольку ежедневно на протяжении курса лечения ВКТ существует необходимость приема более 30 таблеток в день. Если взаимодействие «врач – пациент» ограничивается уровнем комплаенса, сложно ожидать успешной эрадикации в большинстве случаев. Комплаенс (compliance) – поведение пациента, соответствующее предписанным рекомендациям врача без какого-либо согласования лечения с пациентом во время визита. Процесс назначения фармакотерапии ограничивается авторитарным указанием врача. Приверженность (adherence) – прием ЛС в соответствии с медицинскими рекомендациями, причем пациент изначально согласился следовать таким назначениям врача. Согласование (concordance) – это выполнение пациентом договоренности, достигнутой между ним и врачом в отношении лечения. При назначении ЛС в этом случае врач учитывает пожелания, возможности и убеждения пациента, касающиеся лечения. Пациент, в свою очередь, собирается следовать рекомендациям врача [20]. Таким образом, при эрадикационной терапии требуется уровень

взаимодействия «врач – пациент», соответствующий приверженности или согласованию.

Положение 3. *Продолжительность квадротерапии с препаратами висмута должна составлять 14 дней, если 10-дневные протоколы одинаково эффективны, их можно применять.* Согласие: 85 %. Уровень: D2.

Необходимость увеличения длительности лечения до 14 дней отмечена еще в предыдущем консенсусе. Это являлось одним из компонентов «оптимизированной» эрадикации. Возможность применения 10-дневных протоколов эрадикационной терапии существует, если результаты такого лечения в данном регионе удовлетворительные, т. е. частота эрадикации превышает 80 %. Эксперты отметили, что продолжительность тройной терапии с кларитромицином должна составлять 14 дней, если в регионе не доказана эффективность менее продолжительного лечения.

Положение 4. *При выборе протокола лечения без висмута предпочтителен вариант сопутствующей терапии (ИПП, амоксициллин, кларитромицин и нитроимидазол одновременно), учитывая его доказанную воспроизводимую эффективность и меньшую сложность по сравнению с последовательной и гибридной терапией.* Согласие 94 %. Уровень: B1.

Положение 5. *Рекомендуемая продолжительность квадротерапии без препаратов висмута составляет 14 дней.* Согласие: 100 %. Уровень: D2.

В материалах консенсуса указывается, что квадротерапия более рациональна с включением препарата висмута, чем третьего антибактериального ЛС. Это целесообразно для уменьшения риска формирования антибиотикорезистентности в популяции, а также снижения вероятности развития побочных эффектов, в том числе нарушения кишечного микробиома.

Положение 6. *В регионах с низкой резистентностью к кларитромицину квадротерапия с препаратами висмута или тройная терапия с кларитромицином могут быть рекомендованы в качестве эмпирического лечения первой линии, если эффективность такого варианта будет доказана.* Согласие: 94 %. Уровень: B1.

По результатам недавно опубликованного мета-анализа (11 исследований, 808 изолятов) в России резистентность *H. pylori* к кларитромицину составила 10,39 %, метронидазолу – 33,95 %, амоксициллину – 1,35 %, левофлоксацину – 20,0 %, тетрациклину – 0,98 %, двойная резистентность к кларитромицину и метронидазолу зарегистрирована в 2,37 % случаев [21]. В Смоленской области резистентность штаммов *H. pylori* к кларитромицину, выделенных в 2015–2017 годах, составила 6,3 %, амоксициллину – 1,4 %, метронидазолу – 23,8 %, левофлоксацину – 24,5 %, тетрациклину – 0,7 % [22]. Особенно быстро растет резистентность микроорганизма к метронидазолу и левофлоксацину. Вместе с тем обсуждаемая резистентность к кларитромицину пока не достигла критического значения в 15 %, что позволяет использо-

вать тройную терапию. По результатам последнего масштабного исследования резистентности *H. pylori* к антибактериальным препаратам в Европе и США установлено, что 22,2 % изолятов не чувствительны к кларитромицину, 1,2 % – к амоксициллину и 69,2 % – к метронидазолу [23]. По данным самого большого аналогичного исследования в различных регионах США, установлен рост резистентности *H. pylori* к метронидазолу, а максимальные значения отсутствия чувствительности составили 23,2 % к кларитромицину, 8,3 % к амоксициллину и 49,7 % к метронидазолу. Максимальная региональная резистентность по отношению к тетрациклину равнялась 5,3 %, левофлоксацину – 68,4 % [24]. Резистентность *H. pylori* к рифампицину не была зарегистрирована. Оценка чувствительности в обоих последних исследованиях проводилась культуральным методом. Несмотря на отсутствие резистентности *H. pylori* к рифампицину, не следует считать это ЛС идеальным вариантом лечения из-за возможности развития побочного эффекта – супрессии костномозгового кроветворения.

Преодоление резистентности микроорганизма к antimикробному ЛС обычно происходит при увеличении его дозы и продолжительности приема. Поэтому появился «оптимизированный» вариант протоколов эрадикации.

Положение 7. *Рекомендуемая продолжительность лечения тройной терапией на основе ИПП-кларитромицин составляет 14 дней.* Согласие: 100 %. Уровень: B1.

Положение 8. *Применение высоких доз ИПП два раза в день повышает эффективность тройной терапии. Остается неясным, могут ли высокие дозы ИПП два раза в день повышать эффективность четырехкомпонентной терапии.* Согласие: 97 %. Уровень: C2.

Положение 9. *Лечение калий-конкурентными блокаторами протонной помпы (P-CAB) в комбинации с противомикробными препаратами превосходит или не уступает традиционной тройной терапии на основе ИПП при использовании в качестве первой и второй линии, а также превосходит такую эффективность у пациентов с доказанной устойчивостью к противомикробным препаратам.* Согласие: 100 %. Уровень: B2.

В зарубежной клинической практике только начинает использоваться группа антисекреторных препаратов P-CAB, например японский вонопрозан в таблетках 10 и 20 мг.

Положение 10. *Эмпирическая терапия второй линии и терапия спасения должны основываться на местных характеристиках резистентности, оцениваемых с помощью тестирования чувствительности и показателей эрадикации, чтобы оптимизировать успех лечения.* Согласие: 94 %. Уровень: D2.

Положение 11. *При неэффективности висмутсодержащей квадротерапии может быть рекомендована фторхинолонсодержащая квадротерапия (или тройная) или двойная терапия высокими дозами ИПП-амоксициллин. В случаях высокой рези-*

стенности к фторхинолонам возможна комбинация висмута с другими антибиотиками или рифабутином. Согласие: 83 %. Уровень: С2.

Двойная терапия высокими дозами ИПП и амоксициллина нередко вызывает настороженное отношение гастроэнтерологов и терапевтов, которые более 20 лет занимаются эрадикационной терапией и помнят, с каким трудом по рекомендациям первых Маастрихтских консенсусов изживалась моно- и двойная эрадикационная терапия. Показано, что последние варианты эрадикации при использовании ЛС в обычной дозировке не давали достаточного эффекта, в то время как тройная терапия с кларитромицином обеспечивала в прежние годы хороший результат более чем в 80 % случаев [25]. Тогда же была предложена высокодозная двойная терапия, которая по результатам ряда исследований оказалась достаточно удачной. В настоящее время имеется несколько, выполненных преимущественно китайскими специалистами мета-анализов, подтверждающих, что высокодозная двойная терапия по результатам эрадикации не уступает стандартным вариантам эрадикации, а количество побочных эффектов при ней ниже, что повышает приверженность лечению [3]. Вместе с тем в 2022 году опубликованы результаты Европейского регистра Hp-EuReg по использованию высокодозной двойной терапии в условиях реальной клинической практики: успешная эрадикация имела место всего лишь у 52 % пациентов, побочные проявления наблюдались у 30 % из них, причем наиболее часто (20 % обследуемых) это была диарея, в то же время серьезных побочных эффектов отмечено не было. Примечательно, что добавление препаратов висмута к высокодозной двойной терапии не повысило частоту эрадикации инфекции *H. pylori* [26]. Авторы исследования сделали заключение, что в европейском регионе высокодозная двойная терапия недостаточно эффективна.

ВКТ с фуразолидоном может рассматриваться как вполне приемлемый вариант эрадикации в случае продолжительности курса лечения 14 дней [27]. В основном тексте Маастрихт VI/Флорентийского консенсуса упоминания об этом протоколе нет, однако в приложении этого согласительного документа фуразолидон как возможный компонент эрадикационной терапии упоминается [3]. В предыдущем консенсусе фуразолидон также рекомендовался для эрадикации инфекции *H. pylori* [4].

Что касается указанной в 11-м положении консенсуса «комбинации препаратов висмута с рифабутином», то имеется только одно пилотное итальянское исследование, в котором сравнивались результаты обычной тройной терапии с рифабутином и такая же схема, но при дополнительном назначении субцитрата висмута 240 мг 2 раза в день. Применение протоколов с рифабутином обеспечило эрадикацию в 66,7 и 96,6 % случаев соответственно, т. е. дополнительное применение препарата висмута дало существенный положительный эффект [28]. Всем пациентам до использования протокола с рифабутином

проводилось две линии эрадикации в соответствии со стандартными схемами тройной и квадротерапии, которые оказались безуспешными. Включение пациентов в группы осуществлялось параллельно, но рандомизация пациентов не проводилась. Не удивительно, что эксперты признали это положение как соответствующее слабой рекомендации и низкому уровню доказательности.

Положение 12. При неэффективности тройной терапии (ИПП-кларитромицин-амоксициллин) в качестве терапии второй линии рекомендуются квадротерапия с висмутом, квадротерапия (или тройная) с фторхинолонами или двойная терапия высокими дозами ИПП-амоксициллин. Согласие: 84 %. Уровень: С2.

Положение 13. После безуспешной безвисмутовой квадротерапии рекомендуется либо висмутсодержащая квадротерапия, либо четырехкомпонентный (или тройной) протокол с фторхинолоном. Также можно рассмотреть возможность применения высокодозной двойной терапии ИПП и амоксициллина. Согласие: 87 %. Уровень: С2.

Положение 14. После неэффективности эрадикации, когда в качестве первой линии использовалась тройная терапия с кларитромицином или невисмутосодержащая квадротерапия, второй линии – висмутсодержащая квадротерапия, рекомендуется применить протокол с фторхинолоном. В регионах с заведомо известной высокой резистентностью к фторхинолонам следует рассмотреть возможность применения висмутсодержащей квадротерапии с другими антибиотиками, «терапии спасения» с рифабутином или высокодозной двойной терапии ИПП и амоксициллином. Согласие: 86 %. Уровень: В2.

Положение 15. После неэффективности эрадикации, когда в качестве первой линии использовалась тройная терапия с кларитромицином или квадротерапия без препаратов висмута, второй линии – протокол с фторхинолоном, рекомендуется использовать квадротерапию на основе висмута. Если использование препаратов висмута невозможно, следует рассмотреть двойную схему лечения высокими дозами ИПП с амоксициллином или протокол, содержащий рифабутин. Согласие: 84 %. Уровень: В2.

Положение 16. После неэффективности эрадикации, когда в качестве первой линии использовалась висмутсодержащая квадротерапия, второй линии – протокол с фторхинолоном, рекомендуется использовать тройную или квадротерапию с кларитромицином на основе кларитромицина, только в областях с низкой (< 15 %) резистентностью к кларитромицину. В противном случае следует использовать высокодозную двойную терапию ИПП-амоксициллин, схему, содержащую рифабутин, или комбинацию висмута с различными антибиотиками. Согласие: 90 %. Уровень: С2.

Положение 17. Пациентам с подтвержденной аллергией на пенициллин в качестве терапии первой линии следует рекомендовать висмутсодержащую квадротерапию (ИПП-висмут-тетрациклин-

метронидазол). В качестве терапии второй линии назначается висмутсодержащая квадротерапия (если она не была назначена ранее) и протокол с фторхинолоном как эмпирические варианты «терапии спасения» второй линии. Согласие: 85 %. Уровень: С2.

Ни в последнем, ни в предыдущих маастрихтских консенсусах не оговариваются такие важные практические детали лечения, как применение ЛС с учетом приема пищи и времени суток. Вполне понятно назначение ИПП: они принимаются утром натощак за 30–60 мин до завтрака [29], а повторный прием осуществляют примерно через 12 ч. Теоретически существует обычно игнорируемый риск частичной абсорбции ряда веществ и некоторых антибиотиков препаратами висмута [30]. В инструкции к применению иногда не рекомендуется употреблять напитки, молоко, фрукты или фруктовые соки в течение получаса до или после приема препаратов висмута. Что касается противомикробных препаратов, то их назначение регламентируется инструкцией. Прием большинства ЛС, кроме метронидазола и фуразолидона, традиционно осуществляется за 30–60 минут до еды. Метронидазол и фуразолидон принимают во время или после еды. Рифабутин принимается независимо от приема пищи. Возможна замена метронидазола тинидазолом. Нитроимидазолы, о которых идет речь в консенсусе, – общее название группы, куда входят метронидазол, тинидазол и орнидазол, т. е. можно использовать любой из этих препаратов. Фуразолидон и метронидазол несовместимы с алкоголем, что следует учитывать при выборе про-

токола эрадикации. В такой ситуации уровень приверженности лечению напрямую определяет его эффективность. Если врач не достигнет соглашения с пациентом о возможности исключения приема алкоголя более чем на 2 недели, значит использовать указанные ЛС нельзя. Метронидазол можно заменить орнидазолом, использование которого одновременно с алкоголем не вызывает выраженных побочных эффектов.

Заключение. В Маастрихт VI/Флорентийском консенсусе позиционировано, что инфекция *H. pylori* всегда вызывает гастрит, независимо от симптомов или осложнений. Перед постановкой убедительного диагноза функциональной диспепсии необходимо исключить хеликобактерный гастрит. Некоторые положения консенсуса требуют элементов критического отношения с учетом высокой заболеваемости раком желудка в Республике Беларусь и сложностью определения антибиотикорезистентности. Следует учитывать, что около 90 % случаев рака желудка связано с *H. pylori*. Эрадикация *H. pylori* дает возможность предотвратить возникновение рака желудка в любом периоде жизни взрослого человека, однако эффективность такой канцерпревенции уменьшается с возрастом. В алгоритме эрадикационной терапии предпочтение отдается висмутсодержащей квадротерапии. Снизилось значение тройного лечения с кларитромицином. Повсеместно отмечается быстрый рост резистентности *H. pylori* к фторхинолонам. При безуспешном проведении нескольких, обычно трех, попыток эрадикации финишным протоколом лечения считается тройная терапия с рифабутином.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горгун Ю.В., Мараховский Ю.Х., Пиманов С.И. и др. Диагностика и лечение пациентов с заболеваниями органов пищеварения: клин. протокол. Минск: Проф. изд., 2016. 214 с.
2. Ивашкин В.Т., Маев И.В., Лапина Т.Л. и др. Клинические рекомендации Российской гастроэнтерологической ассоциации по диагностике и лечению инфекции *Helicobacter pylori* у взрослых // Рос. журн. гастроэнтерол. гепатол. колопроктол. 2018; 28 (1): 55–70.
3. Malfertheiner P., Megraud F., Rokkas T. et al. Management of *Helicobacter pylori* infection: the Maastricht VI/Florence consensus report // Gut. 2022; 71 (9): 1724–1762.
4. Malfertheiner P., Megraud F., O'Morain C.A. et al. Management of *Helicobacter pylori* infection – the Maastricht VI/Florence Consensus Report // Gut. 2017; 66 (1): 6–30. doi: 10.1136/gutjnl-2016-312288
5. Пиманов С.И., Макаренко Е.В. Рекомендации Маастрихт V/Флорентийского консенсуса по лечению хеликобактерной инфекции // Consilium Medicum. 2017; 19 (8.1. Гастроэнтерология): 8–27.
6. Sugano K., Tack J., Kuipers E.J. et al. Kyoto global consensus report on *Helicobacter pylori* gastritis // Gut. 2015; 64 (9): 1353–1367.
7. Stanghellini V., Chan F.K., Hasler W.L. et al. Gastrointestinal Disorders // Gastroenterology. 2016; 150 (6): 1380–1392.
8. Wauters L., Dickman R., Drug V. et al. United European Gastroenterology (UEG) and European Society for Neurogastroenterology and Motility (ESNM) consensus on functional dyspepsia // United Eur. Gastroenterol. J. 2021; 9 (3): 307–331.
9. Ивашкин В.Т., Маев И.В., Лапина Т.Л. и др. Клинические рекомендации Российской гастроэнтерологической ассоциации и ассоциации «Эндоскопическое общество РЭНДО» по диагностике и лечению гастрита, дуоденита // Рос. журн. гастроэнтерол. гепатол. колопроктол. 2021; 31 (4): 70–99.
10. Ивашкин В.Т., Маев И.В., Шептулин А.А. и др. Клинические рекомендации Российской гастроэнтерологической ассоциации по диагностике и лечению функциональной диспепсии // Рос. журн. гастроэнтерол. гепатол. колопроктол. 2017; 27 (1): 50–61.
11. Ивашкин В.Т., Маев И.В., Труханов А.С. и др. Воспаление, нарушение моторной функции и висцеральная гиперчувствительность: основные механизмы функциональных расстройств желудочно-кишечного тракта (обзор литературы и резолюция Совета Экспертов) // Рос. журн. гастроэнтерол. гепатол. колопроктол. 2022; 32 (1): 7–14.
12. Пиманов С.И., Макаренко Е.В., Воропаева А.В. и др. Динамика морфологических и функциональных характеристик слизистой оболочки желудка после эрадикации *Helicobacter pylori* у больных с язвами двенадцатиперстной кишки // Тер. арх. 2006; 78 (2): 26–31.
13. Ungaro R., Bernstein C.N., Geary R. et al. Antibiotics associated with increased risk of new-onset Crohn's disease but not ulcerative colitis: a meta-analysis // Am. J. Gastroenterol. 2014; 109 (11): 1728–1778.
14. Milanović V., Osimani A., Cardinali F. et al. Erythromycin-resistant lactic acid bacteria in the healthy gut of vegans, ovo-lacto vegetarians and omnivores // PLoS One. 2019; 14 (8): e0220549.
15. Zhang M., Zhang C., Zhao J. et al. Meta-analysis of the efficacy of probiotic-supplemented therapy on the eradication of *H. pylori* and incidence of therapy-associated side effects // Microb. Pathog. 2020 Oct.; 147: 104403.
16. Gisbert J.P., McNichol A.G. Eradication of *Helicobacter pylori* infection with non-bismuth quadruple concomitant therapy // A.U. Rahman, M.I. Choudhary eds. Frontiers in anti-infective drug discovery Bentham science publishers, 2020: 1–34.

17. Nyssen O.P., Bordin D., Tepes B. et al. European Registry on *Helicobacter pylori* management (Hp-EuReg): patterns and trends in first-line empirical eradication prescription and outcomes of 5 years and 21 533 patients // *Gut*. 2021; 70 (1): 40–54.
18. Пиманов С.И., Макаренко Е.В. Оптимизированные эрадикационные протоколы: рекомендации американской коллегии гастроэнтерологов, Маастрихт V/Флорентийского и Торонтского консенсусов // *Мед. совет*. 2017; 15: 10–17.
19. Espada M., Nyssen O.P., Gisbert J.P. Empirical versus susceptibility-guided treatment of *Helicobacter pylori* infection: a meta-analysis // *United Eur. Gastroenterol. J.* 2020; 8: 251.
20. Пиманов С.И., Макаренко Е.В., Дикарева Е.А. Соблюдение схемы терапии ингибиторами протонного насоса при постоянном приеме нестероидных противовоспалительных средств // *Тер. арх.* 2015; 87 (4): 58–61.
21. Андреев Д.Н., Маев И.В., Кучерявый Ю.А. Резистентность *Helicobacter pylori* в Российской Федерации: метаанализ исследований за последние 10 лет // *Тер. арх.* 2020; 92 (11): 24–30.
22. Дехнич Н.Н., Иванчик Н.В., Козлов Р.С. и др. Антибиотикорезистентность *Helicobacter pylori* в Смоленске // *Клин. микробиология и антимикробная химиотерапия*. 2018; 20 (1): 42–48.
23. Mégraud F., Graham D.Y., Howden C.W. et al. Rates of Antimicrobial Resistance in *Helicobacter pylori* Isolates From Clinical Trial Patients Across the US and Europe // *Am. J. Gastroenterol.* 2022 Nov. 14. Epub. ahead of print.
24. Hulten K.G., Lamberth L.B., Kalfus I.N. et al. National and Regional US Antibiotic Resistance to *Helicobacter pylori*: Lessons From a Clinical Trial // *Gastroenterology*. 2021; 161 (1): 342–344.e1.
25. Пиманов С.И., Попов С.А., Макаренко Е.В. Мета-анализ эффективности эрадикационной терапии *Helicobacter pylori* по протоколу «омепразол – кларитромицин – амоксициллин» // *Consilium Medicum. Прилож. «Гастроэнтерология»*. 2003; 2: 11–13.
26. Fernández-Salazar L., Campillo A., Rodrigo L. et al. Effectiveness and Safety of High-Dose Dual Therapy: Results of the European Registry on the Management of *Helicobacter pylori* Infection (Hp-EuReg) // *J. Clin. Med.* 2022; 11 (12): 3544.
27. Liang X., Xu X., Zheng Q. et al. Efficacy of bismuth-containing quadruple therapies for clarithromycin-, metronidazole-, and fluoroquinolone-resistant *Helicobacter pylori* infections in a prospective study // *Clin. Gastroenterol. Hepatol.* 2013; 11 (7): 802–807.e1.
28. Ciccaglione A.F., Tavani R., Grossi L. et al. Rifabutin Containing Triple Therapy and Rifabutin with Bismuth Containing Quadruple Therapy for Third-Line Treatment of *Helicobacter pylori* Infection: Two Pilot Studies // *Helicobacter*. 2016; 5: 375–381.
29. Katz P.O., Gerson L.B., Vela M.F. Guidelines for the diagnosis and management of gastroesophageal reflux disease // *Am. J. Gastroenterol.* 2013; 108 (3): 308–328.
30. Ericsson C.D., Feldman S., Pickering L.K. et al. Influence of subsalicylate bismuth on absorption of doxycycline // *J.A.M.A.* 1982; 247 (16): 2266–2267.

РАДОСТЬ ЖИЗНИ / LA JOIE DE VIVRE

Эмиль Золя / Emile Zola

Отрывок из романа

«...На третий день ночью у Шанто начался приступ подагры, приближение которого он предчувствовал. В течение недели у него уже покалывало в суставах, его знобило, малейшее движение внушало ему непреодолимый страх. С вечера он сравнительно спокойно лег спать, но в три часа утра боль возникла з большим пальце левой ноги. Вскоре она перешла в пятку, затем охватила всю щиколотку. До рассвета Шанто тихо стонал, покрываясь испариной под своим одеялом. Он не хотел беспокоить окружающих; его подагра наводила ужас на весь дом, поэтому Шанто терпел до последней возможности и никого не звал, стыдясь, что по собственной неосторожности вызвал приступ, и зная, с какой злобой относятся к его недугу домашние.

Но когда около восьми часов утра Вероника проходила у его двери, Шанто уже не мог удержаться и вскрикнул от невыносимой боли.

– Так! Готово! – проворчала служанка. – Он уже воет.

Она вошла и увидела, что Шанто стонет, катаясь по подушкам.

– Вот хозяйка-то будет довольна! – проговорила Вероника. Лучшего утешения для больного она не могла придумать.

Действительно, когда хозяйку предупредили и она зашла к Шанто, у нее в отчаянии опустились руки.

– Уже! – сказала она. – Не успела я приехать, как началось.

За пятнадцать лет в ее душе накопилась ненависть к мужниной подагре. Она смотрела на его болезнь, как на личного врага, как на злодейку, которая отравила ей жизнь, расстроила карьеру сына, разрушила все ее честолюбивые планы. Не будь подагры, разве стали бы они жить в заброшенной деревушке? И, несмотря на свое доброе от природы сердце, она с содроганием и злобой относилась к приступам болезни, уверяя, что не способна ходить за больным и бессильна помочь.

– Боже мой, как я страдаю! – бормотал несчастный старик. – Сегодня приступ будет еще сильнее, чем в прошлый раз, я чувствую. Уходи отсюда, если тебя это раздражает, только пошли сейчас же за доктором Казновым.

С этой минуты в доме началась суматоха. Лазар отправился в Арроманш, хотя в семье уже мало уповали на помощь врачей. За пятнадцать лет Шанто перепробовал всевозможные лекарства, но с каждым новым способом лечения болезнь только обострялась. Вначале приступы случались редко и были слабее, но со временем они участились и усилились. На сей раз боль охватила обе ступни и грозила перейти в колено. Врачи уже испробовали на больном три метода лечения. Его жалкое тело

превратилось в объект врачебных экспериментов, на нем испытывали действие различных рекламных средств. Сперва врачи прибегали к обильным кровопусканиям, затем без меры стали давать слабительные, теперь его пичкали колхицином и литием. От потери крови организм еще больше ослабел и подагра из острой мало-помалу перешла в хроническую. Местное лечение оказалось безуспешным, пиявки вызывали анкилоз, опиум затягивал приступы, нарывные пластыри оставляли язвы на теле. Поездки в Висбаден и Карлсбад не возымели никакого действия на больного, а курс лечения в Виши едва не убил его.

– Боже мой, как я страдаю! – повторял Шанто. – Точно собаки грызут мне ногу.

И он метался на постели, пристраивая свою ногу то так, то эдак, в надежде облегчить свои муки. Но приступ не прекращался, боли усиливались, каждое движение заставляло его жалобно стонать. Вскоре стоны превратились в непрерывный рев. Боли не давали больному опомниться, его бросало то в жар, то в холод и томила палящая жажда.

В это время в комнату неслышно вошла Полина. Стоя возле постели, она серьезно, без слез смотрела на дядю. Г-жа Шанто, раздраженная воплями мужа, совершенно растерялась. Вероника хотела было поправить одеяло, тяжесть которого была для больного невыносима, но, едва она коснулась лишь его края, своими грубыми ручищами, Шанто закричал еще громче, умоляя не трогать его. Вероника вызывала у него ужас, он утверждал, что она швыряет его, как узел грязного белья.

– Тогда нечего меня звать, – злобно огрызнулась она, выходя из комнаты. – Если вы гнушаетесь людьми, обходитесь без них!

Полина тихонько приблизилась к постели, детские пальцы легко и ловко отвернули одеяло. Шанто почувствовал минутное облегчение и принял ее услуги.

– Спасибо, крошка... Поправь вон ту складку. В ней, наверное, пятьсот фунтов. О, только не так быстро, я боюсь!

Однако боль возобновилась, стала еще сильнее. Когда г-жа Шанто начала было прибираться в комнате, подняла шторы, поставила чашку на ночной столик, больной рассердился:

– Перестань ходить, прошу тебя, все кругом дрожит... Каждый твой шаг для меня, как удар молота.

Жена даже не пыталась извиниться или успокоить его. Этим всегда кончалось, его оставляли мучиться одного.

– Пойдем, Полина, – только и сказала она. – Ты видишь, дядя не выносит нашего присутствия.

Но Полина осталась. Она ступала так осторожно, что ее ножки едва касались паркета. С этой минуты она не отходила от больного, а тот, кроме нее, никого не пускал к себе в комнату. «Мне бы легкий ветерок вместо сиделки», – говаривал он. А у Полины был дар угадывать и облегчать муки, она предупреждала малейшие желания дяди, оберегала его от слишком резкого света в спальне, подносила ему чашку с овсяным отваром, которую Вероника подавала в дверь. Несчастного старика успокаивало ее присутствие, он умиленно смотрел, как она сидит на стуле возле кровати, не сводя с него своих больших глаз, сияющих состраданием. Он старался развлечься, рассказывая девочке про свои терзания.

– Вот сейчас у меня такое чувство, будто мою ногу режут тупым ножом, отделяют косточку за косточкой, и при этом, честное слово, мне кажется, что ее горячей водой поливают.

Затем характер боли изменялся: точно железное кольцо сжимало ногу, мускулы напрягались, как натянутые струны скрипки, готовые лопнуть. Полина сочувственно слушала; ей, казалось, все было понятно, и она кротко внимала жалобам и крикам дяди, думая только об его выздоровлении. Она радовалась, когда в промежутке между двумя воплями ей удавалось вызвать улыбку на лице Шанто.

Когда наконец приехал доктор Казэнов, он пришел в восторг от Полины и звонко чмокнул в голову маленькую сиделку. Это был мужчина лет пятидесяти четырех, сухой и крепкий. Прослужив тридцать лет флотским врачом, он вышел в отставку и поселился в Арроманше, в доме, доставшемся ему по наследству от дяди. С тех пор, как доктор Казэнов вылечил г-жу Шанто от растяжения связок, он стал другом всей семьи.

– Ну вот, я опять у вас! – сказал он. – Прикажи пожать вам руку. Но вы знаете, что в остальном я могу сделать не больше, чем эта девочка. Дорогой мой, когда у вас наследственная подагра и когда вам перевалило за пятьдесят, надо смириться. К тому же вас окончательно доконали всеми этими снадобьями... Единственное средство – терпение и фланель, вы сами знаете!

Доктор любил выдавать себя за скептика. За тридцать лет практики на глазах у него умерло столько несчастных под всеми широтами и от всяческих болезней, что он составил себе весьма скромное мнение о медицине. Чаще всего он предоставлял жизни самой постоять за себя. Однако он осмотрел распухший палец на ноге, лоснившийся и багровый, затем ощупал колено, куда перекинулось воспаление; на кончике правого уха доктор обнаружил твердый и белый бугорок.

– Доктор, – простонал больной, – неужели вы не облегчите мои страдания?

Лицо Казэнова стало серьезным. Его заинтересовал бугорок на ухе, этот подагрический узел. Но-

вый симптом болезни вернул ему утраченную веру в медицину.

– Бог мой! – пробормотал он. – Попробую прописать щелочь и соли... Болезнь, очевидно, становится хронической.

Затем он рассердился:

– Вы сами тоже виноваты! Не соблюдаете режим, который вам указан... Никакого моциона, вечно в кресле... и держу пари, что вы опять пили вино и ели мясо... Ведь правда? Признайтесь, ели вы что-нибудь возбуждающее?

– О, всего только маленький кусочек паштета, – робко признался Шанто.

Доктор воздел руки, словно призывая в свидетели силы небесные. Он вытащил из карманов своего широкого сюртука несколько склянок и стал приготавливать микстуру. Местное лечение ограничилось тем, что доктор обложил ногу и колено ватой, а сверху забинтовал клеенкой. Уезжая, доктор дал указания по уходу за больным Полине: каждые два часа ложку микстуры; овсяного отвара, сколько больной пожелает, но главное – строжайшая диета!

– Разве можно удержать его от еды? – сказала г-жа Шанто, провожая доктора.

– Нет, нет, тетя, вот увидите, он будет умником, – осмелев, вставила Полина. – Он будет меня слушаться.

Казэнов с добродушной усмешкой поглядывал на разумное личико Полины. Он опять расцеловал ее в обе щеки.

– Девчурка создана для того, чтобы заботиться о других... – проговорил он, бросив на нее проницательный взгляд, как будто ставил диагноз.

Шанто кричал целую неделю. Едва стала проходить левая нога, как начала болеть правая, и страдания возобновились с удвоенной силой. Весь дом трепетал. Вероника заперлась на кухне, чтобы не слышать криков; даже г-жа Шанто и Лазар иногда уходили из дому, их нервы не выдерживали. Только Полина не покидала комнаты, где ей приходилось бороться с капризами больного, во что бы то ни стало требовавшего себе котлету, вопившего, что он голоден, что доктор Казэнов осел, неспособный его вылечить. Ночью боли становились особенно мучительными. Полина спала часа два-три самое большее. Несмотря на это, она вела себя молодцом; трудно было представить себе более крепкую девочку. Г-жа Шанто почувствовала облегчение и в конце концов приняла помощь ребенка, водворившего в доме покой. Наконец наступило выздоровление...».

1884 г.

Золя Э. Радость жизни. Ругон-Маккары. Собрание сочинений в 18 томах. Т. 9 / пер. с франц. Д.С. Усовой. М.: Правда, 1957.

Подготовила Н.Н. Силивончик

ПРИ ОСЛАБЛЕННОМ ИММУНИТЕТЕ И ЧАСТЫХ ИНФЕКЦИЯХ

ГРОПРИНОСИН®

для поддержки иммунитета

в качестве дополнительной терапии у лиц с ослабленным иммунитетом при рецидивирующих инфекциях верхних дыхательных путей

ГЕДЕОН РИХТЕР ОАО

На правах рекламы. Курс лечения 5-14 дней. Противопоказан в период беременности. Имеются медицинские противопоказания и нежелательные или побочные реакции.
ЛЕКАРСТВЕННЫЙ ПРЕПАРАТ. ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ПРОКОНСУЛЬТИРУЙТЕСЬ С ВРАЧОМ.

МИЛЬГАММА®

тиамин + пиридоксин + цианокобаламин
бенфотиамин + пиридоксин

БОЛЬ В СПИНЕ И ШЕЕ?

milgamma.com.by

woerwagpharma.by

Синергичный эффект
в уменьшении
болевого синдрома

Восстановление
нервных
волокон

Сокращение
сроков
лечения

Восстановление
физической
активности

**ЛЕКАРСТВЕННЫЙ ПРЕПАРАТ. ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ
СЛЕДУЕТ ОЗНАКОМИТЬСЯ С ИНСТРУКЦИЕЙ.**

Имеются медицинские противопоказания и нежелательные реакции. Применение при беременности и в период лактации возможно, если потенциальная польза для матери превышает возможный риск для плода и ребёнка, только по рекомендации и под наблюдением врача.

Вёрваг Фарма ГмбХ и Ко. КГ, Германия. Произведено Солюфарм Фармасьютисш Урзнесс ГмбХ, Мауерманн Арцнаймиттель КТ, Германия. На правах рекламы.